

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

106

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ.
ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

106

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

Г. Ил. ГЕОРГИЕВ

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АЗМАШКА МОГИЛА
БЛИЗ СТАРОЙ ЗАГОРЫ(Болгария)¹

Наиболее значительные исследования в области первобытной археологии Болгарии произведены на Азмашском многослойном поселении (Азмашка могила) в 6 км к востоку от г. Стара Загора. Поселение расположено на равнине, с трех сторон к нему примыкают обширные заболоченные участки — «азмак», давшие наименование и самому «жилому холму». Высота холма — 7,94 м, площадь поселения — 5500 кв. м.

Раскопки производились согласно специальному постановлению Совета Министров Народной Республики Болгарии в связи со строительством завода у г. Старой Загоры. Они продолжались с 1960 по 1963 г.²; впервые в болгарской, да и во всей балканской археологии многослойное первобытное поселение было раскопано целиком.

В настоящей статье освещены лишь некоторые, наиболее важные результаты полевых работ по изучению главным образом неолитического и отчасти энеолитического слоев поселения.

Стратиграфия памятника. Общая толщина культурного слоя — 7,5 м, из них 3 м составляет неолитический и 4,50 м — энеолитический пласт. Неолитический пласт делится на пять строительных горизонтов. Четыре из них относятся к культуре Караново I, один — к культуре Караново III, вариантом которой является пласт Яса-тепе I в Пловдиве³.

Между пластами неолита и энеолита отмечена гумусная прослойка толщиной около 0,40 м, свидетельствующая о временном запустении поселка и возобновлении жизни на нем в энеолитический период.

Энеолитический пласт состоял из восьми строительных горизонтов: четыре относятся к культуре Караново VI, остальные четыре — к культуре Караново V⁴.

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 29.VI 1963 г.

² Раскопки произведены экспедицией в составе: Г. Ил. Георгиев — старший научный сотрудник Археологического института БАН, руководитель экспедиции; П. Детева — научный сотрудник Археологического музея в Пловдиве, Д. Николов — директор Народного музея в Старой Загоре, М. Димитров — сотрудник того же музея.

Г. Ил. Георгиев. Азмашката селишна могила край Стара Загора. — Археология, год. IV, кн. I, стр. 58 сл.; он же. Главни резултати от разкопките на Азмашката селишна могила през 1961 г. — Известия на Археологическия институт, кн. XXVI, 1963, стр. 157, сл.

³ Периодизация первобытных многослойных поселений типа Караново представлена автором в статье «Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thracien (Südbulgarien)». — «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961.

⁴ Культура Караново V (Марница) охватывает начальную пору энеолита, Караново VI (Коджадермен) — вторую половину той же эпохи.

Жизнь на поселении продолжалась и в начале эпохи бронзы, но пласт с находками этого времени сильно разрушен: в нем удалось лишь констатировать остатки двух строительных горизонтов. В римскую эпоху холм вновь был заселен и огражден стеной из дикого камня.

Стратиграфические наблюдения, сделанные на Азмашском поселении, подтверждают правильность общей колонки, выявленной при исследовании Каранова, и показывают конкретные особенности этой колонки, характерные для изучаемого памятника. Жизнь на поселении протекала в неолите (Караново I и III), энеолите (Караново V и VI) и первой половине бронзового века (Караново VII). Культура Караново II, являющаяся продолжением Каранова I, но без расписной керамики, здесь не представлена. То же следует сказать и о культуре Караново IV (Протомарида), знаменующей переход от неолита к энеолиту Южной Болгарии. С другой стороны, пласт Караново I на Азмашском поселении представлен много лучше, чем в самом Каранове, где толщина его достигает лишь 0,60 м. Следовательно, период развития этой культуры на нашем поселении был более длительным.

Особое внимание при раскопках было обращено на планировку поселков и домостроительство.

Первоначальные обитатели поселка заселили небольшой овальный участок с неровной поверхностью, возвышавшийся над современным уровнем болота всего на 0,44 м. Специальная глинистая подсыпка шириной 0,17 м, прослеженная по периферии поселения, препятствовала затоплению этого участка. В эпоху энеолита земляной вал с полисадом наверху служил той же цели; в то же время он предохранял края холма от оползания и служил оборонительным сооружением.

Большое значение имеет открытие оснований жилищ различных пластов и строительных горизонтов. Особенно важны остатки домов древнейшего, первоначального поселка. Здесь были четко выявлены и изучены остатки 13 жилищ. Часть домов сгорела во время большого пожара, особенно ярко зафиксированного в северо-восточной части поселка.

Создатели поселка имели богатые традиции домостроительства, и жилища их отличаются фундаментальностью. При постройке широко использовалось дерево, которым изобиловали окрестности поселка. Процесс постройки был следующим. В четырех углах забивались колья диаметром до 0,20 м, а между ними — по линии стен — колья и плахи диаметром от 0,05 до 0,20 м. Колья обжигались, что предохраняло их от гниения. Стены оплетались ветвями и обмазывались толстым слоем глины, перемешанной с рубленой соломой.

Соответственно очертаниям поселка жилища располагались полукругом, они либо плотно прилегали друг к другу, либо были разделены интервалами в 1 м. По мере роста населения на свободных участках сооружались новые жилища неправильной формы, тогда как жилища первого горизонта — прямоугольные, а иногда почти квадратные. Размеры их следующие: 5,16 × 6,45; 6,50 × 6,05. Ориентировка домов различная, но в основном оси их расположены с севера на юг или с востока на запад. Пол жилищ был обмазан глиной, предохранявшей от влаги. Эта обмазка, как и обмазка стен, неоднократно подновлялась. В ряде случаев на стенах сохранились отпечатки пальцев. Вход в дом располагался обычно против печи. В каждом доме находили печь, зернотерку и каменную ступу.

Печи подковообразные, размерами 1 × 1 м, располагались обычно вблизи одной из стен, но не вплотную к ней. Они возвышались на 0,15—0,20 м над полом жилища. Основания печей были выложены мелкими камнями и кусками глиняной обмазки. Сверху основа покрывалась несколькими слоями глины. Под печи тщательно сглаживался. При каждой новой перестройке обновлялась и печь, особенно ее под.

Эллипсоидные зернотерки располагались в непосредственной близости от печи, на специальных глиняных подставках с валиком, ограждавшим

зернотерку с трех сторон. На подставках помещались от одной до трех зернотерок. Терочки уступали по размерам зернотеркам и редко сохранялись на своих местах.

Каменная ступа с круглым углублением в центре располагалась перед печью и зернотеркой или вблизи них. Рядом находились большие сосуды (зернохранилища) высотой от 0,50 до 1 м и диаметром до 0,50 м. Они сделаны из глины с примесью соломы и не обожжены. В одном из жилищ было восемь таких сосудов различных размеров, причем в некоторых из них найдены обугленные зерна.

На полу жилищ найдены разнообразные орудия и фрагменты сосудов, почти в каждом доме — грузила для ткацкого стана. Это безусловно доказывает наличие в неолитическом поселке вертикального ткацкого стана. В некоторых домах находились особого вида переносные глиняные подставки, впервые найденные в Болгарии. Высота их — до 0,20 м, нижняя часть — цилиндрическая, диаметром 0,20 м, верхняя — приплюснутая, со слабым углублением в центральной части и приподнятыми

краями. Вероятно, такие подставки ставились на печи и очаги: на них готовилась мясная пища. В северо-западном углу одного жилища были найдены две подставки несколько иного вида. Высота их 0,18 м; вместо цилиндрической нижней части они имели по две ножки. Не исключена возможность, что такие предметы могли служить подставками для деревянного настила — стола или лежанки. Вероятность подобного предположения подтверждается тем, что глиняная обмазка далеко не всегда могла достаточно предохранить пол от сырости, связанной с высоким уровнем почвенных вод.

Восточная часть первоначального поселка была уничтожена пожаром, поэтому основания домов здесь хорошо сохранились, чего нельзя сказать о западной части, где удалось установить планы лишь двух жилищ.

Планировка поселка на втором этапе его существования почти полностью повторяла первоначальную. Жилища были сооружены непосредственно на развалинах первоначальных жилищ, выровненных, но специально оставленных на месте как защита от почвенных вод. Лишь дважды удалось вскрыть сравнительно хорошо сохранившиеся основы домов этого периода. Оба дома носят следы пожара. Одно из жилищ имело прямоугольную

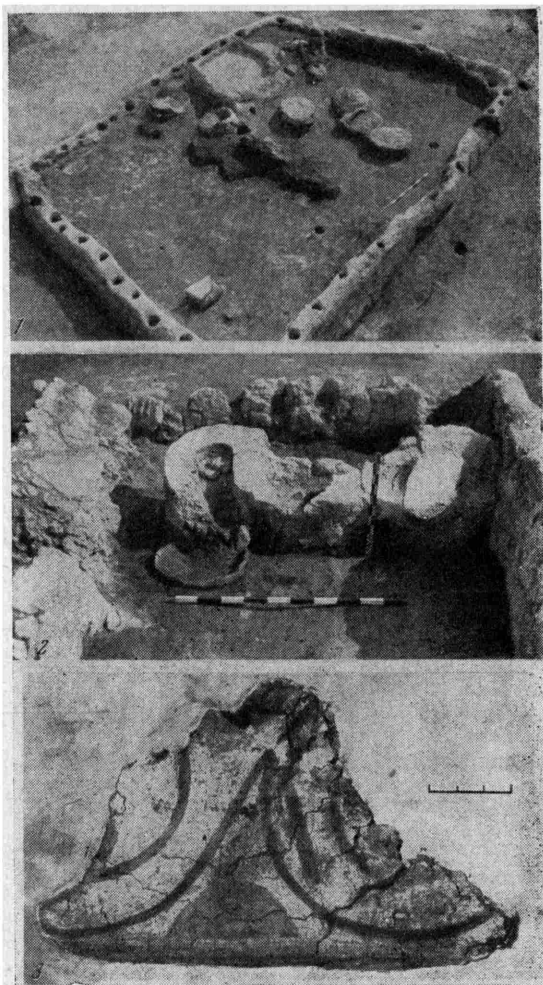

Рис. 1. Поселение Азмашка могила

1 — основания неолитических жилищ; 2 — ранне-неолитические зернотерки; 3 — расписная обмазка стены из энеолитического дома

форму (рис. 1, 1), длина его 6,70 м, ширина 4,90 м. Углы несколько округлены. Вход с запада. Ширина двери 1,20 м. Печь — у восточной стены против входа. По обе стороны от печи находились зернохранилища. Найдены одна ступа и несколько зернотерок. На полу — значительный слой обугленного зерна. У южной стены обнаружено два плоских каменных топора. Подобно жилищам первого этапа это жилище неоднократно перестраивалось и существовало длительное время.

Второе жилище находилось восточнее описанного. Оно было почти квадратным: $7,30 \times 7,20$ м. Западная стена его сохранилась на высоту 0,45 м. Пол утрамбованный, неровный, в юго-западном углу обмазка его сохранилась особенно хорошо. Характерная особенность этого жилища — геометрический орнамент, прочерченный по обмазке внутренней поверхности южной и западной стен. Такие украшения в Болгарии открыты впервые. Ни печи, ни зернотерки в жилище не найдено, открыта только ступа. В юго-западном углу найдены большой каменный топор и комья глины.

От третьего этапа жизни поселения сохранились три жилища, из которых два открыты в восточной и одно — в западной половине. Первое жилище состоит из трех помещений, каждое из них имеет глиняную печь. Отдельные помещения этого тройного жилища общей длиной 15,20 м и шириной 7 м находились под общей кровлей. Второе жилище отличалось от всех остальных неолитических домов наличием глиняной площадки в северо-западном углу, высотой 0,20 м и размерами $3,25 \times 2,20$ м. Площадка служила лежанкой. Третье, западное жилище имело почти квадратную форму. Размеры его $5,30 \times 5,20$ м. Северо-восточная и северо-западная стены его сохранились на высоту до 0,70 м. У северо-восточной стены находилось глиняное сооружение, подобное очагу с двумя колонками в передней части. Такое сооружение открыто в Болгарии впервые. К северу от него находилась сильно разрушенная зернотерка. Печи в жилище не было.

В двух верхних неолитических горизонтах открыты лишь детали основний жилищ, остатки печей и отдельные ямки от колеб. Прежде всего это относится к последнему горизонту. В предпоследнем открыты остатки дома с тремя зернотерками на единой подставке (рис. 1, 2). Перед ней находились глиняные сосуды, куда с помощью костяной лопатки собиралась мука.

Как уже указывалось, после известного перерыва поселок был вновь заселен в энеолите, при этом овальная форма его сохранилась. Дома располагались рядами или образовывали небольшие группы. Застройка в целом очень плотная. Ориентировка различна, что свидетельствует об отсутствии плана застройки поселка. Входы в жилища со стороны улочек. Лучше всего выявлены основания жилищ четвертого строительного горизонта. Ниже приведены данные двух наиболее характерных жилищ. Первое открыто на глубине 2,90 м. Размеры его $18,40 \times 6,35$ м. Ориентировка восток — запад. Жилище состояло из трех помещений. Длина восточного — 5,40 м, центрального — 10,60 м, западного — 2,40 м. Жилище перестраивалось, о чем свидетельствуют два уровня обмазки пола, состоявшей из 15 прослоек и достигавшей толщины 0,30 м. В юго-восточном углу центрального помещения находилась прямоугольная глиняная площадка, назначение которой неясно. На двойном полу дома найден ряд бытовых предметов, глиняные сосуды и их фрагменты; среди последних — фрагменты сосудов типа Салманова с графитной орнаментацией. Это позволяет относить жилище к периоду Караново VI (Коджадермен). Жилище свидетельствует о высоком уровне домостроительства в позднем энеолите древней Фракии. В комплексном характере жилища можно видеть продолжение неолитических традиций. Значительные размеры жилища, массивность его, толщина глиняной обмазки пола и стен, наконец, наличие глиняной площадки свидетельствуют об особом назначении этого дома. Можно полагать, что в нем жил член родовой общины, занимавший особое положение, может быть, старейшина. Не случайно жилище это занимало центральное место среди построек поселка.

Столь же интересным является второе жилище, открытое в западной половине поселка. Оно синхронно первому этапу существования описанного выше дома. Длина его 19 м, ширина 9 м, оно состоит из двух помещений: южного — длиной 12,70 м и северного — длиной 6,30 м. Ориентировано с севера на юг. Глиняная обмазка пола этого дома нанесена поверх деревянного настила, обугленного в результате сильного пожара. К особенностям дома следует отнести и геометрический волотный орнамент, украшающий внутреннюю поверхность стен, выполненный белой пастой по красному (охристому) фону (рис. 1, 3). Печи и зернотерки в доме не обнаружено.

Наблюдения над конструкцией печей в других домах показывают, что если печи первой половины энеолита подковообразны, с широким устьем и расширениями по его сторонам, то во второй половине энеолита они имели почти квадратную основу. Основа свода делалась из тонких прутьев, обмазывавшихся затем слоями глины. Поды печей неоднократно обновлялись. Размеры печей различны. Длина их достигала иногда 1,50 м. Вблизи них располагались специальные площадки для сбрасывания золы. Мусор, выметенный из жилищ, собирался в специальные ямы.

Археологическая коллекция, собранная при раскопках Азмашского поселения, включает 10 000 находок, не считая фрагментов сосудов.

Остановимся на важнейших находках, прежде всего открытых внутри жилищ и потому имеющих четкую стратиграфическую характеристику.

Для находок в неолитических домах характерны каменные округлые топоры, тесла и долота, кремневые скребки и ножи с мелкой ретушью. Часть кремневых пластинок служила вкладышами составных серпов. Основой таких серпов служил олений рог с глубоким желобом, в котором вкладыши закреплялись с помощью хвойной смолы. Три таких серпа сохранились целиком, четвертый — частично. Все они происходят из верхнего неолитического горизонта. Эти находки подтверждают вывод о том, что данный тип серпа характерен для неолитического периода Болгарии. Ныне Болгария располагает наилучшей коллекцией подобных серпов, происходящих прежде всего с Карановского поселения.

Широко применялись орудия из кости и рога — иглы, шилья, долота. Они заострялись с помощью специальных каменных точил. Начиная с энеолита появляются медные орудия и сверленные каменные топоры. Каменные орудия изготовлялись из местного материала, добытого вблизи поселка. К категории оружия могут быть отнесены яйцевидные глиняные пули для пращи, характерные для неолитических культур Балкано-Средиземноморья.

Интересна лопатка с ручкой, изготовленная из кости неизвестного животного и служившая для сбирания муки.

Наиболее массовым материалом является керамика, представленная целыми и фрагментированными сосудами, бытовыми изделиями, культовыми предметами. Реставрация свыше 1000 сосудов дает возможность проследить развитие керамического комплекса в неолите и энеолите.

Для четырех нижних неолитических горизонтов характерны прежде всего расписные сосуды типа Каранова I. По их чернолощеной поверхности белой пастой были нанесены различные узоры (линии, шахматный орнамент, треугольники, спирали, волоты, точки и пр.), покрывавшие сосуд целиком (рис. 2, 1). Такими узорами украшались высокие сосуды тюльпановидной формы на поддонах, часто снабженных прорезями. Наряду с расписными были распространены сосуды различной формы с гладкой серо-черной или коричневой поверхностью, например горшки с расширенной нижней частью и высоким горлом, украшенные мелкими каннелюрами (рис. 2, 5), подобные же сосуды с низким поддоном (рис. 2, 3); плоские или широкие чаши; грушевидные сосуды с петлевидными ручками, через которые пропускался шнур для удобства переноски сосуда (рис. 2, 4). Помимо тонкой, тщательно обработанной посуды, для домашних нужд изготовлялись разнообразные сосуды с грубой поверхностью. Они украшены

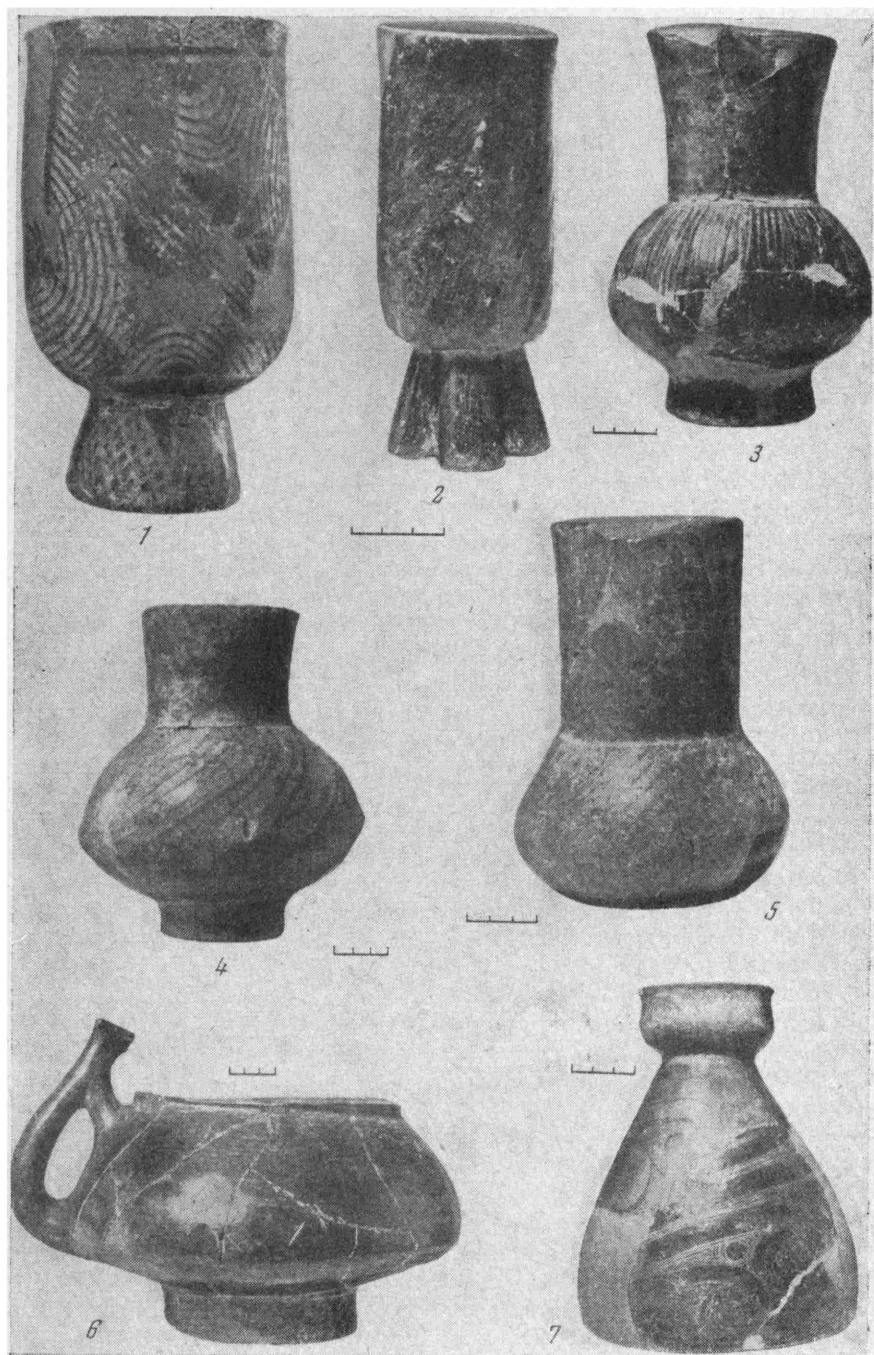

Рис. 2. Поселение Азмашка могила

1 — расписной неолитический сосуд (тип Караново I); 2—5 — неолитические сосуды; 6 — неолитический сосуд с зооморфной ручкой; 7 — глиняный предмет из энеолитического пласта

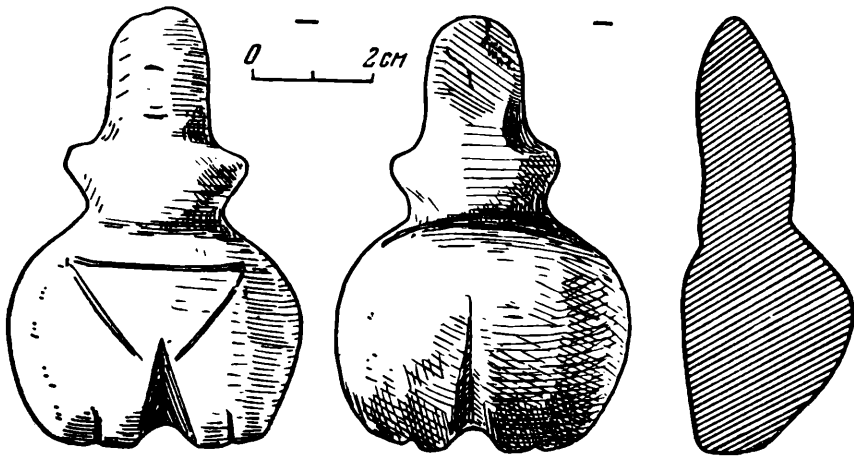

Рис. 3. Поселение Азмашка могила, Мраморная неолитическая человеческая фигурка

ногтевыми вдавлениями, рельефными лентами, ямками, шишечками. Особый интерес представляют небольшие сосуды, украшенные рельефными схематическими человеческими изображениями. Были найдены три таких сосуда, из них два целых. Все они происходят из верхнего неолитического горизонта. На одном сосуде высотой 14,2 см человеческая фигура представлена целиком. На другом сосуде высотой 7,1 см изображено человеческое лицо анфас. Сосуд, очевидно, служил кубком для питья, а изображение могло иметь символическое значение. Традиция изображения человека на стенках сосудов сохранилась и в энеолите. На внутренней стороне дна одного из таких сосудов было подобное же изображение. Человеческие изображения на сосудах известны в ряде неолитических культур: Каранове, Винче, Кёреше и др.

В неолитическом пласте были открыты каменные сосуды и обломки мраморных сосудов, чрезвычайно редких в Болгарии.

Для конца неолитического периода (Караново III) характерен найденный в западной части поселения сосуд с низким поддоном и цилиндрической ручкой, с зооморфным навершием. Высота его 14 см. Поверхность чернолощенная (рис. 2, б).

Из многочисленных глиняных и мраморных изображений людей и животных наибольший интерес представляет мраморная женская статуэтка высотой 7 см, открытая в жилище первого неолитического горизонта (рис. 3). С идеей плодородия здесь связана сильно подчеркнутая стеопапигия. Черты лица и контуры фигуры переданы крайне схематично. Эта статуэтка может считаться древнейшим произведением мраморной пластинки, найденным в Болгарии. Примитивизм характерен и для других изображений, некоторые из них имели призматичную форму.

Помимо людей, древние скульпторы изображали собак, овец, птиц и др.

Украшения — гривны, серьги, ожерелья, подвески и др. — изготовлялись из мрамора, кости, глины, раковин (*cardium* и *spondylus*). Одно ожерелье сохранилось целиком. Из костяных изделий можно отметить перстень с четырьмя выступами. Возможно, в качестве амулета была использована схематизированная статуэтка человека, изготовленная из зеленоватого стекла. Высота ее 3,2 см, ширина 2,7 см, толщина 0,5 см.

Глиняные неолитические печати (пинтадеры) имеют эллипсоидную форму и резной геометрический орнамент в отличие от энеолитических печатей, имеющих круглое основание.

Во всех строительных горизонтах неолитического пласта, прежде всего в третьем, открыты погребения, преимущественно детские. Погребения

скорченные. Подобные же скорченные детские погребения найдены и в Карановском поселении. В одном из больших сосудов найдены части нескольких человеческих черепов и разбитые кости. В энеолитических горизонтах погребений не было. Некрополь этого периода находился вне поселения, но он пока еще не найден.

Из энеолитических находок упомянем лишь немногие. Для нижних четырех горизонтов характерна керамика типа Караново V (Марица). Типичной формой сосуда является глубокая чаша, имевшая прямой или вырезанный в виде лилии срез устья. Чаши как снаружи, так и внутри богато украшены, причем помимо резца и всевозможных штампов для орнаментации использовались графит, красная охра и белая паста. Орнамент состоит из лент или узких полос, заполненных вертикальной нарезкой. В лентах выдавлены также точечные углубления, заполненные белой пастой.

Следующие четыре горизонта, содержащие материалы позднего энеолита (Караново VI — Коджадермен), изобилуют многообразием керамических форм и орнаментов. Наиболее характерна графитная орнаментация. Особенно насыщены керамикой четвертый и пятый горизонты. Для четвертого горизонта характерны большие сосуды высотой до 0,92 м, с нижней конусовидной и верхней цилиндрической частью. Эти сосуды (с крышками типа Салманова) богато украшены графитными и инкрустированными узорами. Характерны также небольшие и средние горшки, богато украшенные графитными узорами, расположенными главным образом в верхней части сосуда. Для четвертого строительного горизонта энеолита характерны сосуды, наиболее широкая часть которых украшена четырьмя симметрично расположенными выпуклостями (букели), огражденными графитными кругами или мелкими ямками; глубокие чаши с графитной орнаментацией; глубокие сосуды с резными криволинейными и круговыми узорами. Подобная орнаментация известна и в Западной Болгарии (Софийское поле и Деветашская пещера). К этому же четвертому энеолитическому горизонту относится чрезвычайно оригинальный предмет с нижней ульевидной частью, поверх которой был прилеплен маленький сосудик с выпуклостями (рис. 2, 7). Обе части предмета украшены графитными узорами. Высота его 32,5 см. Назначение предмета неясно.

Энеолитический пласт Азмашского поселения дал все виды скульптурных изображений из кости, глины и мрамора, известные на других поселениях Болгарии. Наибольшее развитие пластики относится к двум последним горизонтам пласта, в более ранних горизонтах она развита слабее, а в начале энеолита — совсем слабо. Найдена человеческая фигурка, выполненная из местного недоброкачественного мрамора. Высота ее 11 см (голова не сохранилась). Тип статуэтки — фигура со скрещенными на груди руками — широко распространен на болгарских поселениях.

Зооморфные фигурки представлены слабее. Найдена крышка зооморфного сосуда, очевидно, с изображением свиньи.

Украшения изготовлялись из кости, глины, мрамора, меди и чаще всего из раковин *spondylus*.

Собрано значительное количество костей домашних и диких животных.

Богатая и многообразная культура, которую создали обитатели первобытного поселения, исследованного экспедицией, ориентировочно приходится на V—III тыс. до н. э. Более точные абсолютные даты дает радиокарбонный анализ многочисленных образцов обугленного дерева и зерна, направленных ныне в берлинскую лабораторию (ГДР).

Основой хозяйства поселения были земледелие и скотоводство, для развития которых окружающие природные условия были весьма благоприятны.

Окончательные выводы о жизни и культуре обитателей поселения будут возможны после всестороннего изучения всех многочисленных находок. Это поможет решить вопросы происхождения и развития культуры поселения, его хронологии и культурных связей с племенами смежных областей.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ЛЬЯЛОВСКОГО ТИПА
В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Наиболее подробно льяловская культура была описана в трудах А. Я. Брюсова и В. М. Раушенбах, по мнению которых она занимала во второй половине III и первой половине II тыс. до н. э. побережье верхнего течения р. Клязьмы. Основанием для выделения льяловской культуры послужило компактное расположение стоянок на довольно ограниченной территории, а также своеобразие керамики: льяловская культура характеризовалась наличием остродонных сосудов, изготовленных, по-видимому, ленточной техникой и украшенных ямочно-гребенчатым орнаментом. Наиболее типичными мотивами являются узоры из глубоких конических ямок, расположенных в шахматном порядке, сочетания рядов из ямок и полулунных вдавлений или поясков, оттиснутых гребенчатым штампом. Специфических типов орудий для льяловской культуры исследователями не выделено¹. В начале 50-х годов археологи располагали материалами лишь семи-восьми стоянок на средней Клязьме, тогда как остальные неолитические памятники в Волго-Окском междуречье располагались далеко: или по берегам верхней Волги, в ее ярославском и костромском течениях, или по берегам р. Оки. Таким образом, создавалось впечатление, что неолитические поселения на Клязьме действительно представляют собой особую локальную группу.

Исследования последних лет выявили большое количество новых поселений, причисляемых к льяловской культуре. Среди них: 1-я и 2-я Эвенигородские, Бережковская стоянка, поселение на оз. Тростенском², образующие компактную группу в бассейне верхнего течения р. Москвы, которая смыкается с клязьминскими памятниками этой культуры, значительно расширяя ареал последней в западном направлении (рис. 4). Сюда же следует отнести и Шукинскую неолитическую стоянку на левом берегу р. Москвы³. О. Н. Бадер отмечает, что сосуды, обнаруженные на этом поселении, были полуяйцевидной формы, имели прямой венчик с чуть скошенным внутрь краем. Орнамент, состоящий из глубоких конических ямок, сочетавшихся

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 46—50; В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки верхней Клязьмы.— Труды ГИМ, вып. 22, 1953, стр. 7—18.

² Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Новые памятники льяловской культуры.— СА, 1959, № 1, стр. 249—253; И. Г. Розенфельдт. Неолитические стоянки на Тростенском озере.— КСИА, вып. 97, 1964, стр. 104—106.

³ О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, № 7, 1947, стр. 121—122.

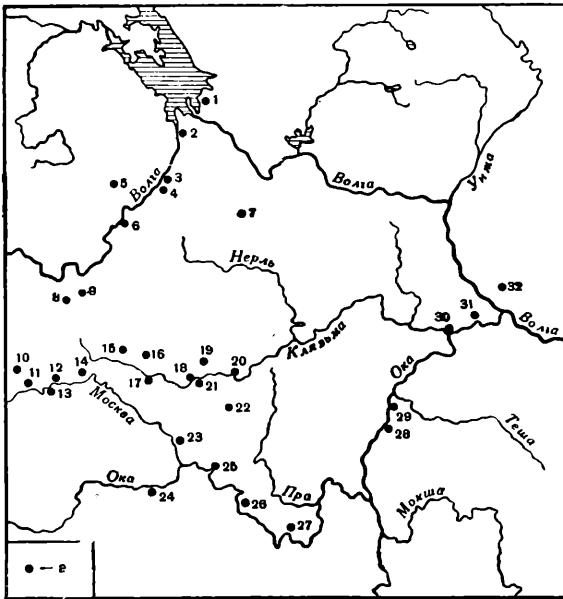

Рис. 4. Поселения льяловской культуры:

- 1 — Воятницы, 2 — Коприно, 3 — Скнятино, 4 — Соболево, 5 — Язково, 6 — Золоторучье, 7 — Сельцо, 8 — Никола-Перевоз, 9 — Сушево, 10 — стоянка на оз. Тросненском, 11 — Бережковская, 12 — 2-я Звенигородская, 13 — 1-я Звенигородская, 14 — Шукинская, 15 — Льяловская, 16 — стоянка на оз. Круглом, 17 — стоянка на Бисеровом озере, 18 — Большое Буньково, 19 — Буреломка, 20 — Орехово-Зуево, 21 — Грядино, 22 — стоянка на оз. Святом, 23 — Егорьевская, 24 — Маслово болото, 25 — Остров Соколка, 26 — Шумашь, 27 — Щербино, 31 — Гавриловка, 32 — Линда

ги, где еще в 30-е годы были обнаружены неолитические поселения (Воятницы и др.), также близкие по материальной культуре к Льяловской стоянке⁶.

К югу от р. Клязьмы находятся памятники, отличающиеся, по мнению А. Я. Брюсова и И. К. Цветковой, от льяловских по своему облику. Однако анализ материалов некоторых из них приводит к выводу об их значительном сходстве с последними. В области рязанского течения р. Оки следует указать на такие поселения, как Остров Соколка, Егорьевская стоянка, Красные Кусты, Шумашь и Маслово болото. На этих памятниках обнаружены фрагменты сосудов, по-видимому, остродонных, украшенных классическим ямочно-гребенчатым орнаментом. Узоры представляют собой сочетание конических ямок и поясков или рядов наклонно нанесенных отрисов гребенчатого штампа. Различия в орнаментации сосудов окских и льяловских поселений крайне незначительны (рис. 5).

⁴ В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры.—СА, 1964, № 2, стр. 188—191; он же. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Никола-Перевоз.—Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 28 сл.; О. С. Гадзьяцкая. Стоянка Сельцо на оз. Неро.—КСИА, вып. 97, 1964, стр. 107—112; Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых археологических культур Восточной Европы по данным изучения керамики.—Этнография, № 1, 1929, стр. 66, 69.

⁵ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.—КСИА, вып. 97, 1964, стр. 6.

⁶ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой). Участок по р. Шексне.—ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 120—124 и др.

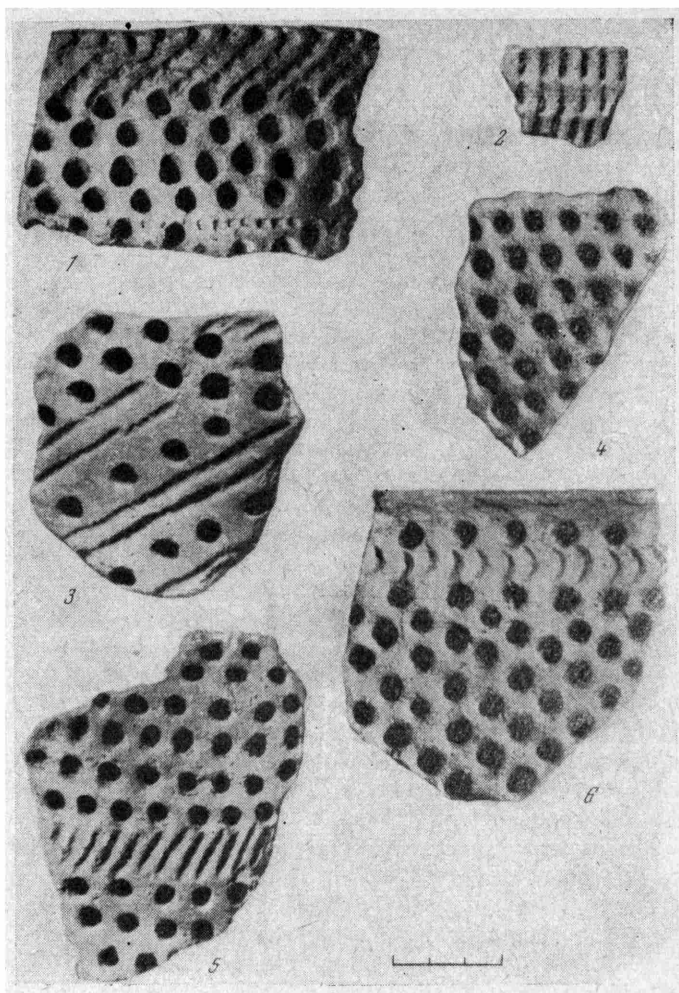

Рис. 5. Керамика окских поселений льяловского типа
1, 4, 6 — Егорьевская; 2, 3, 5 — Остров Соколка

Все это свидетельствует о том, что указанные выше окские раннеолитические поселения родственны памятникам с берегов р. Клязьмы и должны быть объединены с ними в одну культуру.

В области нижнего течения Оки интерес представляют поселения, описанные И. К. Цветковой к первому этапу балахнинской культуры: стоянки Малоокуловская, Садовый бор, Щербинская, Гавриловка II и Линда, где сосуды, судя по описанию автора, «покрыты строго зональным ямочно-гребенчатым орнаментом». Наиболее распространенным элементом орнамента является глубокая коническая ямка (диаметр сверху 3—7 мм). Орнамент покрывает стенки сосудов полностью, от верха до дна. Орнаментальные рисунки несложны: полосы, образованные рядами круглых ямок, чередуются с рядами оттисков зубчатого штампа. Иногда оттиски зубчатого штампа образуют более сложный узор из наискось расположенных линий. Встречается зигзаг, образованный теми же оттисками короткого зубчатого штампа, или решетка пересеченных оттисков длинного зубчатого штампа. Нередко внутри ячеек такой решетки нанесены ямочные вдавления⁷. Как

⁷ И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, № 110, 1963, стр. 57.

видно из этого описания, орнаментация керамики указанных выше стоянок близко напоминает льяловскую. И. К. Цветкова делает совершенно верный вывод, замечая, что «описанная выше керамика имеет большое сходство с керамикой льяловского типа», но, несмотря на это, она все же отрицает «ляловскую» принадлежность этих памятников, причисляя их к раннему этапу балахнинской культуры. Свое заключение И. К. Цветкова аргументирует тем, что на перечисленных выше памятниках, кроме льяловской, обнаружена «в небольшом количестве» и керамика более позднего (балахнинского) типа. Но, во-первых, не исключена возможность механического смешения материалов, а, во-вторых, вывод И. К. Цветковой о том, что из памятников типа Гавриловки II, Садового бора, Щербинской, Малоокуловской и Линды развилась культура более поздних балахнинских стоянок, совершенно не противоречит их «ляловской» принадлежности, если под льяловской культурой понимать тот общий субстрат, из которого впоследствии образовались различные варианты культуры волго-окской ямочно-гребенчатой керамики.

Таким образом, можно сделать заключение, что неолитические стоянки льяловского типа расположены не только на Клязьме, но и на берегах р. Москвы, в Верхнем Поволжье и на Оке в ее среднем и нижнем течении.

Теперь необходимо коснуться вопросов хронологии льяловских стоянок, предложенной в работах А. Я. Брюсова и В. М. Раушенбах. Первоначально была создана внешне стройная периодизация клязьминских неолитических стоянок, основанная на постепенном усложнении орнаментации сосудов и подкрепленная находками фатьяновского клиновидного топора на Гряднинской стоянке и волосовской керамики на поселении Большое Буньково, что дало авторам возможность синхронизировать памятники льяловской культуры с памятниками соседних археологических культур. А. Я. Брюсов и В. М. Раушенбах полагают, что наиболее древним поселением среди клязьминских неолитических стоянок является Льяловское поселение, датированное серединой III тыс. до н. э., а самым поздним — стоянка Большое Буньково, содержащая в своем материале, кроме льяловской, волосовскую керамику и поэтому относящаяся ко второй четверти II тыс. до н. э. Однако эта периодизация была нарушена затем самим А. Я. Брюсовым в связи с его новыми раскопками на Льяловской стоянке⁸, которую он датировал началом II тыс. до н. э., т. е. временем более поздним, чем эпоха существования таких стоянок, как Гряднинская и ряд других, отнесенных им ранее к периоду, следующему за временем существования Льяловской стоянки. В своих заключениях А. Я. Брюсов основывался на находках шлифовальных плит, значительном количестве черепков с ямочным орнаментом, а также на находках ряда кремневых орудий (наконечники стрел листовидной и ромбовидной формы), которые «можно отыскать в любой обширной коллекции со стоянок других неолитических культур». Грубые пикообразные орудия А. Я. Брюсов рассматривал как заготовки для обработки их шлифовкой.

Эти выводы А. Я. Брюсова относительно позднего возраста Льяловской стоянки вызывают сомнения. Ведь способ обработки мягких пород камня шлифовкой был известен еще со времен палеолита; что касается тезиса о «пиках» как о заготовках для дальнейшей обработки их шлифовкой, то он подкрепляется лишь единственным фактом совместного залегания шлифовальной плиты и одного орудия этого типа. Трудно согласиться и с тем, что большой процент ямочного орнамента свидетельствует о принадлежности украшенной им посуды к эпохе развитого неолита. Дело здесь не в соотношении ямок (оно приблизительно одинаковое), а в количестве элементов орнамента и орнаментальных мотивов. На керамике поздних стоя-

⁸ А. Я. Брюсов. Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской обл.—СА, 1960, № 3, стр. 277—282

нок их неизмеримо больше. Например, на поселении Выселки насчитывается 12 элементов орнамента и более 25 орнаментальных мотивов, тогда как на Льяловской стоянке — соответственно 8 и 12. Хотя наличие на Льяловской стоянке ретушированных кремневых орудий (наконечников стрел, скребков), как справедливо отмечал А. Я. Брюсов, действительно свидетельствует против исключительной древности памятника, следует помнить, что на стоянке найдены и грубые нуклеусы, резцы, примитивные рубящие орудия, т. е. изделия, не характерные для памятников развитого неолита. Все это говорит об относительной древности Льяловской стоянки, которую мы склонны отнести к ранней поре неолита.

Отстаивая древний возраст Льяловской стоянки, хочется все же выразить сомнение в верности существующей периодизации клязьминских памятников. Поздняя их дата (вторая четверть II тыс. до н. э.) установлена по находкам волосовской керамики в культурном слое поселения Большое Буньково, содержащем льяловскую керамику. Но совместное залегание двух комплексов не обязательно свидетельствует об их одновременности, тем более, что встреченная там льяловская керамика относится к раннему типу⁹ и не может быть синхронной более поздней волосовской керамике. Таким образом, второй четвертью II тыс. до н. э. должен датироваться лишь второй этап заселения стоянки Большое Буньково, когда здесь жили древние волосовцы, а первый этап — время существования здесь льяловского населения — должен быть значительно удрвенен и, по всей видимости, сближен со временем Льяловской стоянки.

Нельзя считать серьезной опорой при создании периодизации клязьминского неолита и Гриднинскую стоянку, датированную по находке в культурном слое обломка каменного тесла, сходного, по мнению А. Я. Брюсова, с фатьяновскими «клинья»¹⁰, поскольку хронология фатьяновской культуры в настоящее время твердо не установлена, и заключения, основанные на обломке одного орудия, не убедительны.

Гораздо большее значение при датировке льяловских стоянок приобретает стоянка у Бисерова озера, содержащая два комплекса керамики: льяловскую и днепро-донецкую, причем последняя залегала выше по склону берега озера и, как отмечает М. Е. Фосс, являлась более поздней, поскольку геологические наблюдения дают основания утверждать, что первоначально берег озера был заселен древними льяловцами¹¹. Поскольку днепро-донецкая культура датируется IV—III тыс. до н. э., льяловская керамика на стоянке Бисерово озеро не может быть моложе этого времени. Наличие многих общих черт в материальной культуре льяловских памятников на Клязьме, Оке и в Поволжье свидетельствует об их относительной синхронности, а это дает право предположить, что рассмотренные выше стоянки датируются приблизительно IV, быть может, III тыс. до н. э. и являются наиболее древними памятниками в Волго-Окском междуречье.

По-видимому, первоначальный район обитания льяловских племен включал в себя верховья р. Клязьмы, Москвы-реки и, возможно, прилегающие территории, так как именно здесь обнаружено наибольшее количество компактно расположенных льяловских памятников и встречены наиболее древние типы орудий — резцы, наконечники стрел из пластин, примитивные нуклеусы, грубые рубящие орудия (стоянки Льяловская I, Звенигородские, Сущево и др.). Остальные льяловские поселения, как правило, располагаются цепочкой вдоль берегов основных водных магистралей этой территории — рек Волги и Оки, отражая тем самым процесс расселения льяловских племен.

⁹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 48.

¹⁰ Там же, стр. 47.

¹¹ М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро.— КСИИМК, вып. 75. 1959, стр. 26—39.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТОЯНКИ САХТЫШ II

Наши представления о материальной культуре неолитических племен обычно базируются на изучении коллекций, состоящих из керамики, кремневых и каменных орудий, так как другие материалы (кость, дерево), имевшие в хозяйстве неолитических племен большой удельный вес, почти не сохраняются. Поэтому особого внимания заслуживают коллекции костяных изделий неолитических стоянок оз. Сахтыш Тейковского района Ивановской обл.¹, в которых костяные орудия представлены не единицами, а целыми сериями. Комплекс костяных изделий стоянки Сахтыш II создает предпосылки для решения целого ряда вопросов хозяйственной деятельности, культурной жизни и идеологических представлений местного неолитического населения.

В коллекции стоянки Сахтыш II — 560 костяных изделий. Для установления хронологии отдельных вещей и серий в основном принималась во внимание датировка слоев стоянки по керамике², так как хронология по типологическим изменениям костяных орудий на имеющемся материале не всегда может быть прослежена. Только некоторые формы костяных орудий позволяют уточнить датировку стоянки, которая по пыльцевым анализам и многочисленным аналогиям датируется концом III — началом I тыс. до н. э.

Для изготовления разнообразных поделок жители стоянки использовали главным образом кости диких животных: лося, медведя, кабана и др., а также кости птиц и рыб. В костных скоплениях, указывающих на существование особых мест обработки кости, найдены незаконченные изделия и заготовки, что открывает широкие возможности для изучения техники обработки кости. На многих поделках сохранились четкие следы от кремневых ножей, скребков, режущих резцов, что позволяет выявить функциональное назначение кремневых орудий. Техника обработки кости достигла высокого уровня, широко применялось полирование костяных орудий. Некото-

¹ О. С. Гадзьяцкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. — КСИА, вып. 100, 1965.

² Культурный слой стоянки мощностью в 60 см стратиграфически делится на три горизонта по 20 см, которым в основном соответствуют определенные комплексы археологического материала. Выделение разновременных комплексов базируется, помимо стратиграфии, на основании типологического анализа керамики, которая распределяется следующим образом: сетчатая керамика и керамика эпохи бронзы встречается до глубины 20 см (первый слой), толстостенная волосовская керамика — на глубине 20—40 см (второй слой), ямочно-гребенчатая — ниже, в третьем слое. Небольшое количество волосовской керамики найдено в первом и третьем слое, ямочно-гребенчатой — в первом и во втором слое. Второй слой, давший наибольшее число костяных поделок, датируется серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э.

рые изделия поражают законченностью формы и тщательностью отделки и характеризуют различные стороны производственной деятельности обитателей стоянки.

Орудия охоты и рыболовства представлены в коллекции наконечниками стрел, гарпунами, рыболовными крючками. Наконечники стрел (62) резко дифференцированы по форме. Преобладают наконечники игловидной формы³ (24), достигающие длины 20,8 см при диаметре 0,5—0,7 см. Насад у них срезан с четырех сторон и уплощен, у одного наконечника плоский конец расширен, два обломка украшены горизонтальной нарезкой (рис. 6, 7, 18, 20). 15 наконечников происходят из нижнего слоя. Там же найден округлый наконечник коротких пропорций (рис. 6, 22). Разновидностью игловидной формы являются длинные, около 27 см, наконечники с граненым стержнем. Насад их уплощен боковыми срезами, количество граней не превышает четырех — шести. Интересен пятигранный наконечник, поверхность которого покрыта тонким прочерченным орнаментом (рис. 6, 21). К особому типу относятся три наконечника с округлым стержнем и несколько более широкой головкой из шести-семи граней из нижнего слоя (рис. 6, 1).

На стоянке найдено шесть наконечников с биконической головкой, разделенной узким желобком (рис. 6, 2—5). В распределении их в слоях стоянки не наблюдается закономерности. Два наконечника с круглой головкой найдены в среднем слое, уплощенные — в нижнем. Поздней формой является наконечник с плоской стороной, найденный в верхнем слое (рис. 6, 4); подобные наконечники встречаются на стоянках с волосовской керамикой⁴. Наконечники с биконической головкой из Сахтыш II — укороченных пропорций, несколько уплощены и не могут датироваться ранее конца III тыс. до н. э.

Вариантом наконечников с биконической головкой, по-видимому, являются два наконечника из среднего слоя (рис. 6, 6, 8). Другие формы наконечников стрел малочисленны. Три наконечника с удлиненной подтреугольной головкой и уплощенным брюшком найдены в среднем (рис. 6, 9) и нижнем слоях (рис. 6, 10, 11).

Во втором слое найдены три наконечника с округлой массивной головкой (рис. 6, 14, 15). Два небольших наконечника сделаны из узкой плоской расколотой кости. У одного из них выделен черешок (рис. 6, 13). Интересны заготовки наконечников со следами первичной обработки: наконечники стрел заостренно-конической и черешковой формы (рис. 6, 16, 17) и массивный наконечник с биконической головкой (рис. 6, 23).

Возможно, в качестве наконечников стрел использовались поделки с гладко полированной узкой головкой и длинным стержнем, затупленным на конце мелкими срезами (рис. 6, 12), и узкий плоский орнаментированный предмет с закругленным концом и сильно залощенной поверхностью (рис. 6, 24).

Игловидные и граненые узкие наконечники являются наиболее ранней формой костяных стрел на неолитических памятниках и датируются не позднее конца III — начала II тыс. до н. э.⁵ Большинство их найдено в третьем слое стоянки Сахтыш II, что подтверждает нижнюю дату поселения. Совместное нахождение в слое игловидных наконечников с волосовской керамикой указывает на переживание этой формы.

Большое значение имела в жизни неолитических племен и рыбная ловля, о чем можно судить по находкам костяных гарпунов и рыболовных

³ По терминологии М. Е. Фосс, П. А. Дмитриева и др. (М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. — МИА, № 2, 1945, стр. 220).

⁴ О наконечниках с биконической головкой см.: М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. — МИА, № 29, 1952, стр. 48.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 118, 147; М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 49.

Р. 1001: 18 91

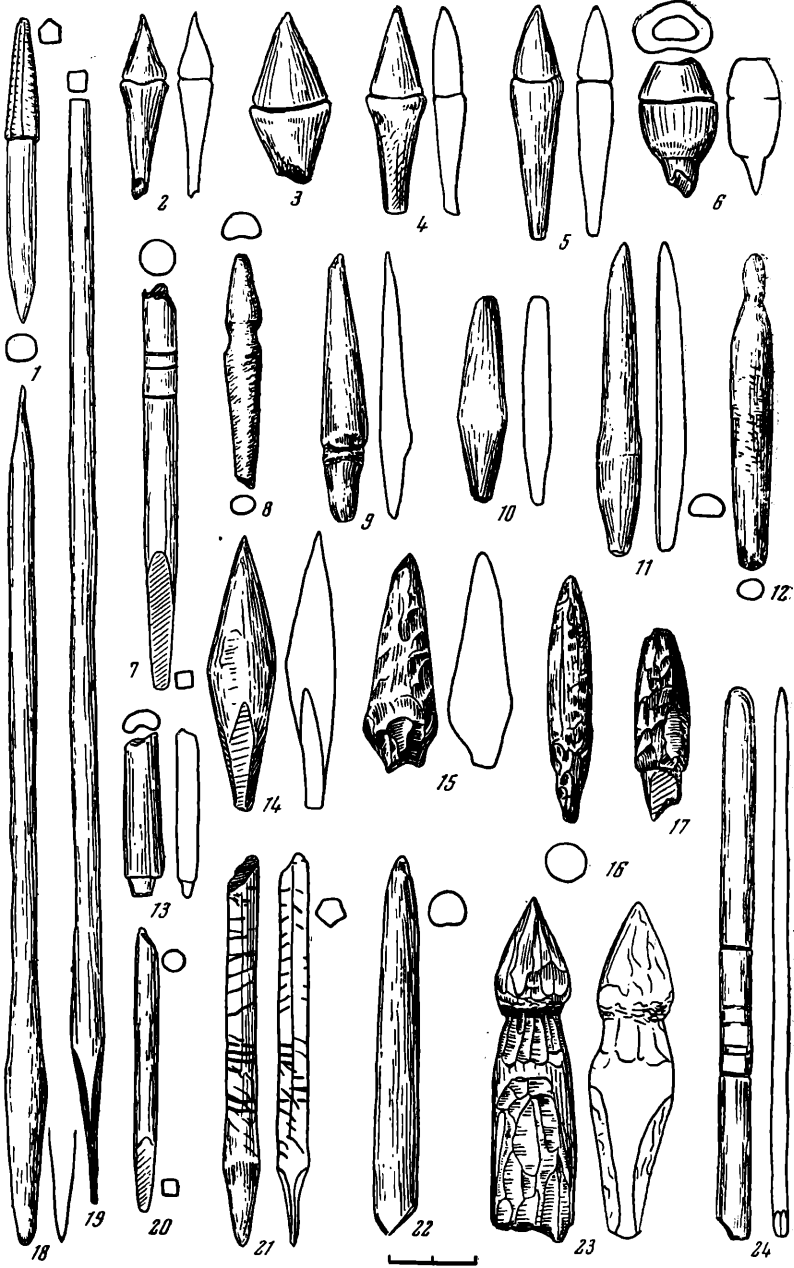

Рис. 6. Стоянка Сахтыш II

Костяные наконечники стрел: гл. 10—20 см — 4, 7, 13; гл. 20—40 см — 2, 3, 6, 8, 9, 14—18; гл. 40—60 см — 1, 5, 10—12, 19—24

крючков, а также по скоплениям рыбьей чешуи и костей. Судя по скоплениям мелкой чешуи, большая часть рыбы вылавливалась при помощи сетей, заколов и т. п. Крупную рыбу били гарпунами. 47 гарпунов стоянки Сахтыш II имеют зубцы только с одной стороны. Почти все они отличаются прекрасной выделкой и различаются по размерам и форме. В среднем слое найдено 18 экземпляров двух типов. Выделяются 12 массивных полированных округлых в сечении гарпунов с редкими клювовидными зубцами (рис. 7, 9, 15, 16) и пять гарпунов меньшего размера с заостренными редкими зубцами.

Способ прикрепления гарпунов к веревке довольно устойчив: у одних в расширенной нижней части просверливалось отверстие, у других делались специальные вырезы (рис. 2). Возможно, крупные гарпуны употреблялись и при охоте на бобра, выдру и других животных.

На стоянке Сахтыш II выделяются формы гарпунов, характерные для среднего слоя — крупные округлые гарпуны — и для нижнего слоя — крупные плоские и мелкозубчатые гарпуны. Округлые в сечении гарпуны средних и небольших размеров преобладают и существовали длительное время. Гарпуны стоянки обладают некоторыми местными особенностями, выражающимися в пропорциях орудий, форме и длине зубцов, но в целом могут считаться типичными гарпунами развитого неолита.

Рыболовные крючки стоянки Сахтыш II разнообразны по форме. Из девяти экземпляров шесть найдено в нижнем слое, три — в среднем. Преобладают крючки простой формы (7 экз.). В нижнем слое найдены две разновидности небольших по размерам простых крючков: два крючка с прямоугольной нижней частью, украшенной зубчиками (рис. 8, 1), и три крючка с расширенным закругленным внизу стержнем (рис. 8, 2—4). От составного крючка сохранился округлый зубец, на одном конце уплощенный для прикрепления к стержню (рис. 8, 8). В среднем слое найден массивный крючок второго типа (рис. 8, 4) и два крючка оригинальной формы. Один из них — составной крючок, выточен из клыка животного (рис. 8, 5). На нижнем суженном конце, украшенном зубчатой бородкой, на спинке крючка высверлина. Второй крючок предназначен для лова крупной рыбы (рис. 8, 6). Поверхность его тщательно заполирована, верхний конец просверлен и имеет два выреза. Несколько необычно расположение двух дополнительных мелких зубцов на стержне крючка, направленных остриями вниз. Возможно, они служили для закрепления насадки на крючке. Крючок найден в кострище вместе с крупнозубыми гарпунами (рис. 7, 15, 16) и другими орудиями. Сахтышские крючки отдаленно напоминают крупные крючки из волосовского слоя стоянки Николо-Перевоз, среди которых есть формы с прямоугольной нижней частью и крючки с зубчатой бородкой. Крючок из второго слоя (рис. 8, 5) сходен с крючком со стоянки Веретье⁶.

Кроме орудий охоты и рыболовства, на стоянке Сахтыш II найдены многочисленные поделки, связанные с обработкой дерева, кожи, шитьем одежды, различными плетениями и т. п. Определить назначения подобных орудий не всегда возможно. Наиболее многочисленную группу составляют проколки (140), в которой различаются четыре разновидности: 1) проколки (17) с тонким игловидным концом на обломках птичьих костей, одна из кости лисицы, 12 из них найдены в нижнем слое; 2) четыре плоские проколки из расколотых заточенных резцов бобра и клыков кабана; 3) проколки из грифельных костей лося с заостренным концом (64). 11 проколок этого типа украшают в средней части четыре — восемь нарезанных кольцевых линий (рис. 8, 27); 4) проколки (23) различной формы и величины на конце расколотых костей животных, большая часть которых имеет четкое

⁶ В. М. Раушенбах. Отчеты об экспедициях. — Архив ИА АН СССР, № 1761, 1916, 2283; М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье, табл. VII, 6.

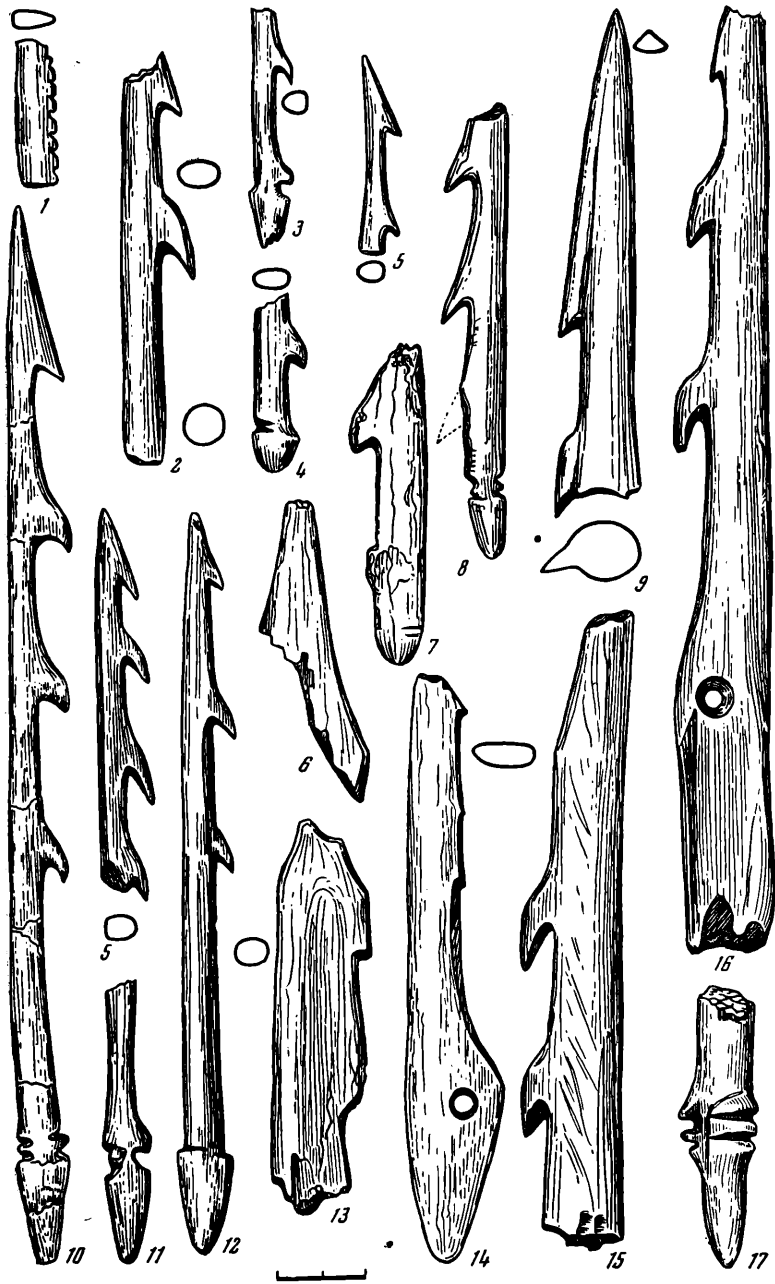

Рис. 7. Стоянка Сахтыш II

Костяные гарпуны: гл. 20—40 см — 4, 5, 8, 9, 13, 15, 16; гл. 40—60 см — 1—3, 6, 7, 10—12, 14, 17

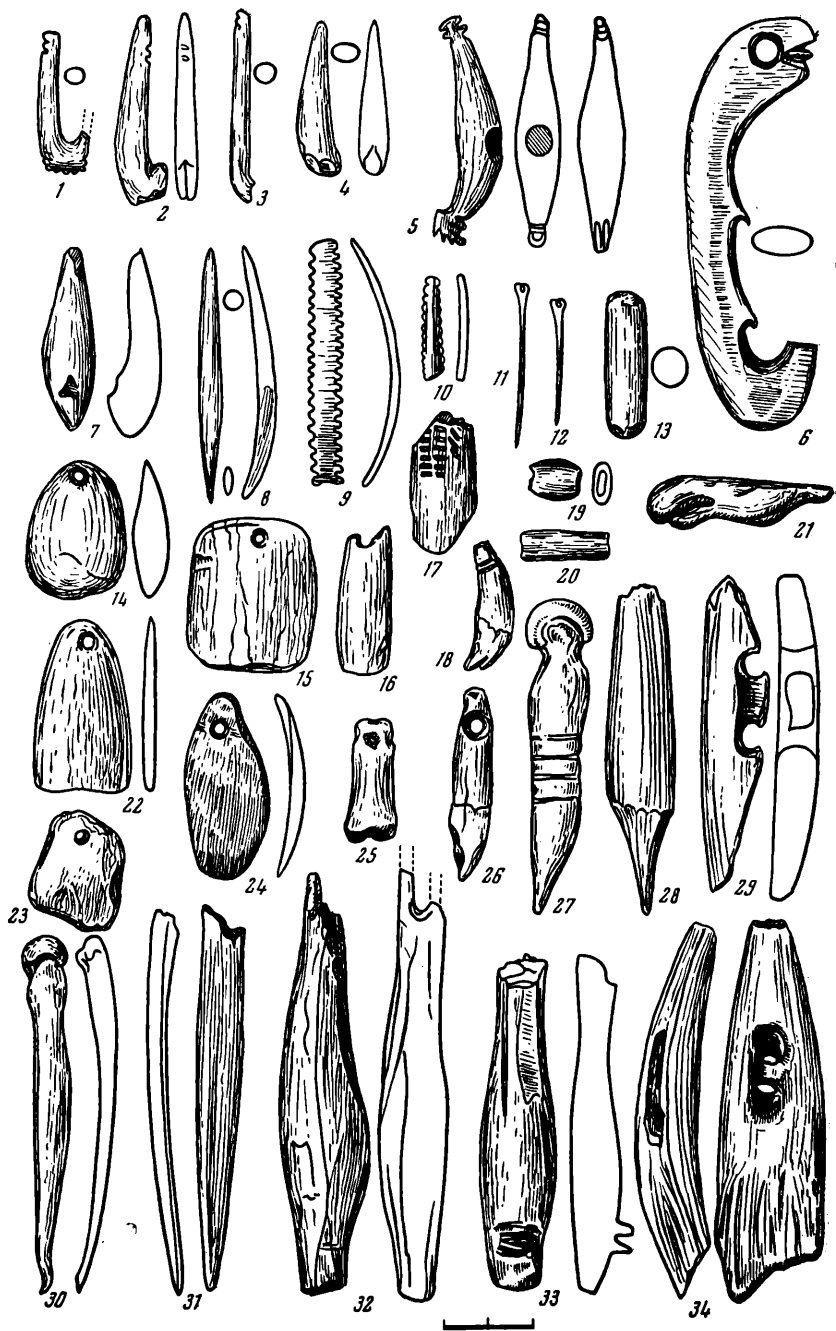

Рис. 8. Стоянка Сахтыш II

Костяные рыболовные крючки — 1—8; иглы — 11, 12; подвески — 14—16, 18—20, 22—26; проколки — 27, 28; головка лося — 21; орудия для плетения — 30—33; предметы неизвестного назначения — 9, 10, 13, 17, 29, 34

удлиненное острие, обработанное боковыми срезами (рис. 8, 28). Тщательностью обработки выделяется тонкое четырехгранное орудие — шило, один конец которого расширен и уплощен. Проколки этих типов встречаются на многих стоянках.

Близки к проколкам орудия сходных форм, но с более широким округлым концом (25 экз.). У многих орудий удлиненная цилиндрическая рабочая часть специально затуплена на конце мелкими срезами. Назначение этих орудий неясно, возможно, они служили для расширения проделанных отверстий. Иглы найдены в небольшом количестве. Из рыбьих костей сделаны две миниатюрные иглы с просверленным отверстием для очень тонкой нити (рис. 8, 11, 12). Видимо, для хранения таких игл использовались игольники из трубчатых костей с кольцевыми нарезками. Найдено 36 игольников из костей птиц и два — из костей куницы и зайца. Встречаются и заготовки — целые кости птиц с нарезкой.

Выделяются орудия, применявшиеся для обработки сравнительно мягких материалов. Среди них массивные орудия (15 экз.) из крупных расколотых костей лося. Узкое дугообразное лезвие, расположенное перпендикулярно широкой плоскости кости, образовано боковым срезом, который, судя по сильной залощенности, был рабочей частью орудия. Орудия эти напоминают так называемые острия под углом 45° и найдены главным образом в нижнем горизонте. Они могли использоваться при обработке кожи, заглаживании швов, при сдирании лыка с дерева, а также в качестве долот (рис. 9, 12)⁷.

Типологически близки им три орудия из среднего слоя с вытянутой рабочей частью и дугообразным лезвием, образованным коротким косым срезом на округлой кости (рис. 9, 4), и орудие с узким, вытянутым залощенным клювовидным концом (рис. 9, 19). Возможно, эти орудия использовались в качестве стамесок или долот.

Особую группу составляют орудия из расколотых крупных костей с массивной, округлой в сечении залощенной рабочей частью, использовавшиеся, вероятно, при обработке кожи. Сохранившееся целое орудие из трубчатой кости имеет ровно срезанный верхний и тупой конусовидный рабочий конец. Видимо, сходны по назначению 10 длинных орудий подтреугольной в разрезе формы с тупым залощенным концом, подправленным косыми срезами. Аналогичные орудия опубликованы среди материалов Ладожских стоянок⁸. В единственном числе найдено орудие из расколотой крупной кости с узким тупым залощенным прямосрезанным концом.

Для обработки мягких материалов использовались крупные орудия-лощила из расколотых костей лося. Их скошенное лезвие сильно затуплено и сглажено (рис. 9, 16). Следует упомянуть также два обломка орудий с косым лезвием из плоских костей. Возможно, тем же целям служило орудие с расширенным обломанным концом⁹. Все эти крупные орудия найдены в нижнем слое.

Для обработки шкур служили три уплощенных орудия с выгнутым сильно сработанным концом. Одно из них заполировано по всей поверхности и украшено резным елочным орнаментом (рис. 9, 20). Возможно, к этому же типу относятся девять обломков крупных шлифованных орудий, одна сторона которых уплощена.

Дерево и, возможно, кость обрабатывались долотовидными орудиями. Выделяются небольшие тщательно шлифованные долотца (10) удлиненной квадратной или округлой формы с узким концом, найденные в среднем и нижнем слоях (рис. 9, 1, 2, 7). Три долота имеют более широкое лезвие.

⁷ М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье, стр. 228.

⁸ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, табл. VIII, 2; XI, 5.

⁹ Там же, рис. 84.

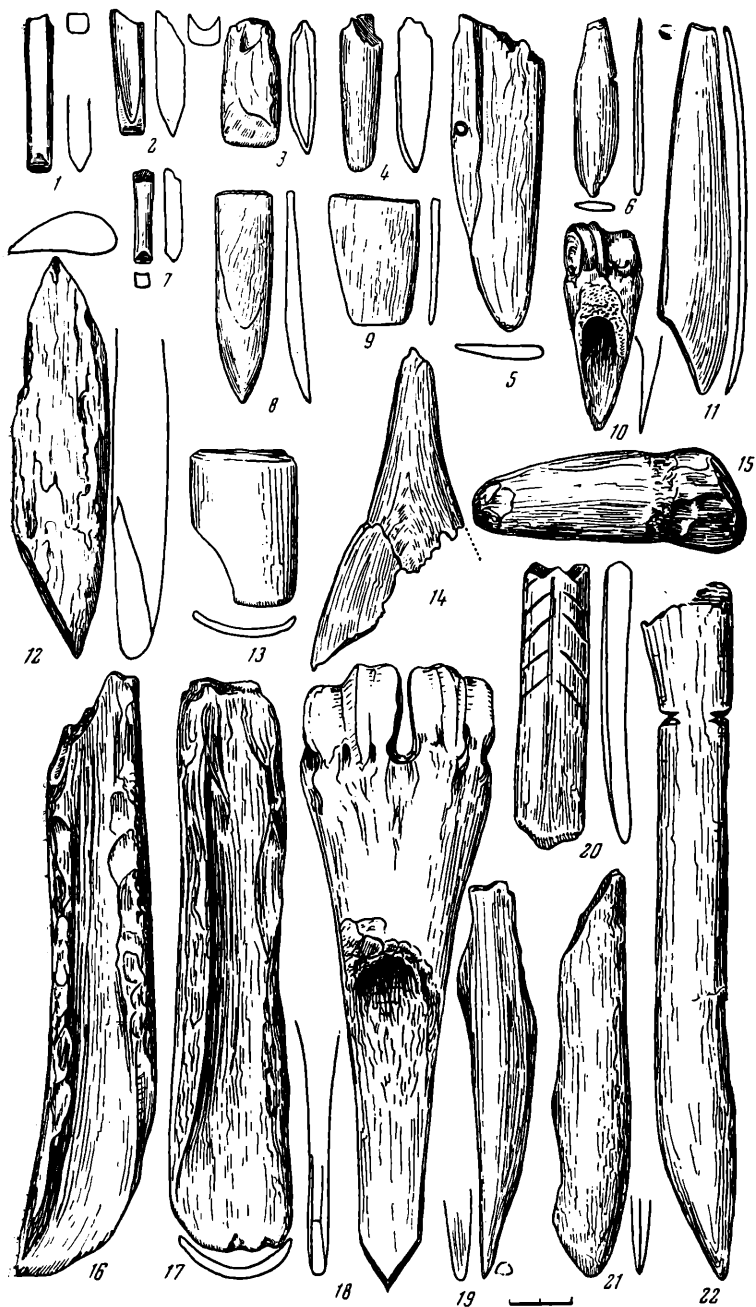

Рис. 9. Стоянка Сахтыш II

Костяные долотовидные орудия — 1—4, 7, 12, 13, 17—19; ножи — 6, 11; лопаточки — 9, 14; топор — 15; орудия для обработки мягких материалов — 16, 20; кинжалы — 21, 22

Одно из них совершенно аналогично небольшим сланцевым теслам стоянки (рис. 9, 3).

Семь крупных долотовидных орудий из расколотых трубчатых костей найдены преимущественно в нижнем слое. Рабочий край их шириной 2—4 см слабо выгнут и заострен. Два крупных желобчатых долота по форме близки каменным желобчатым долотам стоянки (рис. 9, 17). Рабочая часть желобчатых долот на 5—6 см по длине заложена, при этом выпуклая сторона затерта сильнее, что могло произойти при сдирании коры с деревьев. У большинства найденных долот верхняя часть сломана. Два коротких долотовидных орудия срезаны сверху: вероятно, вставлялись в рукоятку (рис. 9, 13).

Следующую группу деревообрабатывающих орудий составляют 10 орудий с коротким поперечным лезвием, которое получено двумя боковыми срезами на широкой плоской части кости. Почти все орудия сломаны, сохранившийся целый экземпляр сделан из кости лося (рис. 9, 18). Головка кости, служившая рукояткой, заложена. Эти орудия служили стамесками и могли использоваться для разрубания коры¹⁰. В качестве стамесок использовались, вероятно, шесть орудий с узкоквадратной в сечении рабочей частью.

Особую группу составляют плоские орудия с дугообразной остро заточенной рабочей частью узкого и широкого типов. Шесть орудий имеют узкий, уплощенный конец и залощенную поверхность. Два орудия одинаковой формы, сделанные из костей кабана, сохранились целыми (рис. 9, 10). 10 более широких орудий с полированной поверхностью найдены главным образом в нижнем слое. Выделяются кинжалы с прекрасно заточенным концом (рис. 9, 21) и кинжал-нож с узким скошенным лезвием и выделенной рукояткой (рис. 9, 22). Найдены три ножа — поделки плоской удлиненной формы с гладко шлифованной поверхностью и остро заточенным краем (рис. 9, 6, 11).

Некоторые орудия можно связывать с различными плетениями. Таковы иглы — узкие вытянутые плоские залощенные орудия с заостренным концом (рис. 8, 31). Вероятно, для плетения или вязания применялось орудие из грифельной кости северного оленя (рис. 8, 30) и орудие с расширенной средней частью, один конец которого срезан, а другой раздвоен. Следы залощенности заметны около зубцов орудия (рис. 8, 32).

Плетение могло производиться при помощи орудий с двумя валиками на нижнем конце орудия, служившем для прикрепления веревки. Два таких орудия одинаковой формы найдены в верхнем и нижнем горизонтах слоя (рис. 8, 33). С витьем веревок, видимо, связана плоская поделка (рис. 9, 5) с отверстием у заостренного края. Края сверлины деформированы, кость рядом стерта, что возможно только при постоянном трении веревки. Аналогичные костяные пластинки с отверстиями найдены в Оленеостровском могильнике и датируются концом III тыс. до н. э.¹¹ На стоянке Сахтыш II пластина найдена во втором слое и относится к более позднему времени. Неясно назначение двух тщательно обработанных изогнутых орудий с плоским заостренным и залощенным концом. Одно из них, с прямым верхним краем, видимо, вставлялось в рукоятку (рис. 9, 8); другое — листовидной формы, длиной 7,2 см, зашлифовано по всей поверхности.

Для обработки кожи и дерева применялись струги. В сахтышской коллекции есть только два таких орудия из лопатки и ребра лося. К числу находок неясного назначения относятся также лопаточки из нижнего слоя с прямым суженным краем (рис. 9, 9, 14), напоминающие «ложки» из стоя-

¹⁰ Орудия этого типа найдены на многих неолитических стоянках (Волосовской, Володары, Николо-Перевоз, на стоянках Восточной Прибалтики) и упоминаются авторами раскопок под разными названиями: долота с треугольным рабочим краем (И. К. Цветкова), тесла (В. М. Раушенбах), стамески (Л. Ю. Янитс).

¹¹ Н. Н. Гур и н а. Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956, рис. 87, 9.

нок Волосовской и Николо-Перевоз I, а также две поделки с просверленными попарно отверстиями (рис. 8, 29, 34). Поделка из нижнего слоя с одной стороны уплощена. Просверленные с этой стороны отверстия сходятся в одно на выпуклой стороне поделки. Перемычка между отверстиями и края отверстий затерты. Расширенный конец поделки выскоблен скребком. Второй обломок аналогичной поделки (рис. 8, 34) найден в кострище вместе с трехзубым крючком, гарпунами и пр. во втором слое. Отверстия на нем не сходятся в одно, перемычка между ними затерта с выпуклой стороны поделки (рис. 8, 29). Судя по сильной затертости перемычки, обе поделки долго были в употреблении и крепились, видимо, подвижно. Два обломка таких же поделок найдены в нижнем слое стоянки Сахтыш I.

Следует упомянуть 12 однотипных коротких цилиндрических поделок с закругленными концами (застежки одежды?), найденных преимущественно в нижнем слое (рис. 8, 13).

Муфты из трубчатых костей найдены в обломках. Одна из них срезана с двух сторон. От орудия типа кирки, мотыги или топора сохранилась половина крупной трубчатой кости с круглым пробитым отверстием диаметром 2,2 см.

Изделий из рога в коллекции немного — четыре предмета найдены в среднем слое: 1) топовидное орудие с оббитыми концами (рис. 9, 15); 2) молоток из основания рога лося длиной 17 см, с закругленной крупными срезами ударной частью, в месте прикрепления к рукояти немного сбит. Молоток найден рядом с расколотыми черепами и костями медведя между жилищем и коллективной могилой 4. 3) Орудие короткой клиновидной формы длиной 7,2 см могло использоваться как отжимник. 4) Массивная рукоятка с закругленным верхом и обработанным крупными срезами нижним концом, в котором выбито коническое углубление: в него вставлялось орудие.

Разнообразные украшения найдены на стоянке в большом количестве. Наиболее интересны вырезанные из кости полированные подвески, просверленные у края. Форма их различна: овальная (4), подквадратная, узкая прямоугольная, треугольная, асимметричная (4) (рис. 8, 14, 16, 22, 23). Подвеска из пластины клыка (рис. 8, 24) найдена у черепа разрушенного погребения 8, остальные происходят из слоя. Костяные подвески этого типа являются разновидностью сланцевых подвесок. Аналогичные костяные подвески найдены на волосовских стоянках Володары, Черная Гора, Николо-Перевоз¹². Из тонких костей животных и птиц вырезались цилиндрические бусины-пронизки. 18 таких пронизок и плоская округлая бусина обнаружены у шейных позвонков разрушенного детского погребения 1 (рис. 8, 19, 20). Подавляющее большинство украшений, найденных на стоянке, сделано из зубов животных — лося, кабана, лисицы, куницы, медведя, собаки. 82 подвески этого типа просверлены, 30 снабжены одной-двумя нарезками (рис. 8, 18, 26). Некоторые подвески найдены в погребениях — у ног разрушенного погребения 6 находилось 34 просверленных зуба собаки. Очень интересно использование в качестве подвесок-амулетов просверленных фаланг медведя (семь из нижнего, одна — из среднего слоя) (рис. 8, 25); этот факт наряду с находками просверленных зубов и клыков медведя и скоплениями расколотых черепов медведя около жилища и погребений указывает на существование медвежьего культа.

Среди разнообразных костяных поделок стоянки Сахтыш II почти не встречаются орнаментированные изделия. На немногих экземплярах отмечены примитивные композиции из горизонтальных и косых нарезных или зубчатых линий (рис. 8, 17). Некоторые поделки, например рыболовные крючки, украшены резными зубчиками. Две сломанные поделки с зубча-

¹² Отчеты И. К. Цветковой и В. М. Раушенбах. Архив ИА АН СССР, № 127, 383, 994, 1916, 2283.

тыми краями найдены в нижнем слое (рис. 8, 9, 10). В подобном стиле выполнены подвески, найденные и на других неолитических стоянках, например Волосовской, Веретье, Свайном на р. Модлоне. Единственное скульптурное изображение сахтышской коллекции — обломок головки лося, найденный в верхнем слое. Сохранилась часть морды с характерной нависшей верхней губой (рис. 8, 21).

Костяные изделия стоянки Сахтыш II можно считать типичным комплексом для стоянок развитого неолита. Некоторые из них, как например игловидные наконечники, могут быть использованы для уточнения датировки стоянки.

Отмечаемое преобладание некоторых групп орудий в определенных горизонтах культурного слоя позволяет датировать их разным временем. Наиболее ранние костяные изделия, найденные в нижнем слое, — игловидные наконечники стрел, мелкозубчатые и крупные уплощенные гарпуны, заострения типа «под углом 45° », крупные ложила и долотовидные орудия, «кинжалы» датируются концом III — началом II тыс. до н. э. Орудия второго слоя относятся к середине — третьей четверти II тыс. до н. э. и находят аналогии в материалах волосовских стоянок соседних территорий. В костяном инвентаре стоянки Сахтыш II не наблюдается резкой смены форм орудий в связи с появлением волосовских племен. Во втором слое можно отметить лишь единичные экземпляры наконечников стрел и рыболовных крючков новых форм, большинство же орудий продолжает существовать без особых изменений длительное время. Имеющийся материал не позволяет выделить особые формы, которые можно было бы связать с сетчаткой керамикой. В целом костяные изделия стоянки Сахтыш II отличаются некоторыми местными особенностями (гарпуны), своеобразными формами, высокоразвитой техникой обработки кости. Интересен факт повторения в кости некоторых форм каменных орудий и украшений — тесел, желобчатых долот, плоских округлых подвесок, подтверждающий их синхронность. Ближайшие аналогии указанным костяным изделиям стоянки происходят из материалов соседней стоянки Сахтыш I (гарпуны, рыболовные крючки, наконечники стрел, долота, украшения и пр.), при этом подтверждается замеченная по материалам стоянки Сахтыш II закономерность в распределении костяных орудий во времени: например, уплощенные крупные гарпуны найдены также в нижнем слое. Дальнейшие раскопки в районе оз. Сахтыш, на стоянках которого хорошо сохраняется кость, и стоянок на оз. Неро, оз. Караш, Берендеево болото Ярославской обл., костный материал которых близок сахтышскому, позволят подробнее разработать типологическую шкалу костяных поделок для неолитических стоянок Верхнего Поволжья.

М. Ф. КОСАРЕВ

ОРНАМЕНТЫ НА ДНИЩАХ СОСУДОВ
БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЗОВЬЯХ р. ТОМИ

Раскопки памятников эпохи бронзы в Нижнем Притомье дали обильный керамический материал с исключительно богатой и разнообразной орнаментацией. В последние годы вышли статьи, где были рассмотрены орнаменты на стенках сосудов Самусьского могильника¹, могильника на Мусульманском кладбище², Самусьского IV поселения³ и других памятников бронзового века в этом районе. Поэтому мы остановимся лишь на описании орнаментов на днищах сосудов; они отличаются большим своеобразием и по существу не рассматривались в вышедших статьях.

Ниже дается краткая характеристика основных видов орнаментальных узоров на днищах сосудов бронзового века в низовьях р. Томи⁴.

1. Спиральный орнамент. Самые ранние узоры этого типа известны в Нижнем Притомье на днищах сосудов, относящихся к эпохе ранней бронзы. Они выполнялись вдавлениями уголка палочки или «отступающей» лопаточкой (Самусьский могильник, рис. 10, 1, 2)⁵. В эпоху развитой бронзы спиральные орнаменты на днищах встречены на Самусьском IV поселении (рис. 10, 3); они, как и типологически близкие им узоры в виде нескольких концентрических окружностей (рис. 10, 4), наносились протягиванием округлой палочки, образующей желобчатую линию.

2. Узоры солярного облика в виде двух или нескольких взаимопересекающихся линий (рис. 10, 5—8). Известны в этом районе начиная с рубежа III и II тыс. до н. э. Ранние изображения этого типа выполнялись «отступающей» лопаточкой или «отступающей» гребенкой (могильник на Мусульманском кладбище, рис. 10, 5, 6)⁶. Подобные узоры известны и позднее, в эпоху развитой бронзы, — на днище одного из сосудов Самусьского

¹ В. И. Матющенко. Вопросы датировки томских неолитических памятников.— УЗТУ, № 35, 1960.

² А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской обл.— ТТОКМ, т. V, 1956, табл. XXIV—XXXIV; он же. Томский неолитический могильник.— УЗТПИ, т. XVII, 1958.

³ В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи.— СА, 1959, № 4; он же. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV.— СА, 1961, № 4.

⁴ Специальное рассмотрение орнамента на днищах объясняется тем, что большинство днищ не вошло в число реставрированных сосудов. В тех случаях, когда речь пойдет об орнаментах на днищах реставрированных горшков, мы будем ссылаться на те статьи, где они опубликованы.

⁵ М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, рис. 1, 18.

⁶ Там же, рис. 1, 8, 10.

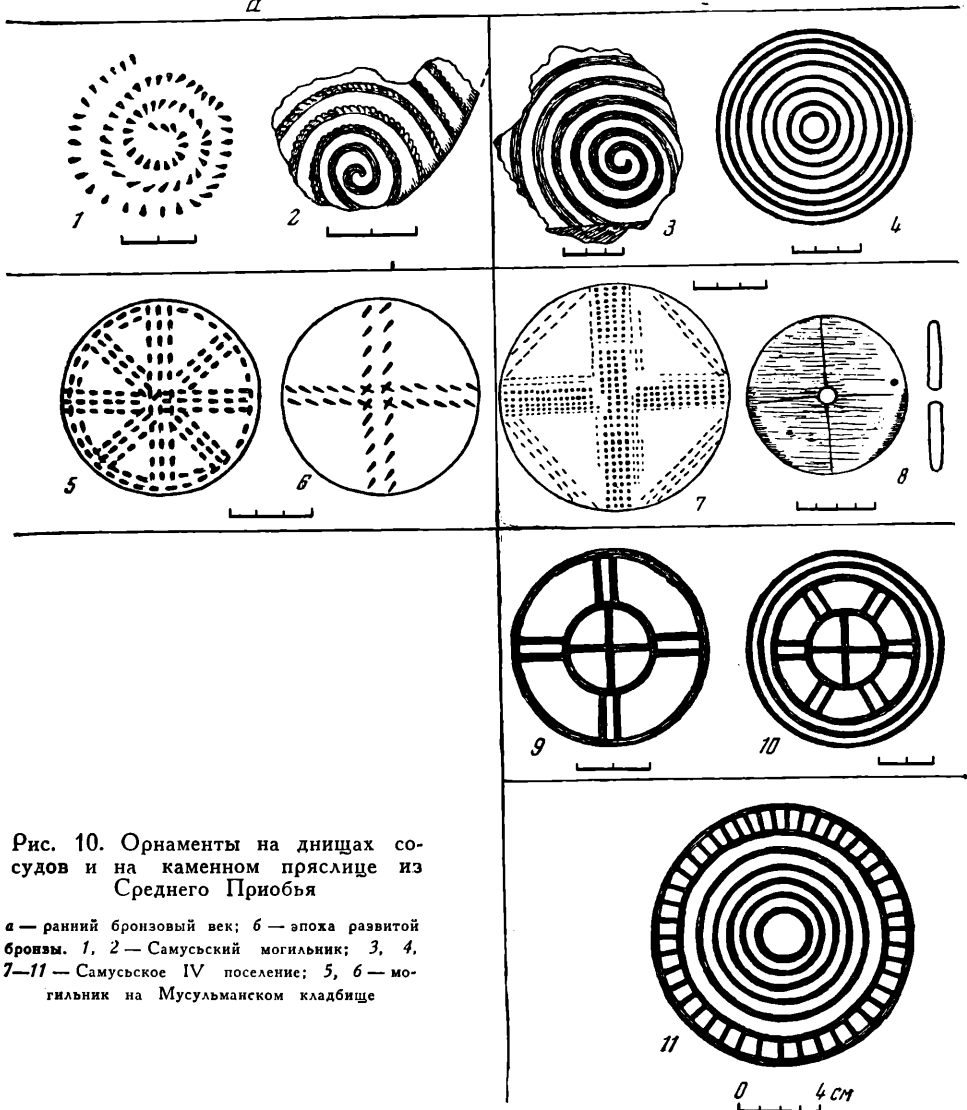

Рис. 10. Орнаменты на днищах сосудов и на каменном пряслице из Среднего Приобья

а — ранний бронзовый век; б — эпоха развитой бронзы. 1, 2 — Самусьский могильник; 3, 4, 7—11 — Самусьское IV поселение; 5, 6 — могильник на Мусульманском кладбище

IV поселения (рис. 10, 7)⁷ и на каменном пряслице, найденном на этом же памятнике (рис. 1, 8); на днище сосуда рассматриваемый узор был выполнен «отступающей» гребенкой, на пряслице — прочерченными линиями.

3. Рисунки солярного облика в виде окружности с четырьмя или шестью двойными лучами. Встречены лишь на керамике Самусьского IV поселения, относящегося к развитому бронзовому веку (рис. 10, 9, 10). Наносились на плоских или уплощенных днищах протягиванием округлой палочки.

4. Узоры солярного облика в виде concentрических окружностей с заключенными между ними лучами (рис. 10, 11). Обычны на днищах Самусьского IV поселения. Выполнялись протягиванием округлой палочки.

5. Солнцеподобная личина (рис. 11, 1). Встречена на днище одного из сосудов Самусьского IV поселения. Выполнена протягиванием округлой

⁷ М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964. рис. 3, 3.

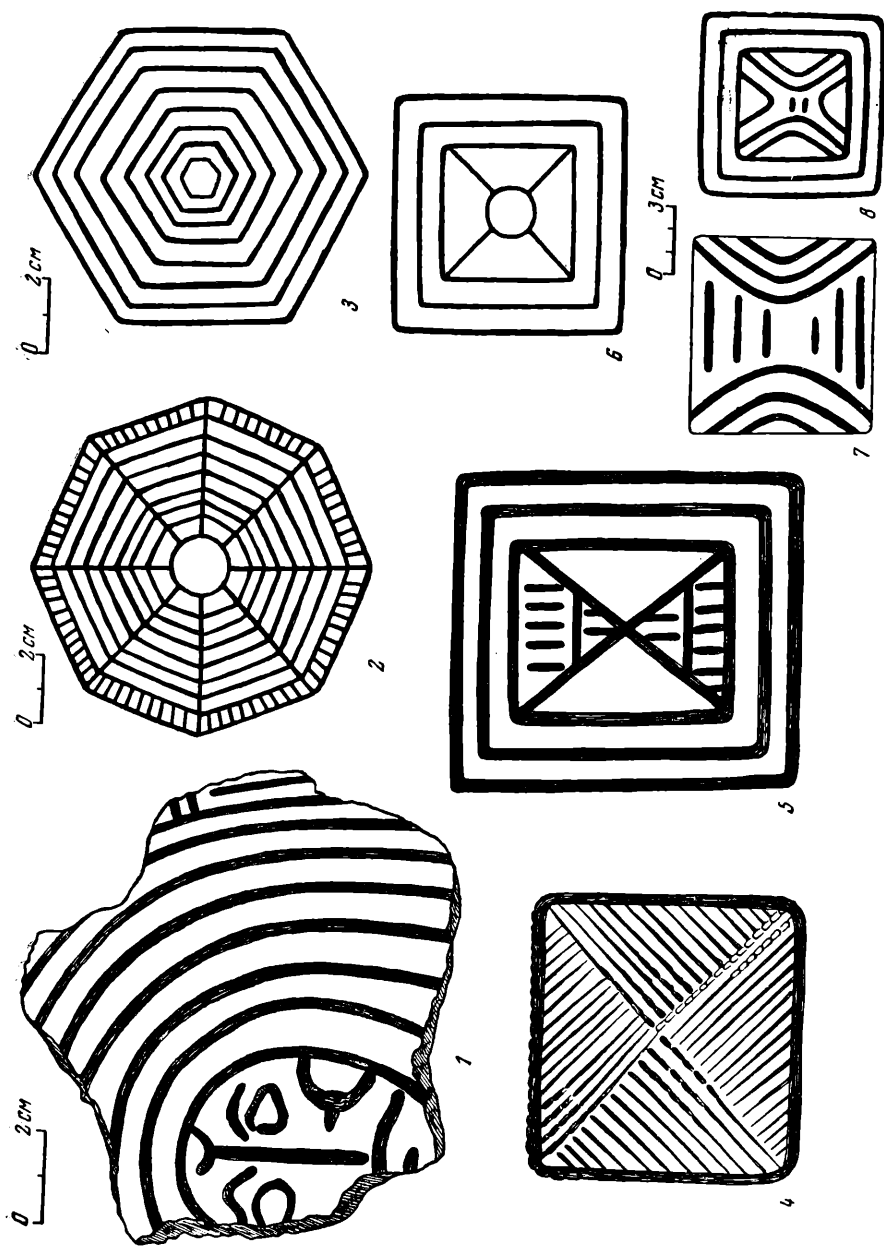

Рис. 11. Орнаменты на днищах сосудов Самусьского IV поселения (1—8)

палочки. Личина обрамлена несколькими концентрическими окружностями. Четко нанесены детали лица — глаза, брови, рот, нос. Судя по фрагменту (дноще сохранилось неполностью), внешняя окружность была украшена лучами.

6. Узоры в виде нескольких последовательно вписанных друг в друга многоугольников (рис. 11, 3, 4). Характерны на шестиугольных и восьмиугольных днищах сосудов Самусьского IV поселения. Наносились протягиванием округлой палочки соответственно конфигурации днищ.

7. Орнаменты на четырехугольных днищах сосудов Самусьского IV поселения (рис. 2, 4—8). Почти во всех случаях наносились протягиванием округлой палочки (рис. 11, 5—8) и очень редко «отступающей» гребенкой (рис. 11, 4). Можно выделить три группы орнаментов на четырехугольных днищах:

а) взаимопроникающие треугольники с общей вершиной в центре квадратного дна (рис. 11, 4, 5);

б) три-четыре последовательно вписанных друг в друга квадрата, внутри которых изображена маленькая окружность с четырьмя лучами, соединяющими ее с углами квадрата (рис. 11, 6);

в) четырехугольные, внутри которого в разных сочетаниях, но с соблюдением законов симметрии, нанесены дугообразные узоры (рис. 11, 7, 8).

Таков краткий перечень основных типов орнаментов на днищах сосудов бронзового века в низовьях р. Томи. Аналогии рассмотренным узорам немногочисленны и не настолько близки, чтобы делать выводы об одновременности этих рисунков в разных местах Сибири или о культурной близости оставившего их населения. Укажем на некоторые из известных нам аналогий. Взаимопересекающиеся полосы, украшающие донную часть некоторых нижнетомских горшков (рис. 10, 6, 7), встречаются на днищах сосудов и на бронзовых украшениях андроновского времени Западной Сибири и Казахстана⁸. Рисунок в виде нескольких концентрических окружностей с лучами (рис. 10, 11) обычен на писаницах Урала, где солярное значение этого изображения не вызывает сомнений⁹. На одной из стел, найденных в Минусинской котловине, выставленных в Абаканском музее, изображен солярный круг с деталями лица человека¹⁰, довольно близко напоминающий солнцеподобную личину на днище сосуда из Самусьского IV поселения (рис. 11, 1).

Однако большинство из рассмотренных узоров не находит близких аналогий в других памятниках бронзового века, что свидетельствует о большом своеобразии древних культур бассейна р. Томи.

Нет сомнения, что рассмотренные рисунки наносились не только с декоративной целью, но имели и определенное смысловое значение. Мы уже отмечали, что многие из перечисленных выше узоров имеют хорошо выраженный солярный облик, что, видимо, свидетельствует о большой роли в религиозных представлениях местных племен культа солнца.

Дальнейшее накопление материала на этой территории, сопоставление местных орнаментальных традиций с традициями изобразительного искусства соседних племен бронзового века, а также привлечение этнографических данных позволит раскрыть духовный мир древних обитателей Западной Сибири.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. 17, 1947, рис. 52, 20; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН Каз.ССР, т. V, 1958, табл. IV, 13.

⁹ В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала.— САИ, М., 1964, рис. 7, 2; табл. XXII.

¹⁰ А. Н. Липский относит это изображение к бронзовому веку.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. ГУРИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ ШАХТ ПО ДОБЫЧЕ КРЕМНЯ В БЕЛОРУССИИ

Среди наиболее интересных археологических памятников, исследованных за последние три года в Европейской части СССР, видное место принадлежит шахтам по добыче кремня, расположенным на берегу р. Росси, близ Красного Села Волковысского района Гродненской обл.¹

В 1964 г. Верхневолжская неолитическая экспедиция² продолжила исследование древних шахт. Раскопкам подверглась вся площадка, содержащая шахты, размером около 1 га (часть шахт была вскрыта в 1963 г.). Здесь в 1964 г. расчищено 49 шахт. Помимо того, были раскопаны еще четыре шахты на вновь открытом участке, расположенном ближе к реке.

Благодаря раскопкам сплошной площадью появилась возможность составить более правильное представление о различных типах конструкций шахт и их группировке. Так, наименее глубокие, простые по конструкции шахты (без подбоев и штреков) концентрировались в южном и северо-восточном углу площадки, тогда как наиболее глубокие и сложные по своему устройству шахты занимали северо-западный угол ее (рис. 12).

Отличительной особенностью первой группы шахт (№ 47, 48 и др.), сосредоточенных в южной части раскопанной нами площадки, является правильная, округлая форма устья и незначительный диаметр его, не превышающий 1,10 м. Стенки их, в верхней части отвесные, по мере углубления становятся более пологими, шахты в основании имеют 50—40 см. Глубина шахт первой группы колеблется в пределах от 1,20 до 1,90 м.

Совершенно иной тип имели шахты, сосредоточенные в северо-западном участке площадки. Вместе с раскопанными в 1963 г. (№ 2—5) и с теми, которые были уничтожены меловым карьером (№ 1), о чем свидетельствуют следы, оставшиеся от их нижней части, они составляли весьма значительную группу.

Некоторые из этих шахт достигают глубины более 5 м. Диаметр устья их различен, но редко превышает 1,5 м. Иногда он не имеет достаточно правильной формы. Встречаются шахты с подбоями и шахты с подбоями и штреками.

Шахты с подбоями имеют расширения в нижней части в виде ниш, иногда достаточно глубоких. Ствол шахты цилиндрической формы. Под-

¹ Н. Н. Гурина и Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня на западе Белоруссии.—СА, 1963, № 2; Н. Н. Гурина. Древние шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии.—КСИА, вып. 100, 1965, стр. 50—58.

² В работе приняли участие сотрудники сектора палеолита ЛОИА: И. В. Гаврилова, Л. М. Тарасов, С. Н. Астахов, В. Ф. Кантонистова и график ЛОИА А. К. Филиппов. Опытные работы были произведены С. А. Семеновым.

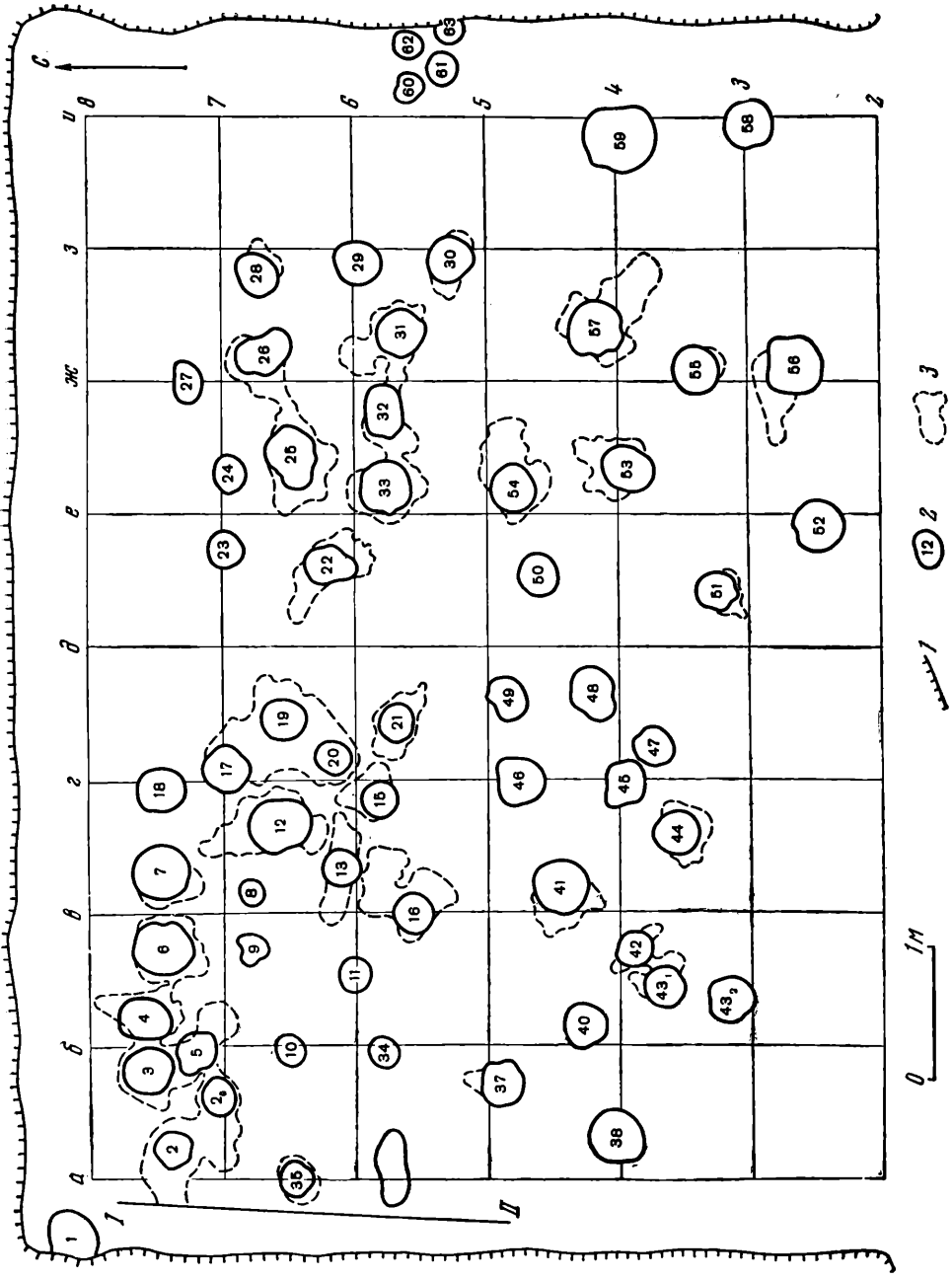

Рис. 12. План расположения шахт на 1-й площадке

бои образовывались в том месте, где древний горняк, попав на прослой кремня, выбирая его, углублялся в меловую породу, в результате чего в стенках ствола образовались ниши. Выбрав кремень этого слоя на сравнительно небольшом расстоянии, с тем чтобы не создавать для себя угрозы быть засыпанным обвалом, горняк нередко снова углублял ствол шахты до следующего кремневого прослоя. Так возникали два яруса расширений-подбоев. В ряде случаев ствол шахты опускался до предельной глубины — 6 м. Если шахтер не находил на этом уровне кремня, он не только не расширял шахту, но, наоборот, сильно сокращал ее первоначальные размеры. В этом случае диаметр нижней шахты едва достигает 80 см.

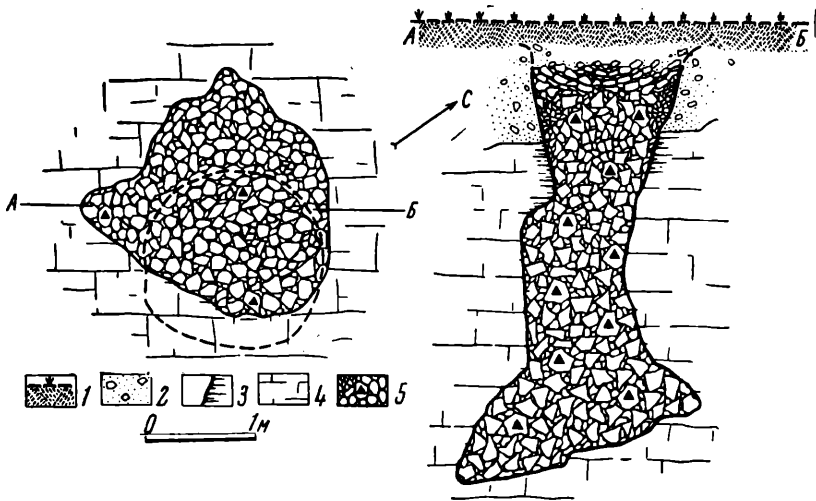

Рис. 13. Разрез и план шахты № 41

1 — почвенный слой; 2 — мел с примесью песка; 3 — выветренный коренной мел; 4 — коренной мел; 5 — заполнение шахты меловой крошкой с включением битого кремня

Нетрудно заметить, что при эксплуатации шахт с подбоями горняк строго придерживался принципа не пробивать подбоев сплошь по всей окружности шахты, а делить их с помощью подпорных столбов на несколько не связанных друг с другом ниш с полукруглым арочным входом. Такие столбы, несшие опорные функции, возникали в результате того, что небольшая часть породы между нишами оставлялась невыбранной. Такие «крепежные столбы» прослеживались на различных ярусах во всех шахтах, за исключением шахты № 12, где подбой в виде невысокого коридора опоясывал шахту по всей окружности.

Интересные наблюдения были сделаны после полной расчистки шахты № 41 (рис. 13). Узкий, немногим более 1 м в диаметре колодец, с совершенно отвесными стенками (за исключением небольшой ступеньки в верхней части), углублялся до 4 м. По-видимому, после того как шахта была выкопана, она оставалась некоторое время открытой. На стенах шахты были заметны следы дождевых потоков, стекавших по ним в древности.

Ближе ко дну, на глубине около 3 м от ее устья, шахта резко расширялась за счет узкого, но далеко идущего в меловом слое подбоя. Дно шахты было несколько наклонным.

Со дна шахты были хорошо видны не только подтеки на стенах, но и сильные следы в слое мела от ударов кайла древнего горняка. Особенно отчетливо выступали они на потолке и стенах подбоя.

Исключительно хорошо сохранилась и шахта № 7 с подбоями, расположенными двумя ярусами и резко суженной нижней частью. Подбой второ-

го яруса состоял из четырех отдельных ниш с полуциркульными входами, притом одна из них, постепенно сужаясь, превратилась затем в маленький коридор и соединилась с соседней шахтой № 6 посредством небольшого отверстия. Стены подбоев и нижней зауженной части шахты сохранили четкие следы от кайла. Очень небольшая ширина здесь стесняла движения, и горняку приходилось не раз менять свое положение; мелкие, резко вытянутые, узкие углубления, нанесенные рогом, имеют различное направление и нередко образуют значительные группы, расположенные под углом друг к другу, создающие видимость елочного узора. Только стенки ниши с отверстием покрыты точками, нанесенными концом орудия типа кинжала, поскольку незначительная величина ниши исключала возможность применения кайла даже с короткой рукоятью. Такие следы от ударов острого конца орудия встречены на стенах подбоев и других шахт, при этом всегда в самых узких частях их. Небольшое отверстие, соединяющее шахты № 7 и 6, вероятно, образовалось случайно, в результате того, что отсюда была вынута крупная конкреция кремня, следы от которой частично сохранились по краям отверстия.

Количество шахт, имеющих штреки, сравнительно невелико. Иногда эти подземные коридоры, диаметром не превышающие 60 см, соединяют две, три и даже большее число шахт. В месте соединения они заметно расширяются. Штреки в разных шахтах располагаются на различных уровнях. Иногда они пробиты сравнительно близко от поверхности.

Другого типа коридоры соединяли, например, шахты № 1—5, часть которых была раскопана в 1963 г. В 1964 г. удалось произвести исследование этого участка. Как и предполагалось, штрек из шахты № 2 шел далее и затем соединился с шахтой № 1, почти полностью разрушенной карьером; от нее сохранилось лишь основание.

Еще в 1963 г. при вскрытии штрека, соединяющего шахты № 5 и 2, было замечено, что потолок его представляет собой не сплошную массу мела, а меловую крошку. Продолженные работы в 1964 г. показали, что при легком ударе тупым инструментом потолок штрека начинает осыпаться. По мере выборки этого слоя узкий штрек расширился и превратился в небольшую камеру. Чтобы не нарушить стенок шахты, разборку ее, несмотря на опасность, пришлось вести снизу.

После выборки всего заполнения открылась новая шахта № 2а, соединяющаяся с шахтами № 2 и 5. Оказалось, что шахты на исследованном участке не имеют длинных штреков в отличие, например, от шахт Кшеменок в Польше³.

Значительный интерес представил и юго-восточный участок площадки, оказавшийся местом сосредоточения мастерских по первичной оббивке конкреций и производству заготовок крупных рубящих орудий. Одна из таких мастерских с очагом посередине (№ 59) была вскрыта нами в 1963 г. В 1964 г. после выборки очага дно этой ямы-мастерской было углублено. Мел здесь, несмотря на значительную плотность, содержал, однако, примесь небольшого количества песка. По мере выборки его выступили стенки шахты, заполненной, как обычно, меловой крошкой с большим количеством крупных кусков кремня, сбитых конкреций. Дно шахты оказалось на глубине 3 м от поверхности мелового слоя.

Нижняя часть шахты, не имеющая ни подбоев, ни штреков, была сильно заужена. Стенки ее сохранили чрезвычайно отчетливые следы от кайла,

³ S. K r u k o w s k i. Krzemionki Opatowskie. Warszawa, 1939; Z. P o d k o w i ń s k a. Neolityczna Kopalnia w Krzemionkach.—Dawna Kultura, 4. Warszawa—Wrocław, 1955; T. Z u r o w s k i. Krzemionki Opatowskie, pomnik starożytnego górnictwa.—Nadbitka z Recznika Świętokrzyskiego, 1, 1962, стр. 17—96; он же. Konserwacja neolitycznych Kopalni Krzemienia w Krzemionkach Opatowskich.—Wiadomości Archeologiczne, t. XX, z. 3. Warszawa, 1954, стр. 281—293; он же. Krzemionki Opatowskie, pomnik starożytnego górnictwa i narzędziarstwa.—Wiadomości Hutnicze. Czasopismo popularyzujące zagadnienia techniczno-gospodarcze w Hutnictwie. Rok XVII, № 5.

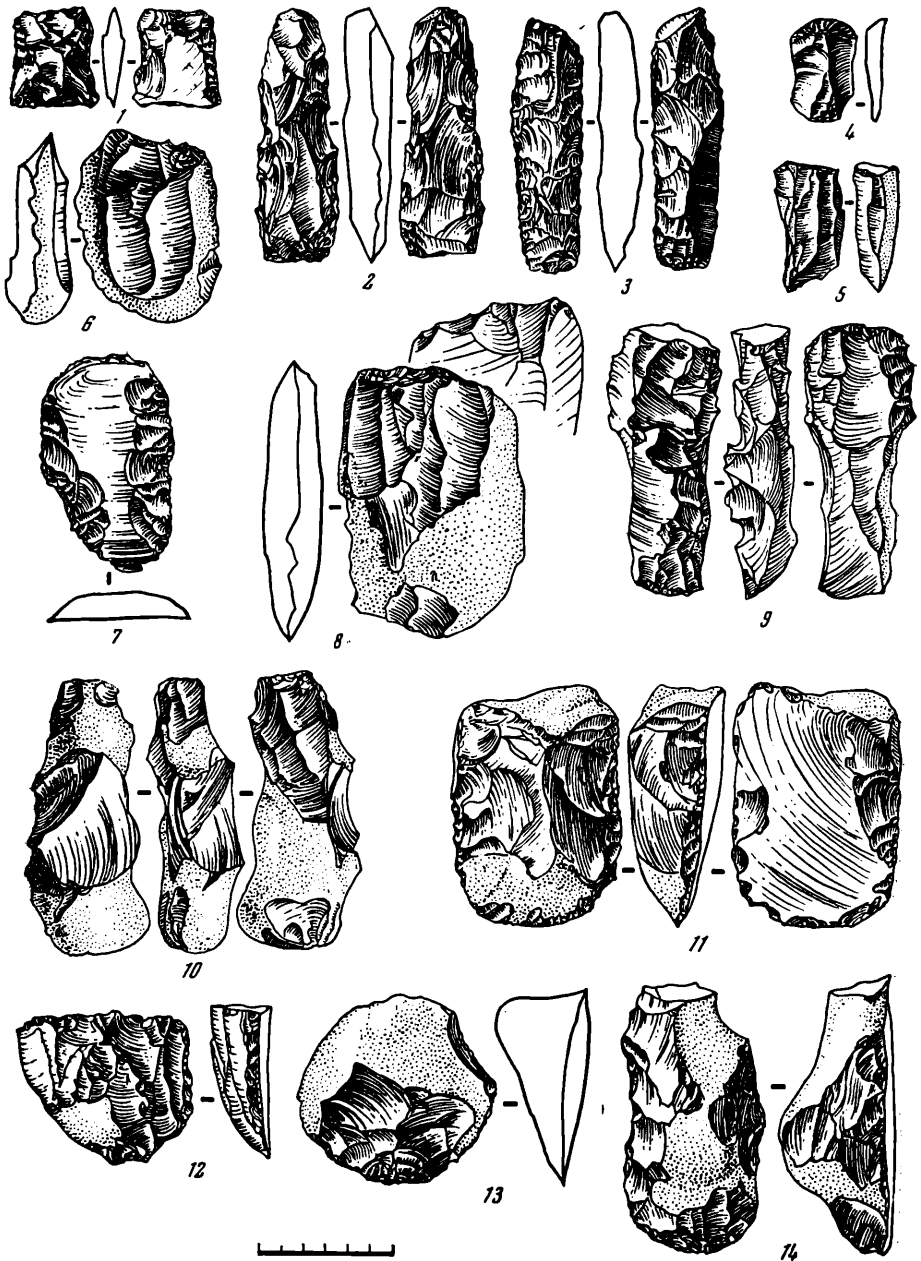

Рис. 14. Орудия из шахт, мастерских и поселения

1, 2, — стоянка № 3 на правом берегу р. Росси; 3, 6, 7, 11—14 — мастерская II; 4, 5 — стоянка № 2 на правом берегу р. Росси; 8—10 — шахты

расположенные под углом друг к другу — «в елочку». Стало очевидно, что для мастерской, в которой изготовляли орудия и разводили костер для приготовления пищи, была использована старая, полузасыпанная шахта.

Три других мастерских располагались по соседству с шахтой № 59 и тоже в полузасыпанных шахтах. В средней части одной из них (№ 55) лежал крупный камень, служивший наковальней, на что указывают выбоины на его поверхности. В непосредственной близости от камня находилось большое число крупных чешуек и отщепов кремня, полученных при изготовлении топоров, а также сколы, снятые с нуклеусов.

Третья мастерская (№ 56) размещалась в углублении, расположенном в 2 м к югу от № 55. Подобно двум первым, она занимала верхнюю часть неглубокой, также разведочной шахты. В контурах ее на глубине 40 см от поверхности сосредоточивалось огромное количество мелких кремневых отщепов и сколов, полученных, по-видимому, при изготовлении орудий, залегающих сплошной массой.

Близко расположенная четвертая мастерская (№ 58) также занимала верхнюю часть полузасыпанной шахты. В ней размещался небольшой каменный очаг с сильными следами действия огня и скопление мелких отщепов и сколов с нуклеусов и орудий.

Расположение мастерских в верхней части шахт и локализация их в юго-восточном углу площадки свидетельствуют о том, что данные шахты были одними из первых, подвергшихся эксплуатации.

Обширная мастерская была найдена также к северо-востоку от площадки с шахтами, на участке, лежащем ближе к р. Росси, за пределами меловой линзы. На поверхности распаханного поля обнаружено огромное количество отщепов кремня, сколотых с нуклеусов, нуклеусы, скребла, заготовки крупных орудий, в частности топоров; состав находок по сравнению с находками, сделанными в шахтах-мастерских, значительно разнообразнее (рис. 14).

Культурный слой с остатками мастерской залегает в слое дюнного несортированного песка на глубине не более 30—40 см от поверхности, перекрыт почвенным слоем. По всей вероятности, эта песчаная гряда, содержащая массу находок, служила местом сезонного поселения шахтеров, где они жили в течение всего времени, пока добывали кремень в шахтах. Именно здесь они производили и первичную обработку орудий.

В результате разведок удалось обнаружить новый участок с шахтами, занимающий восточный конец той же линзы (за карьером, ближе к реке). Зачистка верхней части мелового слоя на площадке, с которой еще ранее была удалена вскрыша, позволила обнаружить группу пятен (более 30), соответствующих устьям шахт. Здесь раскопаны четыре шахты. По своей конфигурации они несколько отличались от шахт вышеописанной (первой) площадки. По-видимому, в силу того, что меловой слой был срезан сверху на большую глубину и за истекшее время не утратил влажности, стенки шахт держались особенно прочно. Глубина некоторых из них достигала 5 м, форма нередко была правильно округлой и в двух случаях напоминала грушевидную. Некоторые из них имели подбой и штреки. На дне шахт обнаружена обгорелая лучина, а на стенах — сильные следы копоты от нее. Вновь открытая группа шахт содержит большое количество роговых орудий очень хорошей сохранности.

На краю этой второй площадки с шахтами, в непосредственной близости от некоторых из них, сохранился участок с почвенным и песчаным слоями, перекрывающими мел, мощностью до 1,20 м. Однако ближе к средней части меловой линзы толщина этих слоев заметно уменьшалась — до 40 см. Это наблюдение очень существенно, если учесть, что вследствие отсутствия вскрыши над шахтами первой площадки у нас до этого не было данных для суждений о действительной глубине шахт.

В результате разведки были открыты также остатки нескольких поселений, расположенных на правом берегу р. Росси, часть которых относится к мезолитической эпохе. Наибольший интерес, однако, представляли остатки поселения на первой надпойменной террасе старицы р. Росси, на противоположном берегу которой находился карьер с шахтами. Верхний горизонт культурного слоя оказался нарушенным пашней, найденные здесь некоторые кремневые орудия указывают как будто бы на поздненеолитический возраст этого памятника (рис. 14). Особого внимания заслуживает кремневый топор, тождественный по характеру кремня и чрезвычайно близкий по форме топорам из шахт и мастерских. Встречены также два фрагмента керамики: один с легкой поверхностной штриховкой, второй гладкий, с небольшой примесью песка. Исследование этого поселения представляет большой интерес в связи с изучением шахт.

Огромное количество шахт на р. Росси близ Красного Села свидетельствует о длительной эксплуатации этого участка древними горняками с целью добычи кремня. Поднятый на поверхность кремень проходил первичную обработку в мастерских, расположенных в непосредственной близости от шахт и на месте временного сезонного поселка. Удивительная стандартизация орудий, изготовленных из кремня, добытого в шахтах, — только заготовки топоров — заставляет предполагать, что они предназначались для обмена. Сравнение наших шахт, например, с шахтами Кшменок Опатовских, выкопанных в слое твердого известняка, говорит о понимании древним горняком россинских шахт особенностей структуры материковой породы (относительную мягкость мела), заставившей его прокладывать лишь короткие штреки. Эта целесообразность в конструкции шахт и обязательное (как показали опыты) наличие большой физической силы предполагает выделение группы людей из прочей массы членов рода со специальными навыками шахтеров.

Вместе с тем ряд вопросов требует дополнительных изысканий. Так, например, датировка шахт эпохой позднего неолита — возможно, ранней бронзой — должна быть уточнена. Неясен также ареал распространения полуфабрикатов и изделий из россинских шахт. Кроме того, пока не представляется возможным высказать и окончательное суждение о принадлежности шахт какой-либо определенной этнической группе. Можно лишь предположить, что их посещали люди, знакомые со скотоводством и близкие к племенам шнуровой керамики.

При этом нельзя не видеть, в частности, близкого сходства сосуда, найденного с погребенным в шахте⁴, с сосудами шнуровой керамики Прибалтики, и в особенности из пос. Рутениеки Елгавского района Латвийской ССР и Ленинградской обл. Выборгского района (прежняя Саккиярви Рави)⁵.

Подтверждение мнения о посещении наших шахт племенами шнуровой керамики мы склонны видеть и в наличии сверленных боевых топоров, найденных в одной из мастерских (№ 59) и в старом карьере.

⁴ М. М. Чарняўскі. Старажытныя шахты па здабычы крэменю. — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук, № 3, 1963, стр. 66—70.

⁵ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 49—141.

И. И. АРТЕМЕНКО, И. М. ТЮРИНА

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
В УРОЧИЩЕ СТРЕЛИЦА
(раскопки 1963—1964 гг.)

Урочище Стрелица расположено в пойме левого берега р. Сож, в 250 м от реки, против с. Юрковичи и близ с. Рудня Шлягина Гомельской обл. Оно представляет собой возвышенность — останец нижней надпойменной террасы Сожа, вытянутую с юго-востока на северо-запад, длиной 500 м, шириной 200 м, высотой над поймой 2,5 м. Возвышенность окружена низким заливным лугом и озерами. Склоны возвышенности пологие, поверхность ее хорошо задернована. Лишь юго-западный склон возвышенности, затопляемый в половодье Сожем, размывается, и культурный слой стоянки разрушается.

Впервые Стрелицу обследовал К. М. Поликарпович в 1926 г. С западной стороны возвышенности он заложил небольшой шурф (0,7 × 0,7 м), в котором были обнаружены кремневые орудия и фрагменты керамики эпохи неолита и бронзы¹. На основании находок К. М. Поликарпович считал, что на Стрелице расположены поселения эпохи неолита и бронзы.

В 1954 г. Е. Г. Красковская (Галанова) заложила на Стрелице три шурфа общей площадью в 43 кв. м и произвела раскопки на площади в 130 кв. м. Раскоп был заложен в средней части возвышенности. На площади раскопа в культурном слое было обнаружено большое количество кремневых орудий и фрагментов неолитической керамики, а в могилах, прорезавших культурный слой и углублявшихся в желтый материковый песок, — шесть погребений эпохи бронзы. В результате этих раскопок было установлено, что на Стрелице расположены неолитическое поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы.

В 1963—1964 гг. в урочище Стрелица раскопана площадь в 872 кв. м, которая примыкала к раскопу 1954 г. с северо-запада и юго-востока. Обнаружено большое число кремневых орудий, фрагментов неолитической керамики, 56 погребений эпохи бронзы и, по-видимому, погребения с трупосожжением середины I тыс. н. э.²

Неолитическое поселение однослойное (толщина культурного слоя 45—55 см), кремневые орудия и фрагменты неолитической керамики встреча-

¹ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа.— Запіскі адзелу гуманітарных навук, кн. 5. Працы катэдры археалогіі, т. I. Менск, 1928, стр. 205—208.

² Работы проводились Белорусским отрядом Приднепровской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1963 г. совместно с Белорусским Государственным историческим музеем. Начальник отряда — И. И. Артеменко. В работе отряда принимали участие: И. М. Тюрина (Минск), М. А. Сабурова, А. В. Артеменко, Н. И. Хлынина, В. К. Хлынин, В. Г. Матюжин, Л. М. Мадякина, Н. А. Чиркова и ученики 121-й школы Москвы.

лись главным образом на глубине 0,2—0,5 м. В нескольких случаях наблюдались скопления фрагментов керамики от отдельных сосудов. Остатки жилищ или очагов на площади раскопов не обнаружены, лишь в нескольких местах на глубине 0,6—0,7 м прослеживались зольные пятна, вероятно, остатки кострищ.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество кремневых орудий. Всего на площади раскопов найдено 453 кремневых орудия и свыше 3 тыс. отщепов и кусков кремня со следами сколов. Кремневые орудия изготовлены из темно-серого мелового кремня. Наиболее многочисленны скребки (177 экз.), преимущественно на отщепах различной формы и толщины, часто первичных, с сохранившейся меловой коркой. Есть несколько концевых скребков на обломках пластин. Рабочий край скребков обычно дугообразный, ретушь краевая. Есть также скребки с высокой крутой ретушью. Многие скребки имеют следы употребления — заполировку края или заломы (рис. 15, 7—10, 14).

Скобели (4 экз.), изготовленные на отщепах, имеют вогнутый рабочий край, обработанный краевой или крупной крутой ретушью. Они использовались, вероятно, для обработки древков стрел (рис. 15, 13).

Ножевидные пластины и их обломки (158 экз.) — треугольные и трапециевидные в сечении. Ретушь встречена лишь на нескольких экземплярах. Возможно, что многие из ножевидных пластин без ретуши употреблялись как ножи (рис. 15, 11, 12).

В слое поселения найдено 38 кремневых ножей и их обломков, изготовленных на удлинённых отщепах с отретушированными со стороны спинки краями (рис. 15, 15, 20) и на небольших отщепах или галечке с сохранившейся меловой коркой, отретушированных со всех сторон плоской ретушью (рис. 15, 16, 17, 21).

Клиновидные топоры представлены 54 экземплярами. Среди них преобладают «миниатюрные» топоры (длина 4—6 см, ширина лезвий 2,5—3 см), оббитые со всех сторон продольными сколами. Они имеют суженный обушок, вставлявшийся в рукоять, сечение линзовидное (рис. 15, 18, 23). Этот тип топоров характерен для позднеолитических поселений Верхнего Поднепровья. Есть также несколько кремневых топоров больших размеров (длина 8,1 см, ширина лезвия 4—4,5 см), оббитых со всех сторон широкими короткими сколами. Они имеют немного суженную верхнюю часть, вставлявшуюся в рукоять, и дугообразное лезвие (рис. 15, 22).

В слое поселения были обнаружены также два тесла — кремневое и из сланца с суженной верхней частью, вставлявшейся в рукоять, и с желобчатым рабочим краем (рис. 15, 24, 25).

Наконечников стрел в слое поселения найдено 10 экземпляров целых, два обломка и два наконечника с незаконченной обработкой. Среди целых экземпляров — пять треугольной формы с черешком (рис. 15, 2, 6), два наконечника треугольной формы (рис. 15, 5), два — листовидной и один — на пластине, треугольной формы, с черешком так называемого мезолитического типа. Ретушью обработаны лишь черешок и острие наконечника (рис. 15, 3, 4).

Наконечники копий представлены двумя экземплярами листовидной формы (рис. 15, 26).

Керамический материал поселения представлен 7089 фрагментами глиняных сосудов. В тесте примесь песка, мелкого кварца и растительных волокон.

Судя по фрагментам, сосуды были широкогорлые, со слабовыраженной шейкой или с прямыми стенками и коническим дном. Края венчиков прямые или закругленные. Почти на всех сосудах с наружной стороны под венчиком имеется ряд глубоких цилиндрических ямок. На некоторых сосудах ряд ямок расположен с внутренней стороны. Поверхность желтого, желто-серого и коричневого цвета, хорошо заглажена. На внутренней поверхности,

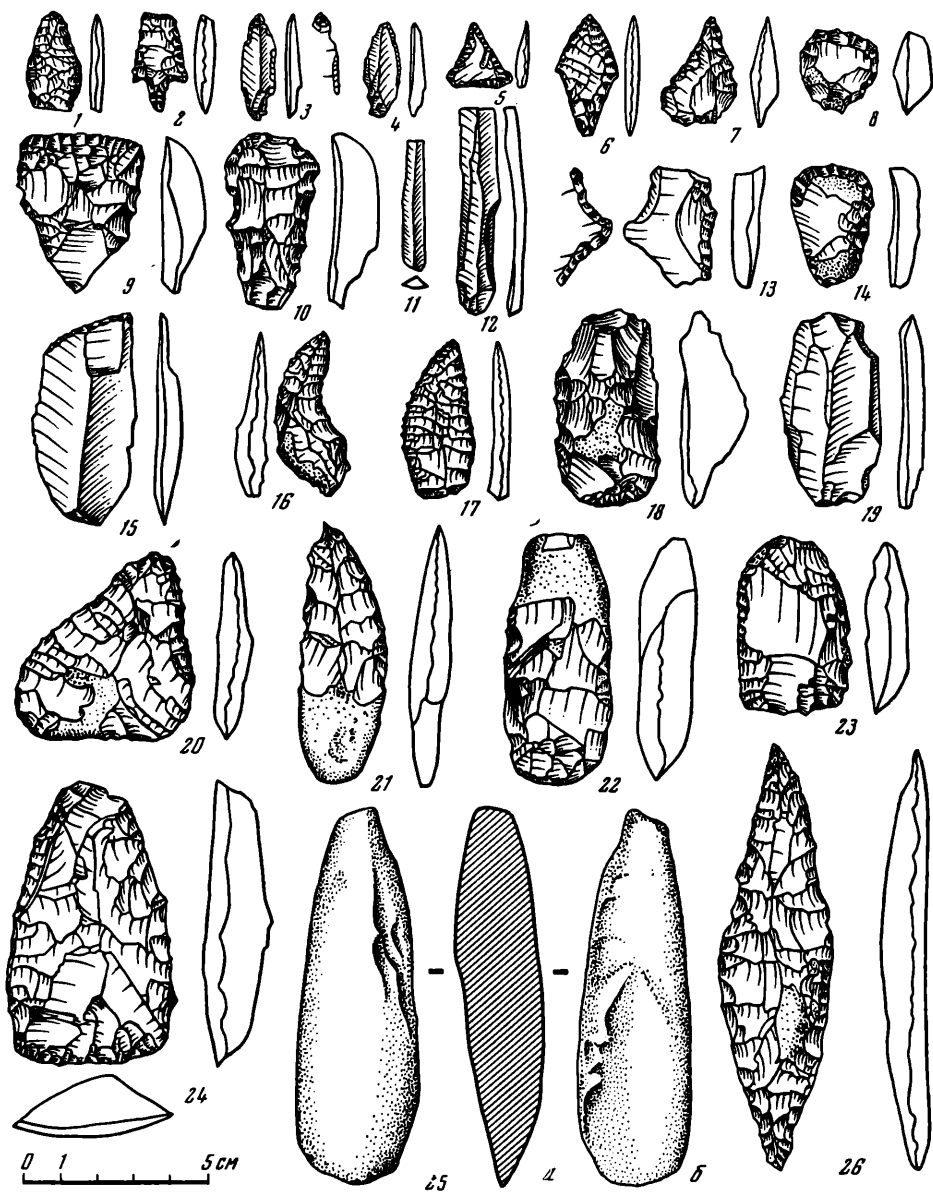

Рис. 15. Поселение в уроч. Стрелица. Кремневые и каменные орудия

а на некоторых сосудах и на наружной поверхности имеются полосы от сглаживания зубчатым штампом.

В орнаменте сосудов преобладают отпечатки гребенки (2370 фрагментов). Орнамент покрывает всю поверхность или только верхнюю часть сосуда. Орнаментальные узоры расположены горизонтально, наклонно и вертикально. Имеются сосуды, на которых орнамент расположен вертикальными зонами, разделенными неорнаментированными участками; диагональными поясами из пяти-шести рядов оттисков гребенки; поясами из опущенных вниз вершиной треугольников, разделенными горизонтальными рядами из оттисков косо поставленной гребенки (рис. 16, 1—3, 5).

Один из сосудов украшен по всей поверхности оттисками гребенки, образующими вертикальные ряды (рис. 16, 4).

На обеих поверхностях другого сосуда отчетливо видны перекрещивающиеся полосы от сглаживания зубчатым штампом, орнамент состоит из отпечатков двухзубчатого штампа (рис. 16, 7, 8); встречен и трехзубчатый штамп.

Ямочный орнамент (1694 фрагмента) неглубокий. Ямки округлые, овальные, луновидные, треугольные, прямоугольные и угловатые, часто с нажимом на один конец. Орнамент расположен горизонтальными и диагональными рядами сплошь по всей поверхности сосудов или поясами, разделенными неорнаментированным пространством (рис. 16, 13, 14). Один сосуд украшен подпрямоугольными ямочными вдавлениями, нанесенными снизу (рис. 16, 15), другой — округлыми ямками, расположенными в верхней части диагональными рядами, а ниже — горизонтальными поясами (рис. 16, 11).

Найдены обломки сосудов с орнаментом из неглубоких ямочных вдавлений, нанесенных концом палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой («лапчатый») (861 фрагмент). Узоры состоят из горизонтальных и диагональных рядов, расположенных сплошь по всей поверхности сосудов; горизонтальных поясов треугольников, разделенных горизонтальными рядами, и вертикальных лент ромбов (рис. 16, 16, 25).

На некоторых сосудах гребенчатые элементы орнамента комбинировались с ямочными (257 фрагментов). Орнамент в этом случае состоит из поясов отпечатков гребенки, разделенных горизонтальными рядами ямочных вдавлений (рис. 16, 12, 19, 20).

Иногда гребенчатые элементы орнамента комбинируются с «лапчатым» орнаментом (102 фрагмента), образуя пояса из «лапчатых» отпечатков, разделенные одним-двумя рядами оттисков гребенки (рис. 16, 17). На одном из сосудов «лапчатые» отпечатки расположены диагональными рядами, которые разделены одним рядом из оттисков гребенки.

Накольчатый орнамент (330 фрагментов) образует горизонтальные и диагональные ряды и зоны (рис. 16, 24). На некоторых орнамент нанесен по типу отступающей лопаточки (рис. 16, 18, 22), на других — треугольно-накольчатый орнамент (рис. 16, 24). На одном из сосудов он располагался, по-видимому, по всей поверхности вертикальными рядами (рис. 16, 23).

Нарезной орнамент (123 фрагмента) расположен горизонтальными рядами и «в елочку» (рис. 16, 27).

Редко встречается орнамент из коротких отпечатков палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой, — «гусеничный» (16 фрагментов) и орнамент, состоящий из пересекающихся полос, нанесенных зубчатым штампом (23 фрагмента) (рис. 16, 26).

Малочисленна также толстостенная керамика коричневого цвета с примесью кровавика, без орнамента (24 фрагмента).

Большое количество неорнаментированных фрагментов керамики (1295), обнаруженных на поселении, свидетельствует о том, что значительная часть сосудов была орнаментирована не сплошь по всей поверхности, а зонами или только в верхней части.

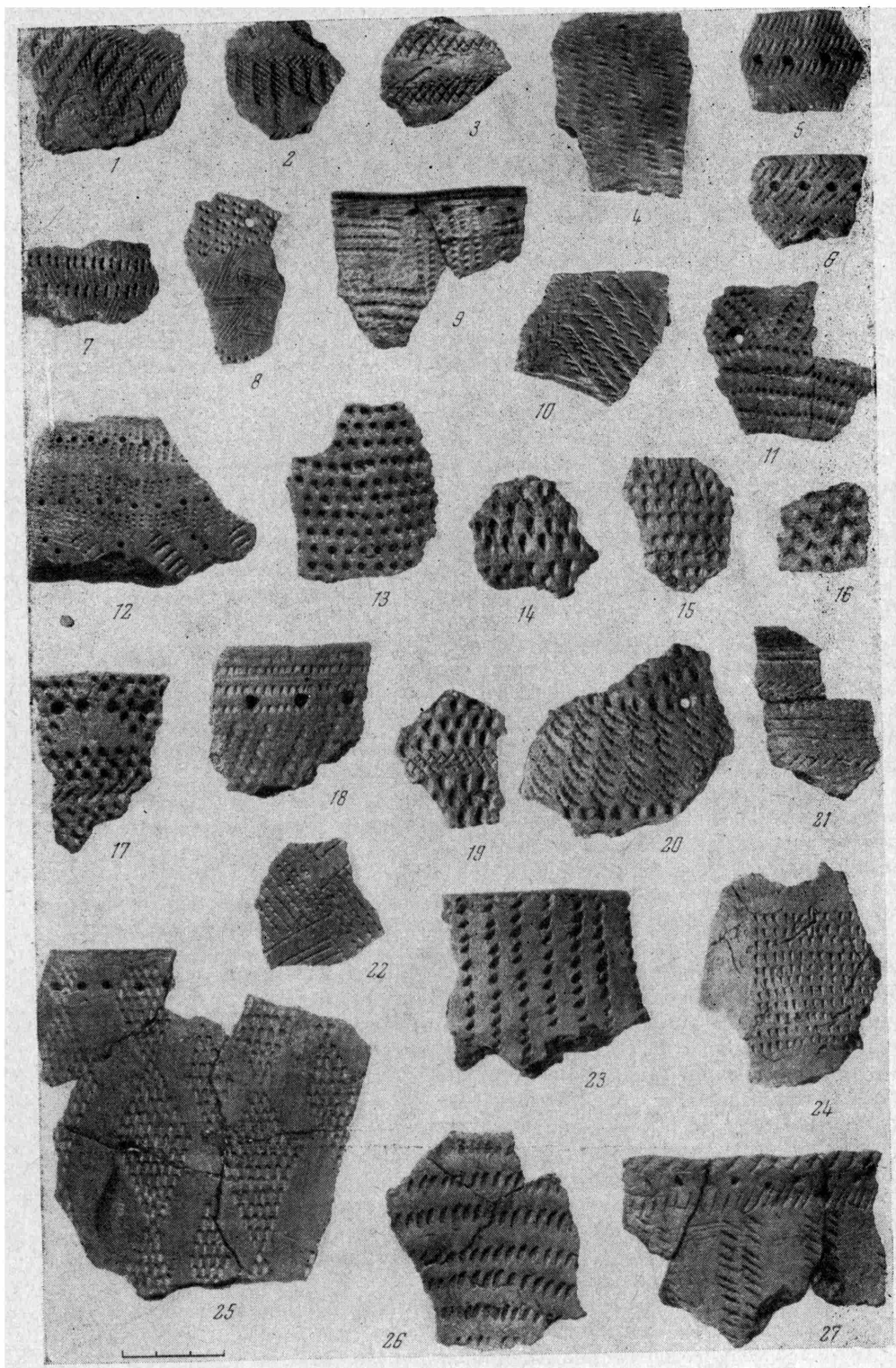

Рис. 16. Поселение в уроч. Стрелица. Фрагменты неолитических сосудов

Судя по керамике и характеру кремневого инвентаря, поселение в урочище Стрелица можно отнести к типу неолитических поселений с гребенчатой или гребенчато-накольчатой керамикой на позднем этапе ее развития. Поселения с аналогичной керамикой известны на территории Верхнего Поднепровья во многих пунктах. За последние годы такие поселения были исследованы у с. Веть (Веть IV и Веть VI)³ Могилевской обл., в урочище Завалье близ с. Лучин⁴, в урочище Мошка и у оз. Дедного близ с. Ходосовичи⁵ Рогачевского района Гомельской обл.

Найденные на поселении два фрагмента неолитической керамики, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа, чередующимися с отпечатками веревочки (рис. 16, 21), могут свидетельствовать о появлении такого орнамента под воздействием среднеднепровской культуры и о сосуществовании неолитического населения, оставившего поселение в Стрелице, с населением среднеднепровской культуры.

На площади неолитического поселения в урочище Стрелица расположен грунтовый могильник эпохи бронзы, возникший после прекращения жизни на поселении. Инвентарь (глиняные сосуды и металлические изделия) из погребений этого могильника, а также четырехсегментная фаянсовая египетская бусина, обнаруженная в погребении 40, позволяют относить могильник эпохи бронзы к концу существования среднеднепровской культуры и датировать его серединой II тыс. до н. э.

На неолитическом поселении в урочище Мошка близ с. Ходосовичи были насыпаны курганы с погребениями среднеднепровской культуры эпохи бронзы. Инвентарь (глиняные сосуды и металлические изделия) из этих погребений позволяет относить могильник к несколько более раннему времени, чем могильник в урочище Стрелица, и датировать его приблизительно концом первой — началом второй четверти II тыс. до н. э. Этим же временем можно датировать и погребения в курганах, насыпанных на неолитическом поселении у оз. Дедного близ с. Ходосовичи.

Приведенные данные позволяют предполагать, что поздненеолитическое поселение в урочище Стрелица существовало не позднее первой четверти II тыс. до н. э. и жизнь на нем прекратилась примерно за два-три столетия до появления здесь могильника эпохи бронзы.

---

³ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской обл.— КСИА, вып. 97, 1964.

⁴ И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.— КСИА, вып. 88, 1962.

⁵ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

В. Ф. ГЕНИНГ, Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ
НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
НА р. ИШИМЕ

Лесостепная зона Западной Сибири в археологическом отношении до сих пор остается одной из наименее изученных, и лишь в последние годы началось ее планомерное исследование¹.

В 1963—1964 гг. на р. Ишиме (приток Иртыша) было обнаружено большое количество памятников, относящихся к неолиту и периоду ранней (предандроновской) бронзы. Вся встреченная в них керамика разделяется по орнаменту на две основные группы: гребенчатую и линейно-накольчатую. Вопрос их хронологического соотношения и территориального распространения пока недостаточно ясен и может быть разрешен только с дальнейшими раскопками поселений.

Одним из наиболее интересных неолитических памятников, расположенных в Абатском районе Тюменской обл., является поселение Кокуй I, раскопанное в 1964 г. Оно находится на песчаном останце первой пойменной террасы левого берега р. Ишима. На поселении вскрыта площадь около 300 кв. м. с мощностью культурного слоя до 1,4 м. В основании слоя было выявлено жилище, которое представляет собой прямоугольный котлован размером 9 × 9 м, с небольшим очагом в середине и с несколькими ямками от столбов.

Кремневый инвентарь поселения исключительно однороден: он весь, кроме единичных скребков, изготовлен из пластин; техника расщепления кремня здесь весьма совершенна: пластины правильного огранения и для определенного вида орудий одинаковы по форме и величине. Особенно выделяются в этом отношении крупные пластины и орудия из них. Основная масса орудий изготовлена из красно-кирпичного однотонного и пятнистого кремня и лишь небольшая часть — из светло-серого кремня, кварцита и сланца.

Наконечники стрел (4 экз.) из тонких пластинок обработаны преимущественно со стороны брюшка. У двух экземпляров со стороны спинки слегка подправлено только самое острие, со стороны брюшка нанесена тщательная, очень тонкая ретушь почти по всей поверхности и столь же тщательно отретушировано прямое основание одного из наконечников. Два других обработаны только с брюшка (рис. 17, 1—3).

Острия, проколки и сверла (9 экз.) различаются по способу обработки рабочего края. Два орудия имеют ретушь, расположенную по длинным граням со стороны спинки и образующую заостренный конец. У двух других

¹ Работы проводятся археологической экспедицией Уральского государственного университета.

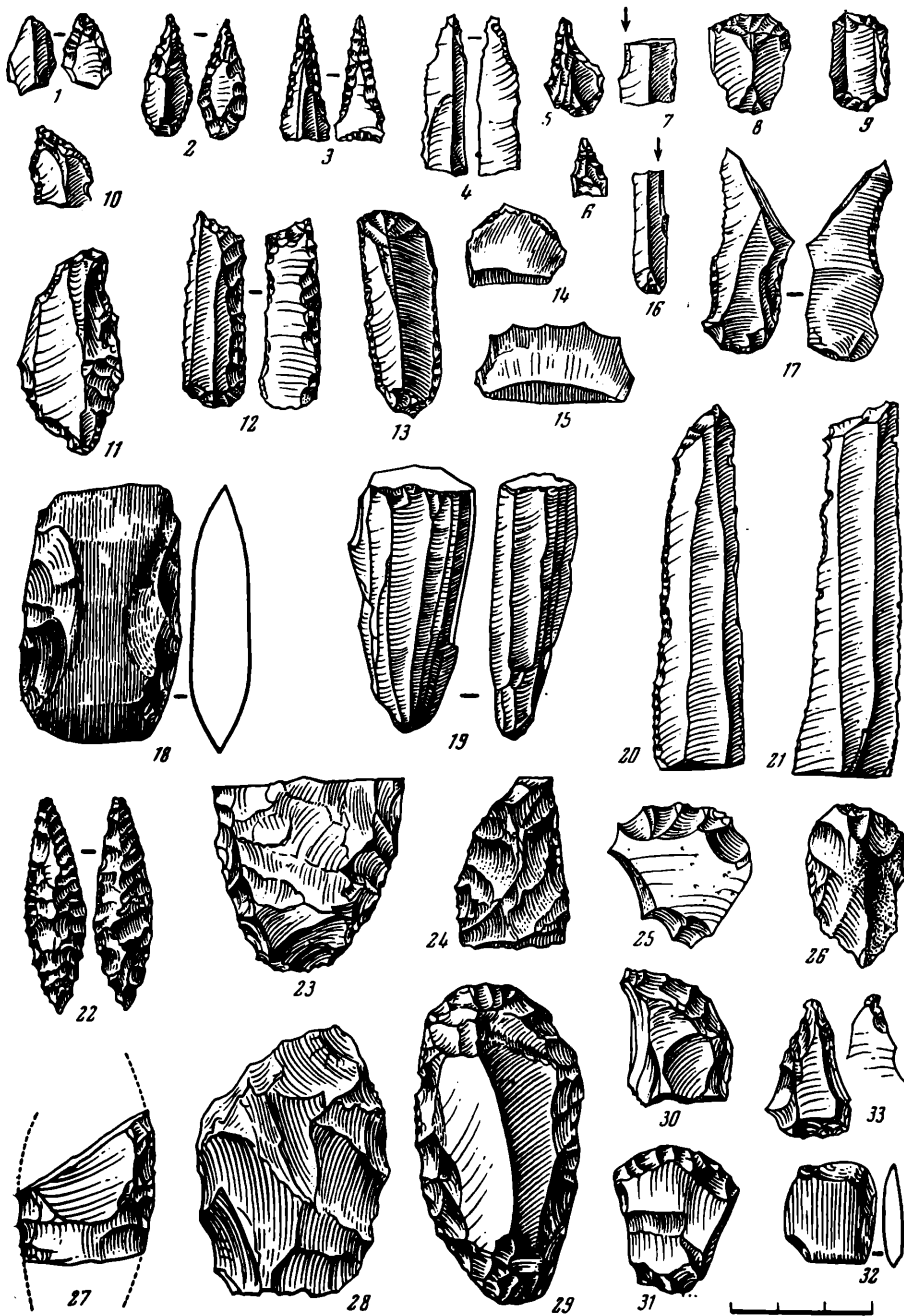

Рис. 17

1—21 — орудия из камня поселения Кокуй; 22—32 — орудия из камня поселения Пакомовская пристань III

орудий острие подвергнуто дополнительной обработке со стороны брюшка (рис. 17, 4). По-видимому, последние являются проколками в отличие от ранее описанных острий. К проколкам следует отнести еще одно изделие, которое, хотя и обработано только по спинке, тем не менее имеет вытянутую игловидную форму рабочей части (рис. 17, 5). Два острия асимметричны (рис. 17, 10, 12). Одно из них является двойным орудием: острием и концевым скребком. К этой же группе относится так называемая развертка — разновидность сверла, рабочий конец которой довольно массивен и сильно притуплен. В основании его отчетливо прослеживаются концентрические круги, свидетельствующие о вращательном движении инструмента. Назначение орудий этого типа определено Г. Ф. Коробковой по материалам неолитических культур Средней Азии, в которых они довольно широко распространены. Развертка применялась для расширения уже проделанного сверлом отверстия, в силу чего рабочий конец ее не был столь острым и тонким, как у обычного сверла (рис. 17, 11).

Резцы (7 экз.). Шесть из них являются угловыми (рис. 17, 7, 16). В четырех случаях у излома пластины нанесен микроскол, в двух других скол занимает значительную часть боковой грани или всю ее. Один угловой резец являлся, по-видимому, вкладышем: будучи небольших размеров, он имел притупленную ретушью грань, противоположащую рабочей части. Седьмой резец — боковой. В коллекции присутствует и скобель — пластина, имеющая по одной грани две отретушированные выемки: одна со спинки, другая с брюшка (рис. 17, 17).

Самую многочисленную группу инвентаря Кокуя I составляют скребки. Их всего около 100 экземпляров. Некоторые из них изготовлены на коротких, другие — на длинных пластинах. Все скребки, за исключением четырех, являются концевыми (рис. 17, 6, 13), с тонким уплощенным (выпуклым или прямым) лезвием. В нескольких случаях лезвие скошено. Приблизительно у трети скребков тыльная часть обломана.

Скребки других форм представлены одним небольшим округлым и тремя двойными орудиями: скребком с противоположащими лезвиями, скребком и ножом, скребком и проколкой (рис. 17, 9, 12). Несколько скребков изготовлено из небольших отщепов, один отличается крупными размерами, массивным и сильно сработанным лезвием.

Самые крупные ножи из красного кремня достигают 8 см (рис. 17, 20, 21). Ретушь прослеживается только на трех орудиях (из семи). Она очень мелкая и расположена лишь по одной из длинных граней. На противоположащей же грани отчетливо видны следы сработанности в виде зазубрин, так же как и на ножках, не имеющих специальной ретуши. Ножи из белого кремня — средних размеров, отретушированы по одной, а иногда и по двум граням; мелкие ножи-вкладыши изготовлены из разных пород кремня и кварцита.

Из шлифованных орудий найдено небольшое оригинальное тесло, имеющее на поперечных сторонах два противоположащих лезвия, а на продольных — симметричные выбоины для крепления, и небольшие ножички из отщепов, хорошо отшлифованные только по лезвию (рис. 17, 14, 15, 18).

Нуклеусы и их обломки встречены в небольшом числе, все со следами скалывания тонких правильных призматических пластинок (рис. 17, 19).

Отбойниками служили небольшие кварцитовые гальки, найдена шлифовальная плитка.

Керамика очень фрагментарна и плохой сохранности, но некоторые крупные обломки дают представление о форме. В большинстве это сосуды с прямыми вертикальными стенками, сужающимися, слегка приостренными днищами и невыраженными шейками. Лишь у некоторых сосудов венчики слегка отогнуты наружу или внутрь.

Выделяются два типа посуды. Сосуды первого типа тонкостенные, с хорошо заглаженной поверхностью, с небольшой примесью в глине песка и

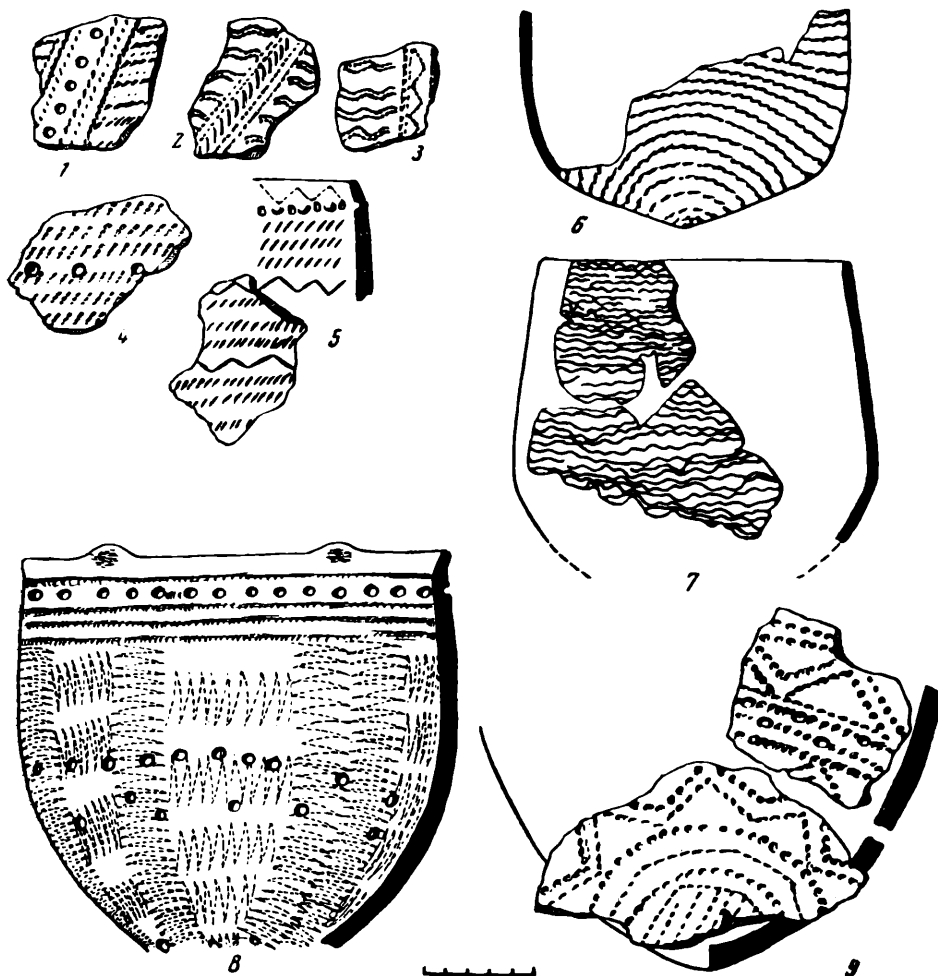

Рис. 18. Керамика поселения Кокуй I

шамота. Линейно-накольчатый орнамент густо покрывает всю поверхность сосудов и состоит из отпечатков, выполненных приемом «отступающей палочки» (рис. 18, 1—3, 7). Узоры состоят из горизонтальных волнистых линий, нередко переходящих в нечеткий зигзаг, или поясков горизонтальных прямых линий. Гребенчатый орнамент густо нанесен, состоит из поясков короткой, два — четыре зубца, наклонной гребенки, часто разделенных рядами ямок или зигзага (рис. 18, 4, 6).

Второй тип сосудов более грубый: сосуды толстостенные, с примесью крупного шамота. Накольчатый узор составлен из неглубоких ямок, образованных слабым нажимом штампа, не создающим сплошной линии (рис. 18, 9); нанесен торцом тупой, толстой палочки. Орнамент в виде насечек редок (рис. 18, 5). Наблюдается деление орнаментального поля на крупные ромбы, заполненные прямыми или волнистыми линиями. Иногда под венчиком и по тулову сосуда нанесен поясик ямок. Длинным гребенчатым штампом нанесены узоры в виде «шагающей гребенки». Они покрывают всю поверхность горизонтальными или вертикальными поясками, иногда перемежающимися друг с другом (рис. 18, 8). Нередки по тулову и под венчиком пояски ямок.

Первый тип посуды можно считать несколько более ранним, чем второй, однако большого хронологического разрыва между ними нет. Таким

образом линейно-накольчатая керамика не предшествует гребенчатой. Синхронность их подтверждается, кроме всего, сочетанием обоих способов орнаментации на одном и том же сосуде. Тонкостенная линейно-накольчатая керамика Кокуя I до некоторой степени близка уральской керамике с «отступающей лопаточкой», но в целом западносибирская керамика этого типа разнообразна и во многом оригинальна.

Другое поселение, Пахомовская пристань III (Ишимского района Тюменской обл.), расположено на пологом склоне второй террасы оз. Мергень, являющегося старицей р. Ишима. На первой же террасе, в непосредственном соседстве с ним, оказалось селище андроновского времени. Такая топография памятников свидетельствует о более высоком уровне воды в озере в неолитическое время и некотором усыхании его в последующую эпоху.

Площадь поселения — 600 кв. м. Раскопано оно лишь частично (около 40 кв. м), поскольку вся площадь его занята посевом.

Для каменного инвентаря Пахомовской пристани III характерно преобладание довольно крупных орудий из отщепов и их двусторонняя обработка. Большая часть орудий сделана из кварцита. Из четырех найденных наконечников стрел один, обработанный сплошь по обеим сторонам, имеет нечетко выраженную ромбическую форму и слабо выделенный черешок; найден также обломок средней части наконечника копья (рис. 17, 22, 27).

Весьма характерными для комплекса орудий этого поселения являются ножи, изготовленные грубой отеской и крупной ретушью из крупных отщепов кварцита. Среди них есть одно двулезвийное (рис. 17, 23, 24, 28). Найдены также ножи из пластин, не имеющих правильного ограничения и строго выработанной формы.

Больше всего найдено скребков (18 экз.). Одиннадцать из них сделаны из отщепов, шесть скребков концевых (рис. 17, 25, 26, 29—31).

Проколки и сверла изготовлены из небольших кремневых пластинок путем тщательного кругового заострения рабочей части (рис. 17, 33).

Орудия из сланца представлены одним небольшим долотцем (рис. 17, 32), если не считать обломков и осколков шлифованных орудий.

Керамика фрагментарна и так же, как в Кокуе I, чрезвычайно плохой сохранности. Целые сосуды не найдены, в большинстве это фрагменты от круглодонных сосудов и лишь один фрагмент плоского дна. Стенки сосудов прямые, шейка не выделена, венчик прямой или отогнут наружу. По составу теста керамика довольно однородна, но по орнаменту можно выделить несколько групп.

Приблизительно третья часть сосудов имеет сплошную гребенчатую орнаментацию, в которой преобладает короткий, в три-четыре зубца, штамп. Узор состоит из косо поставленных отпечатков штампа вертикальными рядами или зигзагом. В ряде случаев орнамент дополнялся нанесенными в один ряд большими круглыми ямками (рис. 19, 4, 5, 13). Применялся также длинный гребенчатый штамп, которым наносили орнамент в виде прямых горизонтальных линий (рис. 19, 7). В небольшом количестве найдены фрагменты с очень мелким, коротким гребенчатым штампом. Орнамент отличается большей разреженностью и ближе всего напоминает орнамент на некоторых сосудах из Кокуя I (рис. 19, 9, 14). Единичные черепки украшены «шагающей гребенкой».

Следующую группу составляют сосуды с ямочным орнаментом, который также покрывает поверхность сплошными рядами от венчика до дна. Форма ямок разнообразна: глубокие и мелкие, небольшие и крупные, квадратные, удлиненные и треугольные (рис. 19, 1, 2). Некоторые отпечатки свидетельствуют о применении сложного фигурного штампа. Имеются и узкие длинные вертикально поставленные вдавления, встреченные уже в сочетании с одним из типов линейно-накольчатой керамики на других ишимских поселениях (рис. 19, 3, 6).

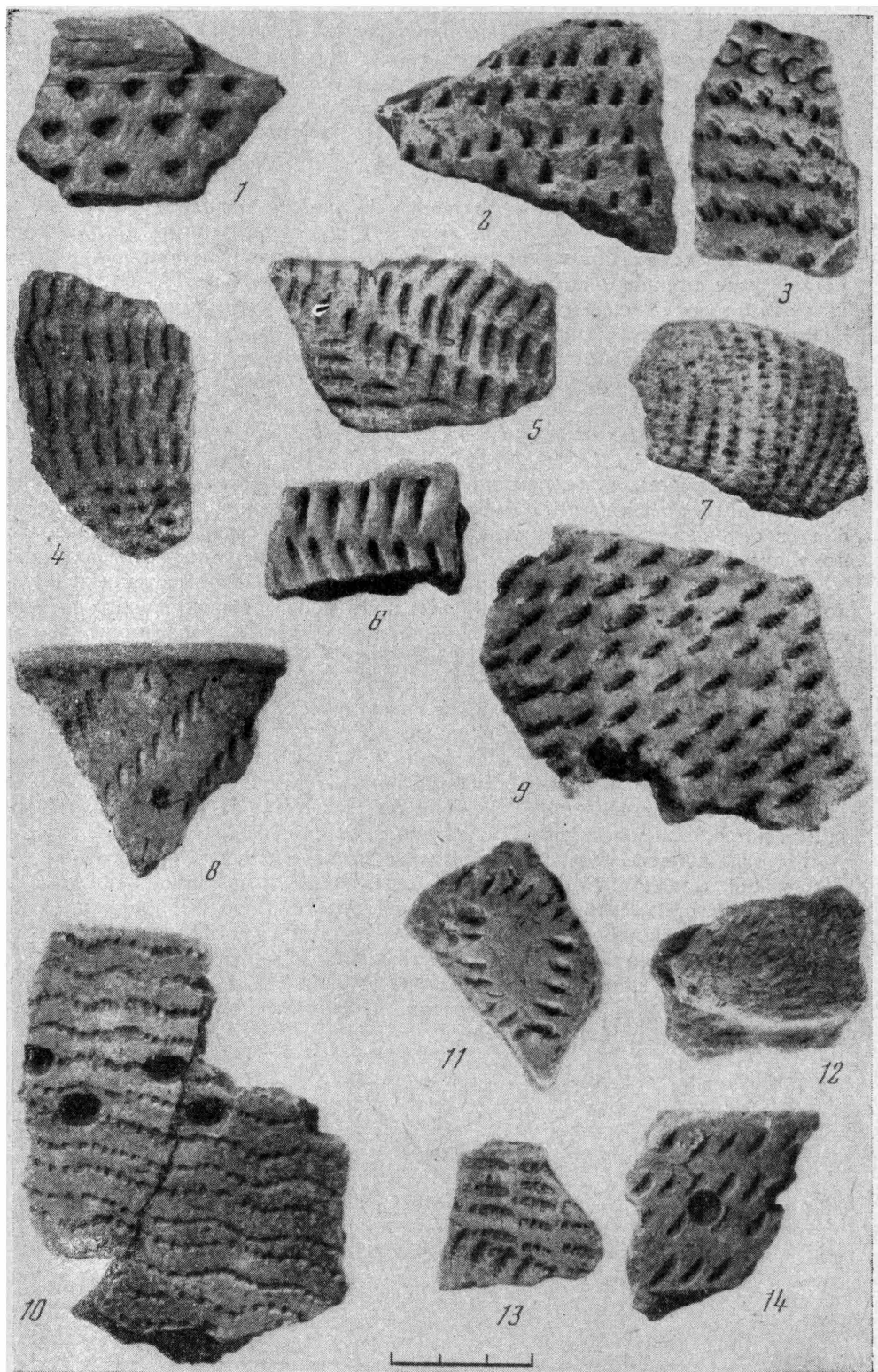

Рис. 19. Керамика поселения Пахомовская пристань III

Выделяется также небольшая группа сосудов с насечками, образующими либо наклонные ряды на широком пространстве незаполненного поля, либо тесно поставленные горизонтальные пояса. На днищах насечками образованы геометрические фигуры в виде четырехугольника или круга (рис. 19, 11). На венчике одного из сосудов насечки сопровождаются ямками, а с внутренней стороны — отпечатками веревочного штампа. Последние встречены в единичных случаях и всегда в комбинации с насечкой, гребенкой или ямками.

Небольшую группу составляют сосуды с линейно-накольчатой орнаментом из очень мелких, неглубоких ямок. Узоры, выполненные накольчатой техникой, представляют собой ряды волнистых горизонтальных линий, сочетающихся с одним рядом крупных ямок у венчика (рис. 19, 10). На днищах некоторых сосудов наколом образованы углы, зигзаги и треугольники. Помимо накольчатого, на единичных фрагментах встречен прочерченный орнамент в виде горизонтальных волнистых линий, образованных простым протягиванием палочки без отрыва и нажима.

Найдено также несколько черепков с отпечатками сетки. Существенно, что отпечатки сетки встречены и на посуде с ямочным орнаментом (рис. 19, 12).

Таким образом, для керамики описанных стоянок характерна сплошная орнаментация поверхности, отсутствие четко выраженной зональности, слабая (в основном только на днищах) геометризация узора. Последние два признака значительно отличают западносибирскую керамику от уральской.

Развитая кремневая индустрия и облик сосудов — прямостенных, круглодонных, сплошь орнаментированных; применение разнообразного гребчатого штампа и линейно-накольчатой техники — все эти характерные черты позволяют отнести Пахомовскую пристань III, так же как и Кокуй I, ко времени неолита. Вместе с тем некоторые данные позволяют усматривать известное хронологическое различие между рассматриваемыми памятниками, и если Кокуй I относится к развитому неолиту, то Пахомовская пристань III скорее должна быть отнесена к концу неолитического времени. Основанием такого членения является появление в Пахомовской пристани III сетки и группы сосудов с ямочным орнаментом — элементов, сохраняющихся и продолжающих развиваться в энеолитическое время.

На большинстве стоянок, открытых и исследованных Уральской археологической экспедицией, обнаружена керамика с линейно-накольчатым и гребчатым орнаментом, встречающимся вместе. В то же время на этих стоянках, относящихся приблизительно к одному хронологическому периоду, встречена различная техника раскалывания камня и способы приготовления орудий, т. е. индустрия пластины (Кокуй I) и индустрия отщепы (Пахомовская пристань III). Выяснение причин этих особенностей является задачей дальнейших исследований.

Л. П. ХЛОБЫСТИН, Я. А. ШЕР

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
БЛИЗ дер. БАЙКАЛОВО НА ЕНИСЕЕ

Из всех этапов древней истории Хакасско-Минусинской котловины наименее изученным остается пока эпоха неолита. Находки, относимые к этому времени (главным образом каменные орудия), хотя и известны на широкой территории, однако немногочисленны и плохо документированы. Разрушенное погребение неолитического облика, найденное в 1923 г. в с. Батени, до сих пор было единственным¹. Поэтому публикация второго открытого в Хакасско-Минусинской котловине неолитического погребения представляет интерес, так как позволяет получить новые данные о неолитической культуре, существовавшей на этой территории.

Погребение обнаружено в 1963 г. в урочище Черемушный Лог, находящемся в 4 км выше дер. Байкалово². Берег Енисея здесь высокий, обрывистый, сложен девонским песчаником. На отвесных скальных выходах его основания сохранились разновременные рисунки. В устье Черемушного Лога часть этих петроглифов украшает подножие мысообразного выступа его правого борта. На пологой вершине мыса, соответствующей 8-метровой террасе, была открыта древняя стоянка, каменный инвентарь которой (скребки, *pièce écaille*, нуклеусы) позволяет датировать ее поздним палеолитом. Впоследствии вершина мыса была использована для устройства могильника окуневского времени, захватившего всю площадь палеолитической стоянки. При исследовании этого памятника примерно в центре мыса, на его гребне, среди явно окуневских каменных ящиков была обнаружена могила (№ 7) совершенно иного облика. Она представляет собой грунтовую яму овальной в плане очертаний; почти вертикальные стенки ее прослеживались довольно четко. Над могильным пятном размером $2,3 \times 0,85$ м обнаружен развал камней, несколько смещенный в сторону и, по-видимому, не связанный с этой могилой. На дне могилы, находившемся гораздо ниже дна окуневских могил, на глубине 0,7 м от современной поверхности, был расчищен скелет мужчины 30 лет (рис. 20), череп которого имеет заметные палеомонголоидные черты³. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север (параллельно берегу Енисея). У головы были положены: сделанный из лопатки оленя нож, выпуклое лезвие которого имеет заполированную и линейные следы, свидетельствующие, что орудие служило для сня-

¹ М. П. Грязнов. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее.— МИА, № 39, 1953, стр. 332—335.

² Работы I Правобережного отряда Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР (нач. экспедиции М. П. Грязнов, нач. отряда Я. А. Шер; раскопками руководила А. Н. Богданова).

³ Определение произведено проф. Д. Г. Рохлиным.

тия шкур с животных⁴ (рис. 21, 1), костяная проколка (рис. 21, 2), шлифованный сланцевый топорик (рис. 21, 3) и точильный брусок из мелкозернистого песчаника (рис. 21, 4). Возле правой руки найдены клюв журавля, шлифованное желобчатое долото из сланца (рис. 21, 5) и обломки двух костяных иголок (рис. 21, 6, 7). На поясе лежал маленький шлифованный топорик из темно-зеленого нефрита; лезвие и края его оформлены вторичными подживляющими сколами (рис. 21, 8). На тазовых костях найдена бусинка, вырезанная из раковины, с отверстием биконической формы. Прекрасным образцом костерезного мастерства является остов вкладышевого ножа, найденный вместе с другими предметами около левого бедра покойного (рис. 21, 9). Он сделан из предплюсневой кости благородного оленя⁵, причем естественные выступы эпифиза удачно использованы как украшение рукояти. С одного края ее прорезан глубокий паз для вкладышей, но последние в могиле отсутствовали. Обе стороны ножа украшены горизонтальными и косыми нарезками, выполнявшими роль орнамента и вместе с тем способствовавшими удержанию орудия в руке. Кроме ножа, у бедра лежали два сланцевых шлифованных тесла, одно целое, другое же расколотое пополам и со сбитым лезвием (рис. 21, 10, 11), а также удлиненный камень с отбитыми концами. Бока его, имеющие естественную гладкую поверхность, несут слабые следы зашлифовки. Вероятно, это пест или молот (рис. 21, 12).

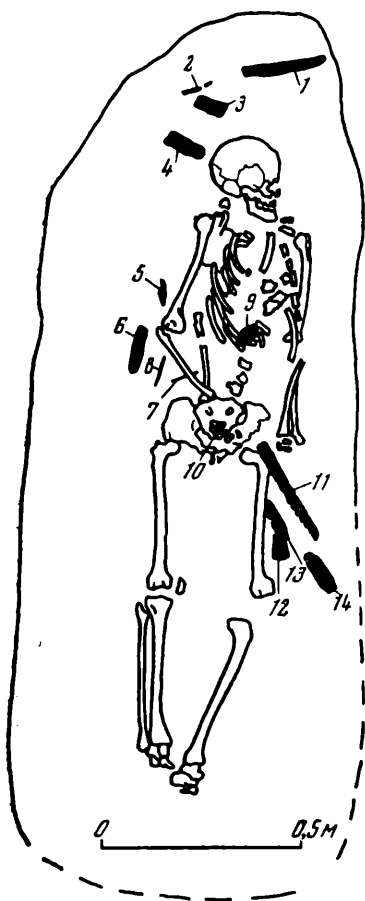

Рис. 20. Неолитическое погребение, план

Описанное захоронение выделяется богатством каменного и костяного инвентаря среди неолитических и энеолитических погребений района Красноярска и Ангаро-Прибайкалья.

Устройство могилы, положение костяка, сопровождающий инвентарь резко отличают описываемое погребение от погребений оку-

невского времени, среди которых оно найдено (костяки в них лежат в каменных ящиках, на спине с подогнутыми ногами).

Отсутствие сведений об обряде неолитического захоронения, найденного в с. Батени, а также фрагментарность и аморфность сопровождающего инвентаря не дают возможности сопоставить его с погребением из Черемушного Лога. Вместе с тем отдельные черты последнего, и в частности некоторые типы орудий, имеют аналогии в инвентаре других сибирских неолитических памятников. Так, например, каменные инструменты, подобные черемушноложским, встречаются среди подъемных материалов Хакасско-Минусинской котловины, образцом чего может служить топорик из с. Часгол (Минусинский музей, колл. № 774). Много общих черт между черемушноложским погребением и позднеолитическими захоронениями из окрестностей Красноярска (Афонтова гора, дачи Гороно, ручей Гремячий и др.)⁶.

⁴ Функциональные определения С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой.

⁵ Определения костей животных произведены Н. М. Ермоловой.

⁶ А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой горе.— КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 7—13; Э. К. Глусская. Женщина негроидного ти-

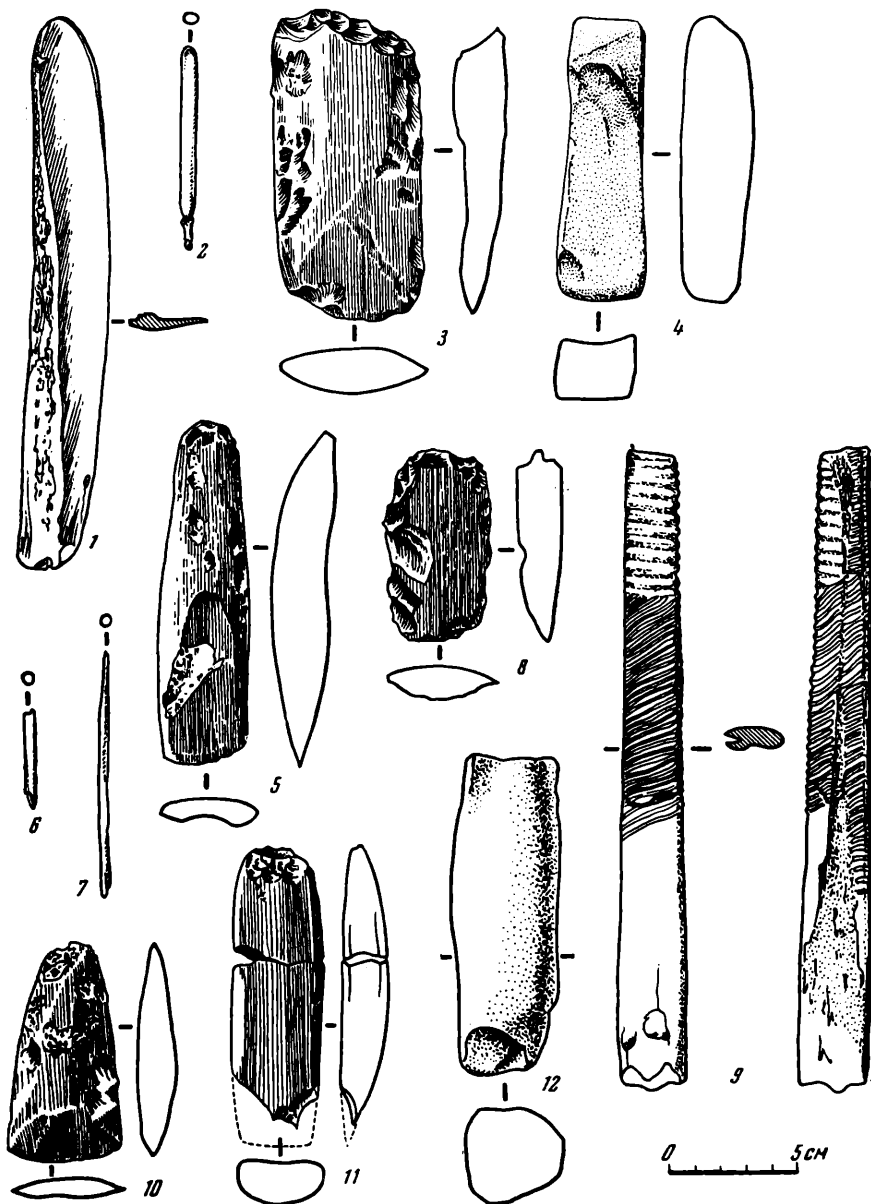

Рис. 21. Инвентарь неолитического погребения

1 — нож; 2 — проколка; 3 — сланцевый топорик; 4 — точильный брусок; 5 — желобчатое долото; 6, 7 — обломки иголок; 8 — нефритовый топорик; 9 — остов вкладышевого ножа; 10, 11 — сланцевые теса; 12 — пест

Это сходство проявляется в устройстве могил, их ориентировке, в наличии перламутровых бус, абразивных инструментов и в типах каменных тесел и топоров. Орнаментальная резьба игольника из погребения у ручья Гремячего напоминает резьбу вкладышевого ножа из Черемушного Лога.

Перечисленные погребения из окрестностей Красноярска неоднократно сопоставлялись с погребениями из Прибайкалья и датировались китойским и глазковским временем. А. П. Окладников убедительно доказал сходство и синхронность развития неолитических культур Среднего Енисея и Прибайкалья⁷. Поэтому естественно, что черемушоложское погребение находит много общих черт с неолитическими культурами Ангары и Байкала. В Прибайкалье, например, бусы из раковин встречаются в серовской, китойской и глазковской культурах. Вкладышевые ножи, близкие к упомянутому, бытуют в исаковских и серовских памятниках, однако наш нож отличается от них более развитой формой. Топорики и тесла находят аналогии как среди исаковских, так и среди глазковских изделий. Следует указать, что прямоугольные в сечении тесла и топоры, которые А. П. Окладников выделяет как типичные для серовской культуры, в Хакасско-Минусинской котловине пока не найдены. По обряду захоронение из Черемушного Лога сопоставляется с серовскими и с глазковскими.

В целом, учитывая все признаки, следует, во-первых, отметить сходство нового погребения с неолитическими погребениями лесных районов севера и северо-востока, во-вторых, синхронизировать его с предглазковскими памятниками и датировать концом III или даже началом II тысячелетия до н. э. Погребение из Черемушного Лога следует считать принадлежащим к пласту хронологически и культурно близких неолитических племен Оби, Среднего Енисея и Ангаро-Прибайкалья, на основе которого примерно в одно время возникли и стали параллельно развиваться культуры типа самусьской, окуневской и глазковской. Неолитическое палеомонголоидное население, видимо, сосуществовало какое-то время в Хакасско-Минусинской котловине с пришлым европеоидным афанасьевским и генетически связано с окуневским.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В СЕКТОРЕ ПАЛЕОЛИТА 2 февраля 1965 г.

Статья Л. П. Хлобыстина и Я. А. Шера вызвала оживленное обсуждение. М. П. Грязнов отметил сложность решения проблемы возраста погребения в связи с наличием некоторых общих черт в его инвентаре и инвентаре могильников окуневской культуры. В то же время отличительные черты этого погребения, и в первую очередь его обряд, позволяют высказать предположение о его неолитическом возрасте.

В выступлениях А. Н. Гуриной и Л. Я. Крижевской отмечалась необходимость уточнения вопроса хронологии погребения.

та в неолите под Красноярском.— Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, стр. 29—37; она же. Новое в искусстве неолита на Енисее. Там же, стр. 39—48.

⁷ А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея.— СА, 1957, № 1.

Д. А. КРАЙНОВ

ОЛОЧИНСКИЙ И ТАСКАИХСКИЙ МОГИЛЬНИКИ
ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории Калининской обл. известно около 30 могильников и свыше 100 мест находок отдельных фатьяновских вещей¹. До 1940 г. были частично раскопаны только три могильника: Лихачевский, Ошурковский и Тургиновский, материал из которых в большей своей части погиб во время войны².

В 1960—1962 гг. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР были раскопаны два новых фатьяновских могильника у дер. Олочино и дер. Таскаиха Кесовогорского района³.

Олочинский могильник, расположенный на высоком холме моренного происхождения, был открыт в 1959 г. при разработке карьера. В 1959—1962 гг. карьерными разработками было разрушено не менее 14 погребений и 7 погребений было выявлено раскопками 1960—1962 гг.⁴ Погребения располагались в самой высокой части холма, могильные ямы были вытянуты с юго-запада на северо-восток, что характерно для ряда фатьяновских могильников (Вауловского, Тимофеевского, Волосово-Даниловского, Балановского и др.) (рис. 22).

Глубина могильных ям — 30—80 см. Наименьшая глубина наблюдалась в детских погребениях. Верх детских могил располагался прямо под дерном на глубине 7 см, а у остальных — на глубине 20—25 см. Возможно, над погребениями были насыпи, разрушенные при пахоте. Форма могильных ям такая же, как и в других фатьяновских могильниках⁵. Могильные пятна в плане имели овальную или прямоугольную форму, с округленными углами. Их размеры различны (рис. 22). Чем глубже могила, тем ее размеры больше. Ко дну все могилы уменьшались в размерах и принимали прямо-

¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа.—САИ В-1-20. М., 1964, стр. 46—47; О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмосквья.—МИА, № 13, 1950.

² Н. Е. Макаренко. Поездка в 1903 г., по верхнему течению р. Волги.—ИАК, вып. 6, 1904, стр. 79; Н. Е. Макаренко. Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях.—Труды II областного археологического съезда 1903 г. Тверь, 1906, стр. 63—72; О. Н. Бадер. Лихачевский могильник.—СА, 1937, № 2; он же. Ошурковский могильник.—Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 71—73. Коллекция Калининского областного музея (экспозиция).

³ И. И. Артеменко. Фатьяновский могильник на Олочинской горе.—КСИА, вып. 93, 1963; Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 46—47; он же. Отчеты Верхневолжской археологической экспедиции за 1961—1962 гг.—Архив ИА АН СССР, № 2335, 2522.

⁴ И. И. Артеменко. Указ. соч.; Д. А. Крайнов. Отчеты...

⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, стр. 12—14.

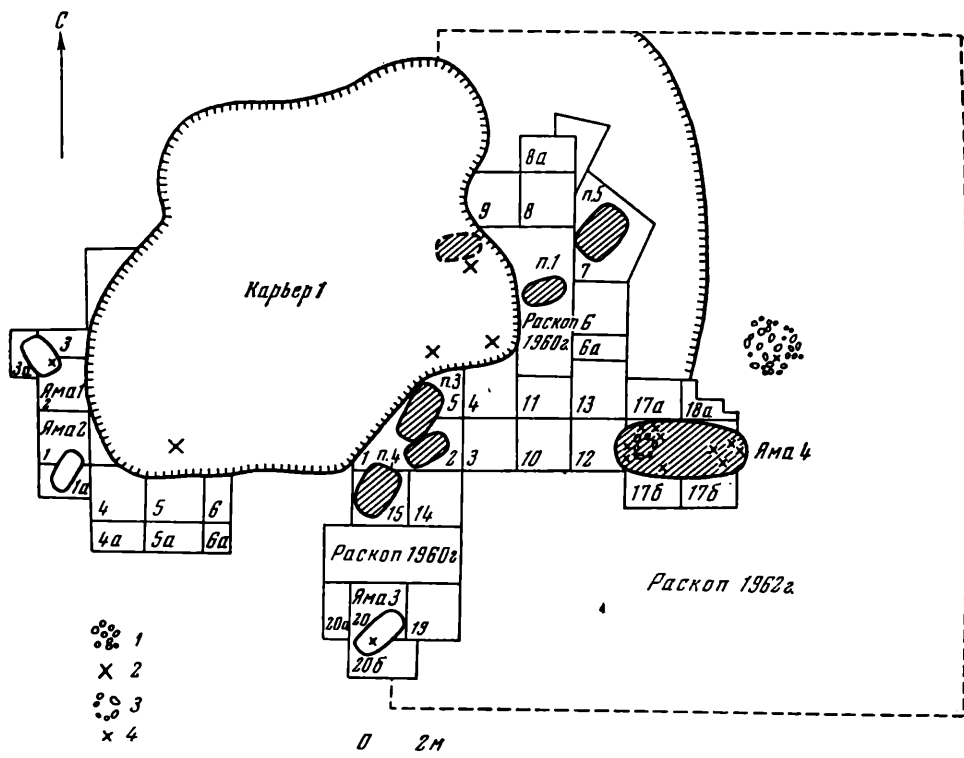

Рис. 22. План раскопок Олочинского могильника
 1 — каменная выкладка; 2 — случайные находки; 3 — очаг; 4 — находки кремней

угольную форму. Четыре ямы ориентированы с юго-запада на северо-восток и две — с запада на восток (табл. 1)⁶. Ориентировка могильных ям с запада на восток характерна для могильников Московской группы (Михеевский, Детчинский, Ивановогорский, Истринский и др.) и для памятников Днепро-Деснинской группы (Белынец, Брасово и др.). Калининские памят-

Обряд погребения Олочинского и

№ погребений	Глубина начала ямы, см	Размеры ям, см		Глубина ям, см	Ориентировка ям	Размеры «срубов», см		Высота срубов, см	Ориентировка погребений
		длина	ширина			длина	ширина		
1	—	—	—	40	З—В	—	—	—	В
2	7	150	90	55	ЮЗ—СВ	145	90	30	СВ ^{60°}
3	7	200	100	30	ЮЗ—СВ	200	100	20	ЮЗ ^{210°}
4	25	170	124	60	ЮЗ—СВ	130	80	30	СВ ^{90°}
5	25	210	170	80	ЮЗ—СВ	170	62	20	СВ ^{45°}
6	—	—	—	—	З—В	—	—	—	—
7	20	200	105	65	ЮЗ—СВ ^{45°}	—	—	—	—
1	—	—	—	60	—	—	—	—	—
2	25	300	200	100	ЮЗ—СВ	225	125	20	—

⁶ При расспросах очевидцев удалось выяснить, что две разрушенные могилы около погребения 1 были ориентированы с запада на восток (погребение 6 — рис. 1 и др.).

ники (Ошурковский, Лихачевский и Олочинский) имеют такую же ориентировку, что свидетельствует об их общности.

Погребальные сооружения не во всех погребениях Олочинского могильника достаточно хорошо прослеживались. В погребениях 4 и 5 они имели прямоугольную форму. Вероятно, их устройство ничем не отличалось от сооружений, прослеженных нами в Вауловском, Тимофеевском, Халдеевском, Милославском и других могильниках⁷. В Олочинском могильнике в погребении 2 над сосудом № 1 и над черепом были выявлены участки темного тлена, что свидетельствует или о перекрытии сооружения, или «обертке» покойников, тем более, что сосуд № 1 был пустым и земля туда не попала. Под сосудами, черепом и в ряде других мест замечен такой же «пластинчатый» темный тлен, очевидно, от дна сооружения. Близкая картина прослеживалась и в погребении 4. Остатки тлена свидетельствуют о том, что сооружения делались из дерева («досок») или луба.

Из пяти раскопанных погребений три принадлежат детям и два — взрослым. Кости скелетов лучше всего сохранились в погребениях 4 и 5 (взрослых). Все погребенные были положены скорченно на левом боку, за исключением погребенного мальчика в могиле № 3, лежавшего скорченно на правом боку головой на юго-запад. Три погребения ориентированы головой на северо-восток и одно — на восток (табл. 1). Подобная ориентировка наблюдается в Вауловском⁸, Волосово-Даниловском⁹ могильниках, но положение костяков в мужских погребениях на левом боку и головой на северо-восток (№ 4 и 5) отличает Олочинский могильник от памятников Ярославско-Ивановских и Балановского могильника, где мужские костяки большей частью лежат на правом боку и головой на юго-запад, а женские — на левом боку и головой на северо-восток.

Погребения 1—3 — детские (от 4 до 7 лет), 4 и 5 — мужские. По заключению антрополога Р. Я. Денисовой, оба мужских черепа долихокранны. По основным признакам мозгового отдела они напоминают мужские черепа Тимофеевского могильника Ивановской обл., но «лицевой отдел их характеризуется небольшим скуловым диаметром, что не является характерным для тимофеевцев». Р. Я. Денисова считает, что сходство олочинских и тимофеевских черепов объясняется общностью происхождения, а различия могут быть объяснены так называемой эпохальной изменчивостью, обусловленной временными факторами.

Таблица 1

Таскаихского могильников

Ориентировка лица	Положение погребенного	Пол погребенного	Возраст погребенных	Сверленные топоры	Кр. клинья	Ножи	Скрепки	Отщепы	Сосуды	Каменные предметы
ЮВ	Ск.л.б.	Ж	4—6	—	—	—	—	—	1	2
	Ск.л.б.	Ж	6—7	—	—	—	—	1	2	
Ю	Ск.л.б.	М	7—8	—	—	1	3	2	2	
ЮВ ^{135°}	Ск.л.б.	М	45—50	1	—	1	—	—	1	
ЮВ ^{120°}	Ск.л.б.	М	20—25	1	1	1	4	—	1	
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	
—	—	М	—	1	1	1	—	—	2	1

⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, стр. 16—19.

⁸ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.— Труды ГИМ, вып. XII, 1941.

⁹ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры.— СА, 1964, № 4.

Расположение погребального инвентаря в Олочинском могильнике характерно для фатьяновского обряда. Все сосуды, за исключением одного в погребении 2, стоявшего в головах, располагались в ногах погребенных, что присуще Ярославско-Калининской группе фатьяновских памятников¹⁰. Каменный сверленный топор в погребении 4 лежал у локтя правой руки, острием к локтю, а в погребении 5 — перед черепом, перпендикулярно к нему (обушком ко лбу). Кремневые ножи и отщепы, заменявшие ножи, лежали на обычных местах (погребения 2, 3, 5) у пояса и только в погребении 4 — за черепом. Остальные вещи (кремневые орудия, клин, курант, костяные поделки и кости животных) находились или около сосудов, или у ног погребенных. Особо следует отметить находку просверленного зуба кабана в области руки в погребении 3. Амулеты из клыков кабана встречены на кистях рук в Вауловском¹¹, Тимофеевском¹² и других могильниках. В Олочинском могильнике, как и в других, встречены угли (погребения 2 и 4). В погребении 3 под сосудом найден кремневый осколок, положенный в могилу, как символ огня, что также часто наблюдается и в других фатьяновских могильниках. Пятно красной охры, замеченное у скелета погребения 1¹³, сближает Олочинский могильник с погребениями среднеднепровской культуры, где охра встречается чаще, чем в могильниках фатьяновской культуры.

Погребальный инвентарь Олочинского могильника состоит из каменных сверленных топоров-молотков, кремневых орудий и отщепов, поделок из кости и глиняных круглодонных сосудов. Из четырех топоров (рис. 23) три обушковых, близких к молотковидным (рис. 23, 2, 3, 4), и один обушковый, с короткой небольшой лопастью (рис. 23, 1). Он имеет аналогии главным образом на территории распространения московских фатьяновских памятников и среднеднепровских, остальные формы топоров обычны для фатьяновских могильников.

Кремневые орудия, обнаруженные в погребениях 2—5, сделаны небрежно и не имеют четких форм. Наибольший интерес представляют кремневые орудия из погребения 5. Это: 1) клин или небольшое топовидное орудие со слабой зашлифовкой и линзовидным сечением (рис. 23, 7); 2) нож на пластинчатом отщепе с ретушью по краям; 3) скребок двусторонний, низкий на отщепе; 4) три скребоквидных орудия на небольших отщепах. Нож из погребения 4 сделан на пластине из светло-серого кремня. В погребениях 2 и 3 вместо ножей положены небольшие отщепы, в погребении 3 найдено еще два кремневых осколка светло-серого цвета. Обращает на себя внимание разноцветность кремня в одном и том же погребении.

Каменный «курант» (рис. 23, 8) из овальной гальки и каменная округлая галька из погребения 3 находят аналогии пока только в Сушевском и Фатьяновском могильниках.

Из костяных поделок найдены: 1) три проколки в погребениях 3—5; 2) крупное орудие с заостренным концом из погребения 5; 3) привеска из клыка кабана и 4) зуб животного.

Керамика Олочинского могильника немногочисленна. Она состоит из семи целых сосудов и обломка венчика восьмого сосуда (рис. 24). В глине небольшая примесь песка, иногда шамота и раковин. Толщина стенок от 0,4 до 0,6 см. Техника лепки одинакова. Почти все сосуды носят следы заглаживания и лощения, но в разной степени. На сосуде из погребения 5 — следы затертости травой. Обжиг различен, но лучше на сосудах, сопровождающих взрослые погребения, и хуже на сосудах из детских погребений. Возможно, некоторые сосуды изготавливались специально для погребений, особенно детских. Цвет сосудов разный, но преобладают желтовато-серый и красноватые тона. На днищах четырех сосудов имеются ямки, на других — вместо ямок выступ, кольцеобразное углубление и небольшое уплощение.

¹⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, стр. 28, табл. 7.

¹¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 114.

¹² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, стр. 60.

¹³ И. И. Артеменко. Указ. соч., стр. 56.

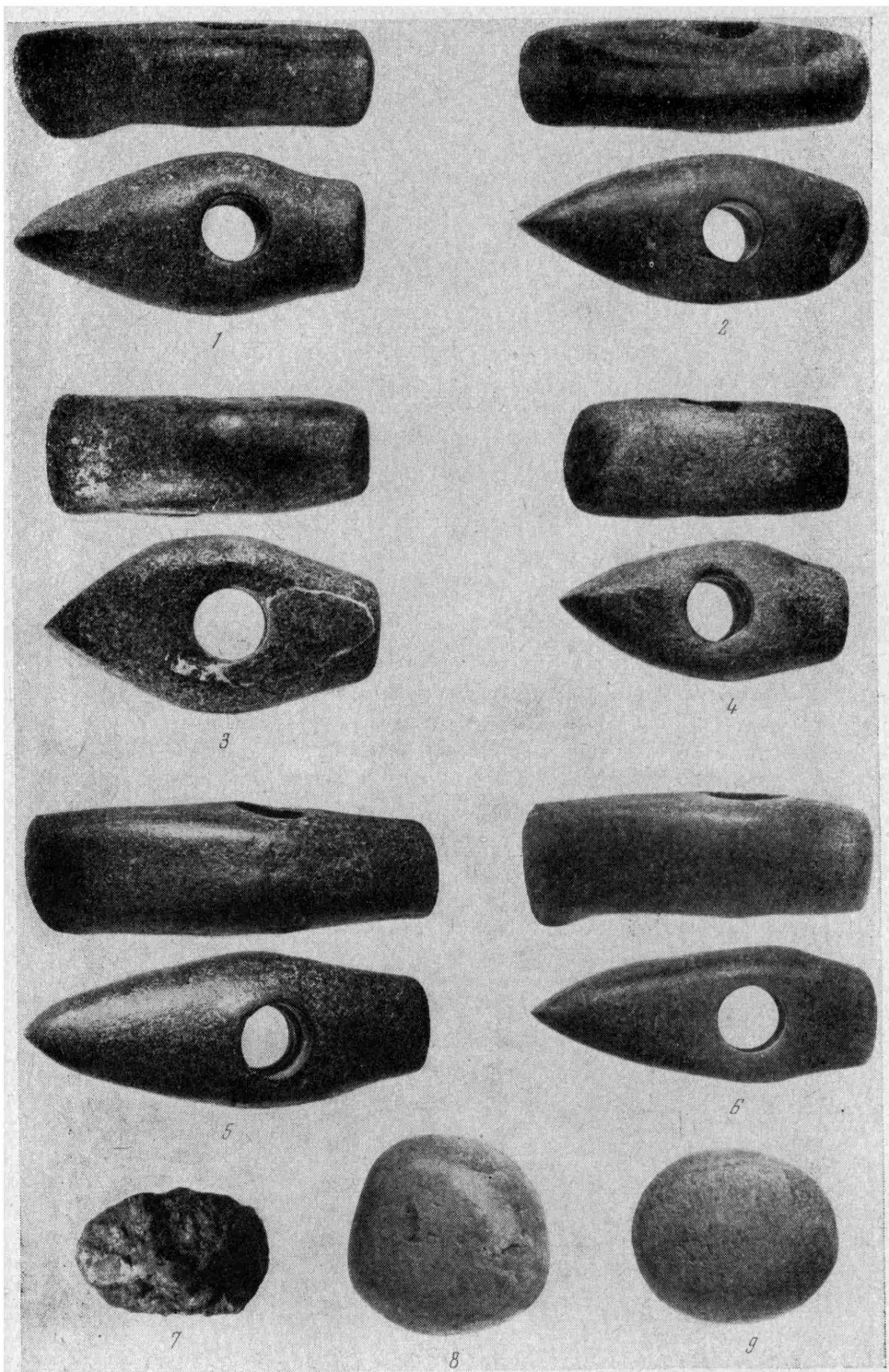

Рис. 23. Каменные сверленные топоры-молотки и другие предметы из Олочинского и Таскаихского могильников

Олочинский могильник: 1, 2 — из разрушенных погребений; 3 — погребение 4; 4, 7 — погребение 5; 8, 9 — погребение 3

Таскаихский могильник: 5 — из разрушенного погребения; 6 — погребение 2

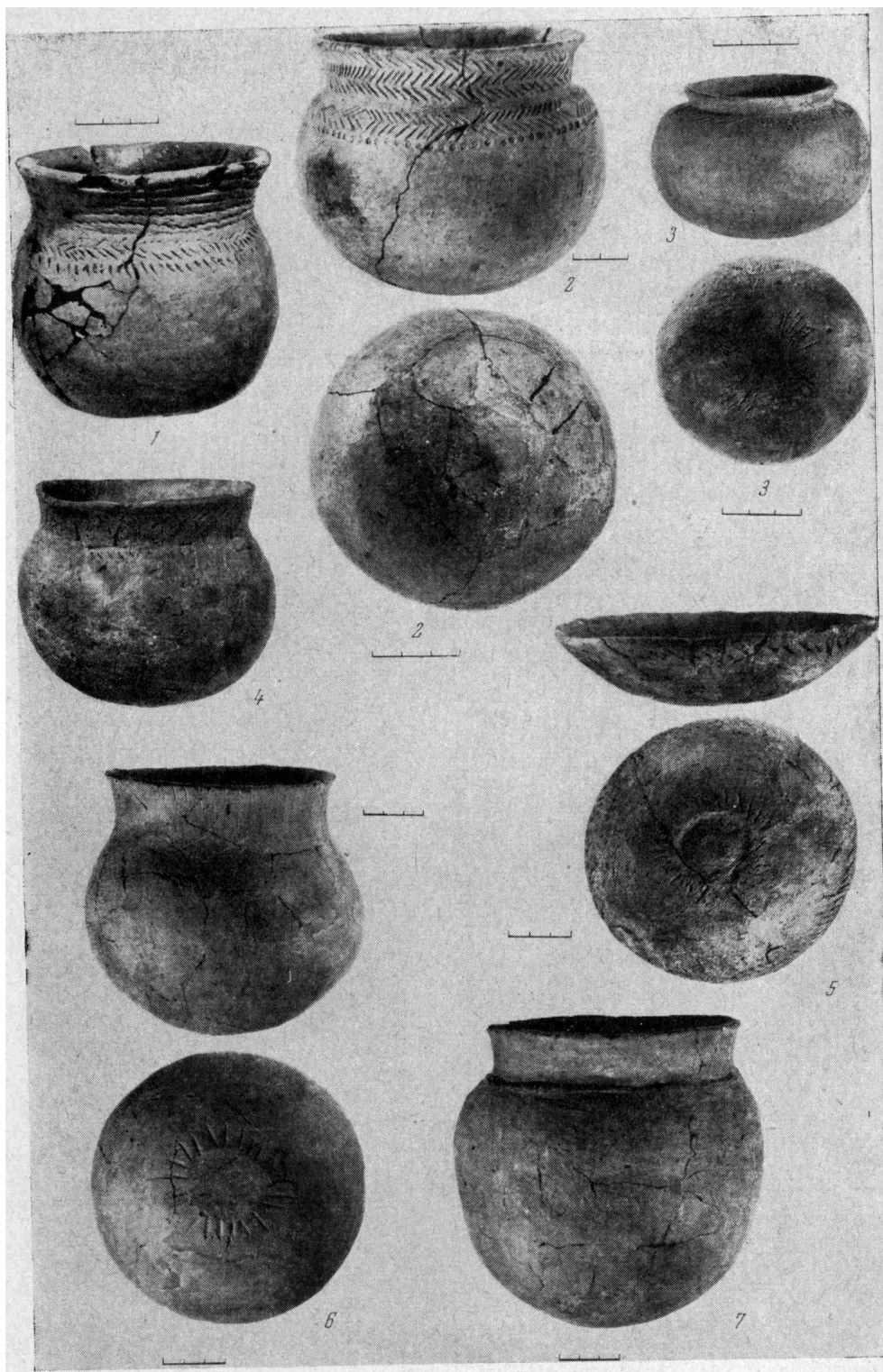

Рис. 24. Сосуды из Олочинского могильника

1 — сосуд из погребения 1; 2, 3 — сосуды из погребения 2; 4, 5 — сосуды из погребения 3;
6 — сосуд из погребения 4; 7 — сосуд из погребения 5

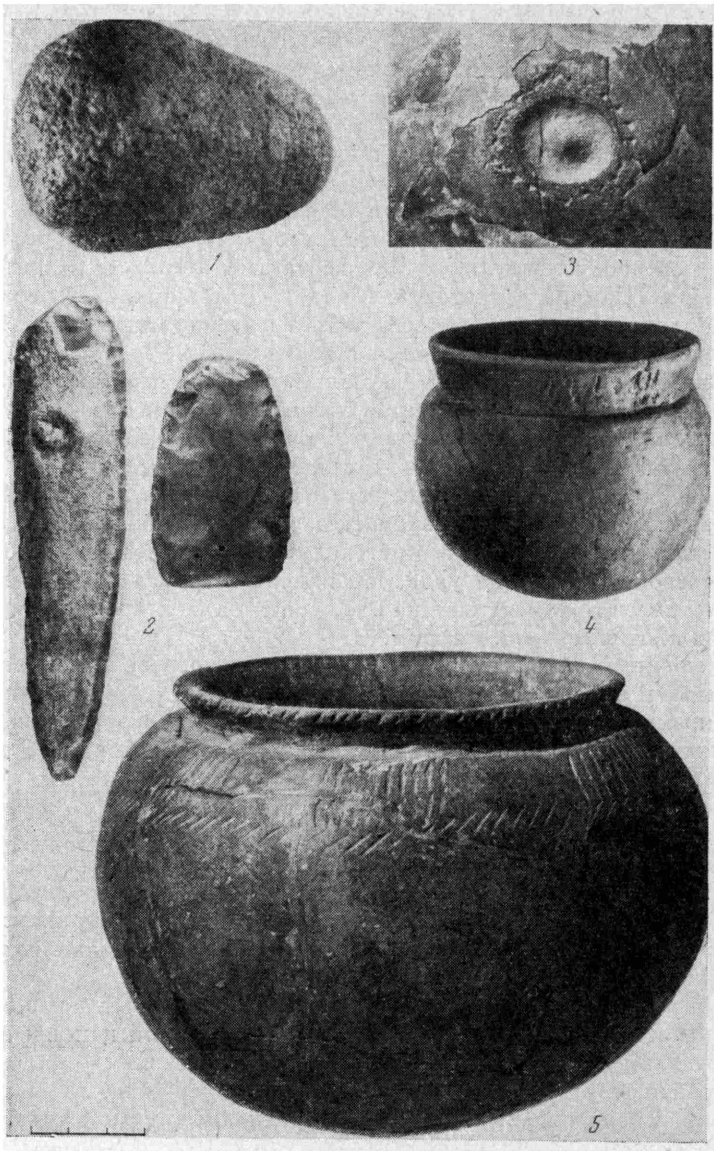

Рис. 25. Таскаихский могильник. Предметы из погребения 2
 1 — каменный терочник; 2 — кремневый нож, кремневый топорик; 3—5 — сосуды

Форма и размеры сосудов разнообразны. По форме сосуды делятся на следующие типы: высокошейные удлинённые (погребения 1 и 5), высокошейные кринковидные (погребение 4), высокошейные митровидные (погребение 3), высокошейные шаровидные (погребение 2), низкошейные шаровидные (погребение 2) и чашевидные (погребение 3).

Все сосуды, за исключением одного (погребение 5), орнаментированы нарезным и штампованным узором по шейке, плечикам, а у некоторых сосудов и вокруг ямок на дне. Орнамент двухзональный, узоры различны.

Сосуд из погребения 1 (рис. 24, 1) орнаментирован по шейке пятью-шестью рядами оттисков перевитой веревочки и нарезками по плечикам в виде неправильного елочного узора. По форме этот сосуд сходен с сосудами

из Бельнца¹⁴ и Кузьминского могильника¹⁵, а по орнаментике — с сосудами из Протасовского, Икшанского и Кузьминского могильников¹⁶, Белых берегов¹⁷ и др., т. е. по форме и орнаментике он близок сосудам и среднеднепровским, и московским.

Сосуды из детского погребения 2 различны и по форме, и по орнаменту. Один из них (рис. 24, 2) с хорошо профилированным венчиком, орнаментирован по шейке и плечикам елочным узором и полосой круглых мелкоямчатых вдавлений, нанесенных полой трубочкой. Вокруг ямки на дне один пояс из мелкоямчатых вдавлений. Елочный узор очень широко распространен на сосудах среднеднепровской культуры на всех этапах ее развития (Бельнец, Брасово, Шандра, Стретовка, Медвин, Ясковицы, Негеребки, Дедное и др.)¹⁸. Елочный узор характерен и для фатьяновских сосудов Московской группы¹⁹, реже он встречается в могильниках Ярославской группы²⁰. Особый интерес представляет мелкоямчатый узор, окаймляющий елочную композицию. Подобные окаймления основного орнамента очень часты на сосудах среднеднепровской культуры²¹. В могильниках Московской и Ярославской групп также встречается мелкоямчатый орнамент²².

Низкошейный шаровидный сосудик из погребения 2 (рис. 24, 3) орнаментирован по плечикам мелкозубчатым штампом в виде групп наклонных полос, поставленных под углом друг к другу. На дне вокруг ямки нанесен четырехлучевой «солярный» узор. На плечиках сосуда два круглых отверстия. По форме и орнаментике дна этот сосуд близок ярославским, а по орнаменту на плечиках — московским.

Высокошейный митровидный сосуд № 1 из погребения 3 орнаментирован по шейке и плечикам зубчатым штампом в виде ряда наклонных полос, поставленных под углом друг к другу, и двух рядов вертикальных насечек, разделенных по основанию шейки бороздкой (рис. 24, 4). На дне сосуда вместо ямки — выступ. Сосуд по форме и орнаментике имеет аналогии в могильниках Московской группы. Чашевидный сосуд из того же погребения орнаментирован мелкозубчатым штампом в виде косых насечек по внешнему краю и вокруг кольцеобразного углубления на дне (рис. 24, 5). Подобные чашки редки в могильниках Московской группы и в среднеднепровских памятниках. Чашки без орнамента известны только в Истринском могильнике и на стоянке Куракин Бор под Брянском²³. В могильниках Ярославской группы они найдены в большем количестве²⁴.

Особый интерес по форме представляет высокошейный кринкообразный сосуд из погребения 4 (рис. 24, 6). Орнамент нарезкой нанесен по шейке в виде вертикальных длинных тонких полос, а по плечикам — перекрещивающиеся нарезки, образующие сетку. Вокруг уплощения на дне также короткие насечки. Сосуд аналогичен сосудам среднеднепровской культуры.

¹⁴ Бельнец, курган 2. Колл. ГИМ.

¹⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры Московской группы. САИ, VI-19. М., 1963, табл. II.

¹⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры Московской группы. САИ, VI-19. М., 1963, табл. II, V.

¹⁷ Колл. Брянского областного музея.

¹⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 10, 11, 13; И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры.— КСИА, вып. 93, 1963, стр. 13; стр. 44, рис. 15; он же. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР.— Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 62, рис. 21.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры Московской группы, табл. III—V; он же. Памятники фатьяновской культуры, табл. VIII.

²⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, табл. VI, VII, IX, X.

²¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 10—14.

²² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, табл. VII; он же. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1963—1964 гг.— Архив ИА АН СССР (Никульцинский, Тимофеевский, Волосово-Даниловский и другие могильники).

²³ До войны была в коллекциях Брянского музея. Зарисована экспедицией В. А. Городцова.

²⁴ САИ, VI-19 и САИ, VI-20.

Высокошейный удлиненный сосуд из погребения 5 без орнамента (рис. 24, 7), с кольцеобразным углублением на дне, с заглаженной поверхностью. Сосуды такого типа часто встречаются и в памятниках среднеднепровской культуры²⁵.

Обломок венчика высокошейного сосуда из разрушенного погребения орнаментирован по шейке мелкозубчатым штампом, косыми насечками и ограниченными с трех сторон ромбами. Шейку от плечиков отделяет бороздка. Такой орнамент встречается на сосудах Истринского и Протасовского могильников²⁶.

На площадке Олочинского могильника были найдены также остатки жилища, каменной кладки, ямы, одна из которых, возможно, относится к фатьяновскому времени²⁷.

Одновременно с Олочинским был исследован и могильник у дер. Таскаиха, расположенный на скате левого берега р. Кашинки. В 1958 г. карьерными разработками было разрушено погребение 1. С остатками скелета был найден обушковый каменный сверленный топор (рис. 24, 5). В 1962 г. на глубине 1 м обнаружено погребение 2. Скелет не сохранился. В северо-восточной половине могилы лежали каменный сверленный топор, каменный терочник, кремневый нож и маленький сосуд. В юго-западной части могилы стоял большой сосуд вверх горлом и рядом лежал кремневый клиновидный топор (рис. 25). Характер погребального инвентаря отличается от погребального инвентаря Олочинского могильника.

1. Обушковый коротколопастный топор (рис. 23, 6) близок южным московским топорам и западным.

2. Каменный предмет (терочник) из песчаника с углублениями на лобной и тыльной сторонах имеет аналогии в памятниках среднеднепровской культуры²⁸.

3. Длинный кремневый нож с ретушью по краям близок ножам из Московских могильников.

4. Кремневый, трапезиевидный, небольшой с линзовидным сечением клиновидный топор из красноватого кремня со вторичной заполировкой лезвия характерен для поздних могильников Ярославско-Калининской группы.

Сосуды отличаются шаровидным туловом, небольшими шейками, ямками на дне с выпуклостью в центре, залощенной поверхностью и небольшими примесями песка (рис. 24).

5. Небольшой круглодонный сосудик. Орнаментирован по шейке вдавлениями мелкозубчатого штампа, образующими вертикальные ромбы.

6. Большой шаровидный сосуд с невысокой шейкой имеет нарезной двухзональный орнамент, нанесенный по венчику, шейке и плечикам. По внутренней части венчика идут неглубокие вертикальные насечки, а по наружной его части — косые насечки. По верху шейки — косые насечки в обратную сторону. По верху плечиков — косые насечки, ниже идут 8 фестонов из 9—12 двойных вертикальных насечек и ниже опять косые насечки. Вокруг ямки на дне нанесен круг из треугольных вдавлений штампа. Этот сосуд и по узорам, и по орнаментике напоминает сосуды Вауловского (погребения 5а и 5б), Буньковского, Тимофеевского (погребение, 14), Волосово-Даниловского, Балановского и других могильников²⁹.

²⁵ В. В. Кропоткин. Новые исследования белынецких курганов.—КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 107, рис. 33, 5; И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР, стр. 62.

²⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, табл. III и V.

²⁷ Д. А. Крайнов. Отчет о разведочных работах в Ярославской обл. в 1954 г.—Архив ИА АН СССР, № 1020.

²⁸ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 106, рис. 32, 7, 8.

²⁹ САИ, VI-19, САИ, VI-20; Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции 1963—1964 гг.; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963.

Вероятно, Таскаихский могильник, как и Олочинский, надо отнести также к Московской группе памятников, с которой его сближают форма коротколопастного топора, кремневый нож. В памятниках среднеднепровской культуры встречается аналогичный елочный орнамент и форма терочника. Форма сосудов, их орнаментика, наличие кремневого клина связывают могильник и с Ярославской группой. Таскаихский могильник, по-видимому, моложе Олочинского и других фатьяновских могильников Калининской обл.

На основании раскопок Олочинского, Таскаихского, Ошурковского и Лихачевского могильников, а также отдельных сведений о разрушенных могильниках и случайных находках фатьяновских вещей можно сделать следующие выводы:

1. Фатьяновские могильники, расположенные на территории Калининской обл., по обряду погребения и погребальному инвентарю близки друг другу, но они не одновременны. Лихачевский и Ошурковский, имеющие ориентировку могил с запада на восток, относятся к более раннему времени, чем Олочинский и Таскаихский могильники. Все они относятся к Московской группе фатьяновских памятников по расположению могильников на береговых скатах рек и на холмах моренного происхождения, по форме сосудов (эсвидности профиля), составу теста и особенно по орнаментике (елочный узор, ромбические сетки, веревочный орнамент). Близки также формы топоров: длиннообушковые и ромбические усеченные топоры-молотки³⁰.

2. Со среднеднепровской культурой их сближают формы и орнаментика некоторых сосудов (веревочный, мелкоямчатый, елочный, наклонные полосы под углом друг к другу); наличие длиннообушковых, коротколопастных каменных сверленных топоров, ориентировка могильных ям с запада на восток (Белынец, Брасово, Стрелица и т. д.); находки в памятниках среднеднепровской культуры и московско-калининских одинаковых форм кремневых наконечников стрел и дротиков³¹, кремневых широколезвийных и прямоугольных клиновидных топоров³² и т. д.

Все это заставляет предполагать тесную связь среднеднепровской и фатьяновской культур. Об этом упоминалось не раз в археологической литературе³³. Еще А. А. Спицын считал возможным продвижение фатьяновских племен из Верхнего Поднепровья через р. Вазузу на верхнюю Волгу, что теперь подтверждается сходством смоленских и калининских памятников эпохи бронзы. На сходство днепро-деснинских и фатьяновских памятников указывали также А. И. Лявданский и К. М. Поликарпович, называя их западнофатьяновскими. Возможно, многие памятники Орловской, Калужской, Брянской и Смоленской областей при дальнейшем обследовании будут объединены с московскими и калининскими в одну группу, близкую, с одной стороны, фатьяновской культуре, а с другой — среднеднепровской.

Вместе с этим нельзя отрицать и связей калининских памятников с ярославскими и ивановскими. Эта связь выражается в сходности обряда погребения (ориентировка погребений, погребальные сооружения, расположение погребального инвентаря, устройство могил и т. д.), близости форм каменных, кремневых и костяных орудий (обушковые и длиннолопастные топоры, костяные ложила и др.), сходство украшений (бусы из раковин, зубов животных и птичьих трубчатых костей, медные височные привески и пр.) и, наконец, форма и орнаментика сосудов из Олочинского (погребение 2 — сосуд № 1 и погребение 3 — сосуд № 2) и Таскаихского (погребение 2 — сосуды № 1 и 2) могильников имеют аналогии в Вауловском, Фатьяновском,

³⁰ САИ, VI-20. Указатель.

³¹ Наконечники дротиков среднеднепровского типа найдены в Ошурковском, Новском, Болшевском и Буньковском могильниках (САИ, VI-19 и VI-20).

³² САИ, VI-19 и VI-20.

³³ Т. С. Пассек. Указ. соч.; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. — МИА, № 29, 1952, стр. 183—185; САИ, VI-19 и др.

Тимофеевском, Халдеевском и других могильниках. Северные Калининские могильники (Желобнянский, Краснохолмский, Весьегонский и др.) по длиннолопастным топорам имеют прямые связи с Вауловским, Фатьяновским, Великосельским и другими могильниками Ярославской обл. О генетической связи калининских и ярославских памятников свидетельствуют также одинаковая группировка детских могил и одинаковое направление могил на могильниках³⁴. По всей вероятности, часть фатьяновских племен в конце первой половины II тысячелетия передвинулась по Волге на территорию Ярославской обл.

Таким образом, широкое распространение фатьяновских памятников на территории Калининской обл., а также обнаружение фатьяновских могильников в Великолукской и Новгородской областях³⁵ заставляют расширить границы распространения фатьяновской культуры в западном направлении почти до берегов Балтийского моря. Сейчас исследование этой территории приобретает особо важное значение для решения вопросов происхождения фатьяновской культуры.

---

³⁴ САИ, VI-20.

³⁵ Коллекции Эрмитажа.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ПЕРВЫЕ СПЕКТРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕДИ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В лабораторию спектрального анализа ИА АН СССР поступили для исследования пять металлических изделий из Никольского могильника на Днепре, относящегося к днепро-донецкой культуре (Днепропетровская обл., раскопки Д. Я. Телегина 1959 г.)¹. Материалы хранятся в ИА АН УССР в Киеве. Ниже приводятся результаты этих исследований:

№ анализа	1	2	3	4	5
Предмет	Бусина, кв. 14, № 1845	Кольцо, яма Б, № 1833	Неопред. обломок, кв. 25, № 1867	Бусина, яма Б, № 1897	Бусина, яма Б, № 1897
Рис.	1	2	—	3	4
Шифр лаборатории	3436	3437	3438	3439	3440
Cu	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.
Sn	0,001	0,0006	—	0,0015	—
Pb	—	0,07	—	0,01	0,01
Zn	—	—	0,0014	—	—
Bi	—	0,003	—	0,007	0,003
Ag	0,07	0,03	0,0016	0,004	0,005
Sb	—	0,06	—	—	—
As	—	—	—	—	—
Fe	0,002	0,004	?	0,002	0,002
Ni	0,003	0,002	0,012	0,009	0,0045
Co	—	—	—	—	—
Mn	—	—	—	—	—
Au	—	0,001—0,003	0,01—0,03	0,001—0,003	0,001

Невыразительность типологии изученных предметов (рис. 26) и незначительность самой коллекции не позволяют, конечно, достаточно полно охарактеризовать металл днепро-донецкой культуры. Однако химический состав меди этих поделок оказался весьма показательным для решения вопроса о ее происхождении. Напомним, что в последнее время металлургический инвентарь культур эпохи раннего металла юга Восточной Европы, Северно-

¹ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. — КСИА АН УССР, вып. 11, 1961, стр. 20—26.

го Кавказа, Закавказья и т. д. подвергся интенсивному изучению с помощью спектрального анализа. Были составлены представления об основных группах металла, ареалах их распространения, рудных районах или хотя бы об исходных районах меди, проникавшей в безрудные зоны Восточной Европы².

Изученный металл представляет собой чистую медь без каких-либо следов ее искусственного легирования. Хотя и было проанализировано всего пять проб, концентрации некоторых элементов обнаруживают относительно большой размах: свинец — 0—0,07%, висмут — 0—0,007%, серебро — 0,0016—0,07%, и т. п. Проводить статистическую обработку такого количества анализов, по-видимому, не имеет смысла. На основании этих анализов попытаемся найти днепро-донецкому металлу аналогии среди уже выделенных химических групп меди.

Мы должны решительно отвергнуть в качестве аналогий все кавказские группы металла. Кавказские мышьяковистые бронзы с характерным набором примесей достаточно сильно отличаются от рассматриваемой группы и в качественном, и в количественном отношении. Преобладание кавказского металлического импорта в ямной культуре и наличие в ней особой группы «чистой» меди, также отличающейся от рассматриваемого здесь металла, исключают и этот путь проникновения металла к племенам, оставившим Никольский могильник.

Весьма существенные различия по концентрациям свинца, висмута и особенно серебра не позволяют отождествлять медь Никольского могильника с металлом Чаплинского могильника. Соответственно этому не отвечает химическая характеристика днепро-донецкой меди и химизму руд медистых песчаников Донецкого бассейна, с которыми мы гипотетически связываем чаплинскую медь. Также отлична от никольского металла и группа «чистой» меди, представленная в поздне трипольских памятниках. В противоположность изучаемой меди там практически отсутствуют никель, висмут и золото, а свинец отмечен лишь в тысячных долях процента.

Зато весьма отчетливо укладывается днепро-донецкая медь по своему химизму в группы меди ранних этапов трипольской культуры. Наиболее полно представлена раннетрипольская медь Карбунским кладом. Состав меди Карбуны очень сложен. Металл клада подразделяется на две основные химические группы и пять подгрупп. Основным индикатором подразделения на группы послужили концентрации свинца, близкие 0,016%. На корреляционных диаграммах (рис. 27) представлен характер рассеивания концентраций различных элементов для 100 анализов Карбунского клада. Крестиками на тех же диаграммах обозначены анализы меди из Никольского могильника. Нетрудно заметить, как безукоризненно ложатся почти все эти анализы на поля рассеивания основных групп Карбуны. Особенно четким в этом отношении является положение анализа металла бусины (ан. 1), неопределенного обломка (ан. 3), вошедших в группу клада с пониженным свинцом, и кольца (ан. 2), попавшего в высокосвинцовистую («полиметаллическую») группу. У бусин (ан. 4, 5) по свинцу и особенно висмуту положение промежуточное. Концентрации висмута у этих анализов как будто бы даже выходят за пределы корреляционного поля группы с низким

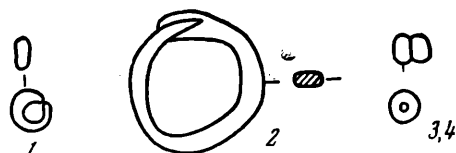

Рис. 26. Исследованные медные изделия Никольского могильника

² И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних сплавов на медной основе Баку, 1960; Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дисс. М., 1963; он же. Спектральный анализ и изучение истории древнейшей металлургии Восточной Европы.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.

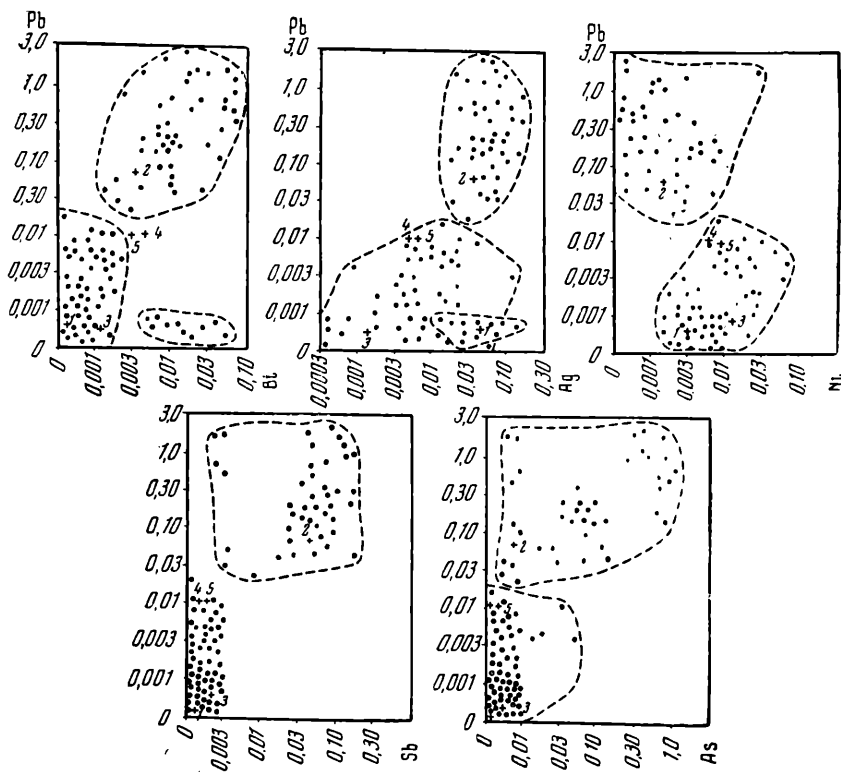

Рис. 27. Корреляционные графики рассеивания концентраций основных элементов в раннетрипольской меди (Карбунский клад). Крестиками и цифрами обозначены анализы меди Никольского могильника

свинцом. Но большого значения этот факт, конечно, не может играть, так как отмечаемое здесь несущественное отклонение могло произойти из-за перемешивания металла в процессе его переработки.

Медь такого состава имела место лишь на ранних ступенях трипольской культуры (этап А, по периодизации Т. С. Пассек). Позднее она исчезает. Это дает нам важный довод в пользу синхронизации Никольского могильника с раннетрипольскими этапами, определяя соответственно и его абсолютную дату. Такой вывод перекликается с зафиксированными ранее связями днепро-донецкой культуры с культурой Триполья этапа А по керамике, что и дало возможность Д. Я. Телегину синхронизировать их³. Впервые обнаружен импорт трипольского металла в культурах Северного Причерноморья с сильной неолитической традицией. Таких отношений трипольцев с населением, например, ямной культуры не наблюдалось. Там скорее всего было обратное явление. Некоторое количество кавказского металла благодаря племенам ямной культуры поступало населению поздне трипольской культуры. По-видимому, связи днепро-донецкого населения были иными, нежели в соседних с ними племен ямной культуры.

О конкретных рудных источниках рассмотренного здесь металла говорить пока что трудно. Как и раннетрипольская медь, он происходит из месторождений Карпатско-Балканского рудного региона⁴ без более точных указаний. Дальнейшее накопление и исследование материала позволит уточнить и расширить наши представления о металле днепро-донецкой культуры.

³ Д. Я. Телегин. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Е. Н. Черных. К истории металлургии..., стр. 12.

Т. Н. ЧУБАНИШВИЛИ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК АМИРАНИС-ГОРА

(Южная Грузия)¹

В 2,5 км к северо-востоку от г. Ахалцихе, на левом берегу р. Поцхови, расположено поселение, которое занимает южный склон Амиранис-Гора². Его площадь равна 2 га (рис. 28, рис. 2). Здесь открыты также участки могильника, а на вершине горы — синхронные «молельно-жертвенные места». Раскопана площадь в 2000 кв. м. Полностью вскрыто 22 помещения и исследовано 55 разнотипных погребений, они в основном относятся к куро-аракской культуре и датируются первой половиной III тыс. до н. э.³ Полученные материалы позволяют уточнить понятие куро-аракской культуры, в свете последних данных все более и более приобретающей общекавказский характер⁴.

Амиранис-Гора является поселением горного типа и своей планировкой отличается от большинства известных селищ куро-аракской культуры. Оно, как и некоторые синхронные памятники Закавказья⁵, расположено на десяти искусственных террасах. Разница уровней между верхней и нижней террасами — 15 м; высота самих террас колеблется от 1. до 1,35 м. На террасах возведены каменные четырехугольные, иногда удлиненные однокомнатные дома площадью от 9 до 54 кв. м. Дома в большинстве случаев обращены фасадом к юго-востоку, противоположной стороной примыкая к срезу грунта. Стены домов сложены на глиняном растворе из рваного камня и булыжника. В некоторых домах нижняя часть стен укладывалась из камней в один ряд (толщина стен 0,30—0,40 м), а верхняя (выше дневной поверхности) возводилась кладкой в два ряда (толщина стен 0,50—0,70 м)⁶, что

¹ Настоящая статья является расширенной частью доклада, прочитанного на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 2 марта 1963 г. Раскопки производились в 1958—1963 гг. экспедицией Института истории АН Грузинской ССР и Управления по охране памятников культуры Грузии.

² Амирани — имя героя древнегрузинского эпоса, аналогичного греческому Прометею. В Южной Грузии имеются и другие древние поселения, расположенные на холмах, носящих название «Амиранис-Гора».

³ Отчет о раскопках Амиранис-Гора за 1958—1961 гг. и вопросы, связанные с датировкой этого памятника освещены в книге Т. Чубанишвили «Амиранис-Гора. Материалы к древнейшей истории Месхет — Джавахети». Тбилиси, 1963; Он же. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1963.

⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, № 100, 1961; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. — СА, 1964, № 1.

⁵ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонт и Урбниси И. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиакохи). Тбилиси, 1963, стр. 44 (на груз. языке с резюме на русском); Э. В. Ханзадян. Энеолитическое поселение близ Кировакана. — СА, 1963, № 1, стр. 152.

⁶ Помещения I, IV, VIII, X, XIV, XX, XXI, XXIII и др.

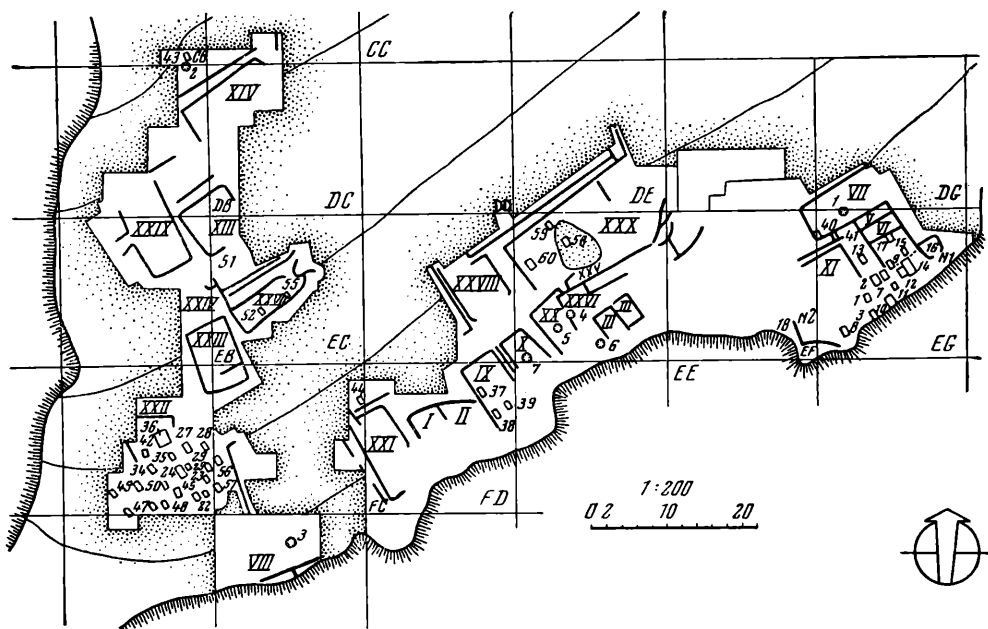

Рис. 28. Поселение Амиранис-Гора. План раскопа

характерно для домостроительства этого поселения. Иногда продольные стены в «удлиненных» домах целиком возводились кладкой в два ряда, не опираясь в срез грунта⁷. Перекрытие во всех домах, вероятно, было плоским, в большинстве случаев⁸ опиралось на стены поперечными деревянными балками и было сверху утрамбовано землей. Ширина этих домов не превышала 4—5 м; в плане они имеют прямоугольную форму (рис. 28). В сравнительно больших домах, где длина стен превышает указанные выше размеры, предполагается наличие центрального опорного столба⁹; как это установлено в одном помещении (XIII), своим основанием столб опирался на большую каменную ступу, которая была впущена в глинобитный пол и расположена перед очагом. В маленьком помещении¹⁰ наблюдается иная конструкция перекрытия. Здесь по углам и у середины продольной стены найдены плоские камни с углублениями, очевидно, для опорных столбов, непосредственно примыкавших к стенкам помещения¹¹. Судя по некоторым малоазиатским памятникам, такое конструктивное решение перекрытия являлось довольно распространенным в древности¹².

В большинстве домов — малых и больших — полы фиксируются редко, но все же установлена посыпка пола ярко-желтой глиной, иногда утрамбованной. У раскопанных помещений почти всегда отсутствует фасадная часть, что не дает возможности судить о характере входных проемов и источников света.

⁷ Помещения IX, XI, XIV и др.

⁸ Помещения I, IV, VI, VII, IX, X, XX, XXVI и др.

⁹ Помещения XI, XXI, XXV и др.

¹⁰ Помещение III выпадает из общей планировки других домов этого участка, а его стены в отличие от других возведены были, по-видимому, до конца однорядной кладкой и снаружи присыпаны землей. Это помещение относится к более древнему строительному периоду, чем другие рядом расположенные дома.

¹¹ Реконструкция помещения III выполнена архитектором О. Каландаришвили.

¹² Ср. погребения из Аладжа-Хиуук и помещение из Бейджесултана II слоя; см. Н. Kosa y. Les Fouilles d'Alaca Hoyuk.— Rapport preliminaire sur les travaux en 1937—1939. Ankara, 1951; S. Lloyd, J. Mellaart. Beyersultan. Excavations IV Preliminary Report 1957.— Anatolian Studies, vol. VIII, 1958, стр. 109.

Рис. 29. Поселение Амиранис-Гора. Общий вид раскопок

На поселении Амиранис-Гора только в четырех домах были найдены комплексы вещей¹³. Первостепенное значение имеют находки из разнотипных очагов, печей и др., свидетельствующие об их производственном, бытовом и культовом назначении. Очаги обнаружены главным образом в домах, площадь которых не превышает 20—40 кв. м¹⁴. Исключение составляет квадратное помещение XIII средних размеров (площадью 48 кв. м¹⁵), в центре его находится большой плоский глиняный очаг (диаметром 1,24 м) с отверстием в середине. Он отличается от всех других и аналогичен иракским и среднеазиатским культовым очагам III тыс. до н. э.¹⁶ В среднеазиатских памятниках такие плоские очаги, по мнению В. И. Саррианиди, встречаются в культовых домах. Однако по комплексу вещей помещения XIII у нас нет оснований предполагать, что оно является нежилым домом. Не исключено, что на Амиранис-Гора и культово-обрядовая сторона жизни протекала на самом поселении и именно в жилых домах. Этому мы коснемся ниже.

Наиболее распространенным типом очага на поселении является толстостенное глиняное сооружение цилиндрической формы (высота 0,28—0,35 м, диаметр 0,24—0,26 м), с плоским ведчиком. Этот тип очага характерен для второго слоя Нахичеванского Кюль-Тепе¹⁷. На Амиранис-Гора с ним связаны составленные из нескольких секторов толстые глиняные округлые «плиты» с отверстием в середине, соответствующим диаметру этих очагов¹⁸. Такие плиты найдены на других памятниках куро-аракской культуры (Озни)¹⁹, в том числе и в Каразе (Восточная Анатолия)²⁰; они перекры-

¹³ Т. Чубинишвили. Амиранис-Гора, рис. 2, 4—7.

¹⁴ Помещения I, III, IX, X, XVI, XX и XXII.

¹⁵ Помещения XIV, XXI, XXVII и др.

¹⁶ В. И. Саррианиди. Культовые здания поселения анауской культуры.—СА, 1962, № 1, стр. 50—51, рис. 3.

¹⁷ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, табл. 31 (на азерб. языке).

¹⁸ Т. Р. Чубинишвили. Амиранис-Гора, рис. 2, 249; 9, 3.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 40—41, табл.

²⁰ Там же, стр. 41.

Рис. 30. Поселение Амиранис-Гора.
Монтаж очага

вали очаг или же, по мнению Б. А. Куфтина, жертвенный сосуд.

На Амиранис-Гора известны также глиняные сосуды, по-видимому, немного позднее заменившие отопительный очаг описанного типа. Это небольшие глиняные бадьи, у которых иногда имеются венчики в виде толстого округлого валика. Такой очаг, содержащий золу, был найден в помещении XXII, а два — на самой вершине горы, в сооружении XVI, где один перекрывался другим; в последнем из них была найдена подставка культового назначения, представляющая скульптуру животного²¹. К этой группе глиняных изделий относится и переносной очаг, типичный для

куро-аракской культуры, найденной в обломках под помещением XX²². К этому же комплексу относятся два очага, составленные из плиточных камней и булыжника²³. В помещении III под этими камнями находилась большая каменная ступка, заполненная остатками углей.

В двух помещениях (XIII и XXII) найдены печи, по-видимому, предназначавшиеся не для отопления помещений, а для иных целей. Они обнаружены вместе с очагами описанных типов. Печи примыкали к северо-западной стенке домов. Конструкция их различна. Одна из них представляет собой ванночку (длина 2,50 м, ширина 0,40 м) с отверстием, у основания которого лежит плоский камень. Под печи хорошо обожжен, сохранившаяся высота стенки 0,15 м. Можно предположить, что сверху печь суживалась и замыкалась сводом. Внутри, в северо-западной части, было отделение, заполненное золой. Вторая печь находилась в помещении XXII и сохранилась хуже первой. Она является двухчастной; можно предполагать, что огонь в нее подавался из отопительного отделения (0,20 × 0,60 м), составленного из плоских поставленных на ребро камней. Восточная сторона в нем была открыта для подачи воздуха и топлива, от которого сохранилась зола. Второе отделение уцелело частично; оно имеет округло-овальную форму и сделано из глины с органической примесью; именно в эту часть проникало пламя из первого отделения, расположенного ниже второго. Эти печи скорее имеют производственный или хозяйственный характер (двухчастная печь могла служить для выпечки хлеба).

По форме второе отделение описанной нами печи напоминает найденные на поселении Амиранис-Гора²⁴, Квацхелеби²⁵ (слой С₁) и Бешташени²⁶ глиняные так называемые культовые жаровни, имеющие с одной стороны открытый борт; они также вылеплены из глины с органической примесью.

На поселении открыты четыре хозяйственные ямы. В двух случаях они не увязываются с определенными помещениями, две же другие ямы обнаружены в сильно разрушенных помещениях (VII и XX). В одном из помещений, в яме которого найдено два целых глиняных сосуда, в центре пола находится очаг (помещение XX), а в другом помещении (так называемый длинный дом) в яме было найдено небольшое количество остатков могоара (одна из разновидностей проса).

²¹ Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-Гора, стр. 98, табл. XI, 3.

²² Ср. Б. А. Куфтин. Указ. соч., табл. XXX.

²³ Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-Гора, рис. 4, 1.

²⁴ Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-Гора, рис. 4, б, ср.: Он же. Древнейшая культура..., стр. 51, рис. 7.

²⁵ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Указ. соч., табл. IV, 309.

²⁶ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 40—41.

В связи с попыткой выяснить характер и функцию некоторых сооружений на Амиранис-Гора следует упомянуть шесть случаев захоронения младенцев в «длинных домах», которые выпадают из общей планировки поселения. Именно в этих случаях (помещение VII — погребение 40, помещение XXVII — погребение 55) каменные ящики, обнаруженные под полом, не содержали погребального инвентаря. Еще два таких же погребения (№ 37, 39, помещение IX)²⁷ оказались пустыми, найденное здесь же третье погребение (№ 38), так же как и каменный ящик № 18 (в совершенно разрушенном доме), содержало только костяные изделия. В одном оказалось ожерелье — оберег в виде просверленных зубов собаки, а в другом — маленькое шильце.

Известно, что подобные захоронения в домах — древний обычай, существовавший, в частности, во многих древнеземледельческих культурах гористой области Ирана и Анатолии²⁸; на Амиранис-Гора, как нам кажется, этот обычай связан только с «длинными домами», жилой характер которых, по всей вероятности, должен быть исключен. По-видимому, хоронить детей в этих домах приходилось при особых обстоятельствах, не допускавших погребения на самом могильнике или же между стенами домов, когда в могилу обязательно должна была быть положена и глиняная посуда²⁹.

В двух помещениях (XIII и I) были обнаружены комплексы, указывающие на их жилой характер: на полу найдены каменные ступки, зернотерки, терочные камни, кремневые вкладыши для серпов, чернолощенная керамика и сероглиняная посуда, также типичная для культуры Куро-Аракса³⁰. Эти помещения были разрушены в результате пожара. Следы катастрофы прослеживаются и в помещении X, которое было разрушено внезапно, в результате этого здесь оказалось около 50 целых разнотипных глиняных сосудов³¹. Множество медных изделий из размытого культурного слоя свидетельствуют о наличии развитой металлургии в первой половине III тыс. до н. э. и интенсивности жизни на поселении³².

Глиняные фигурки животных и кости быка, овцы, собаки также указывают на характер занятий населения древнего поселка.

Для выявления уровня развития социальной жизни особое значение приобретают связанные с описанными очагами цилиндрической формы так называемые подковообразные подставки, которые имели как бытовое, так и культовое назначение; иногда они представлены и вотивными экземплярами³³. Одна группа таких очажных подставок имеет вид антропоморфных скульптур, иногда с небольшими выступами. Это позволяет предположить, что большинство подковообразных подставок олицетворяет мужчину-хозяина, главу семьи. Вполне допустимо, что подставки являютя изображением домашних идолов — мужского начала — предков этой семьи (рис. 30).

На северном склоне вершины горы, на скальном основании, террасами расположены небольшие четырехугольные каменные сооружения, которые с поселения не были видны, но занимали господствующее положение в этой местности. Находки большого количества обожженных в огне костей животных и богато орнаментированной посуды, вместе со скульптурой животного³⁴, позволяют видеть в них места жертвоприношений.

Таковы некоторые итоги раскопок одного из самых больших поселений раннебронзовой эпохи, материалы которого представляют большой интерес для характеристики древнейшей культуры Кавказа в III тыс. до н. э.

²⁷ Помещение IX было сильно разрушено, но, судя по его продольным стенкам, оно тоже было длинным.

²⁸ Г. Ч а й л д. Древний Восток в свете новейших раскопок. М., 1956, стр. 229.

²⁹ На Амиранис-Гора таких детских погребений раскопано десять.

³⁰ Т. Н. Ч у б и н и ш в и л и. Амиранис-Гора, рис. 2, б.

³¹ Там же, рис. 4—5.

³² Там же, рис. 14, 1—14.

³³ Там же, табл. X, 9.

³⁴ Там же, табл. XI, 3.

Р. М. МУНЧАЕВ, В. И. САРИАНИДИ

ИССЛЕДОВАНИЕ
БАМУТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В 1963 г.

С 1958 по 1963 г. из 50 курганов эпохи бронзы Бамутского курганного могильника раскопано 35. Они содержали около 170 погребений, относящихся к майкопской, северокавказской, катакомбной и сарматской культуре. Некоторые материалы раскопок, проведенных до 1963 г., опубликованы¹.

В 1963 г. к ССВ от хут. Новый Аршти было раскопано еще пять курганов эпохи бронзы, содержащих 43 погребения², и один курган в средневековом могильнике на северной окраине с. Бамут.

Наиболее интересные материалы в 1963 г. были добыты в курганах 3 и 5.

Курган 3 находился в 2 км к СВВ от хут. Новый Аршти, вправо от дороги Бамут — Ачхой — Мартан. Диаметр кургана 20 м, высота 1,78 м. Центральная часть его (в диаметре 10 м) была сооружена из речных булыжников, остальная представляла собой гумусированный суглинок. Каменная насыпь начиналась от основания кургана, т. е. с уровня древнего горизонта, и доходила до дернового слоя. В кургане открыто 16 погребений. Все они находились в центральной части кургана, в пределах каменной насыпи.

Древнейшими захоронениями в кургане являются погребения 2, 12 и, возможно, 14, причем основное из них — погребение 12. Оно открыто под насыпью в центре кургана, на глубине 1,85 м, т. е. почти на самом уровне древнего горизонта. Здесь находилась аккуратно выложенная галечная подстилка неправильно-прямоугольной формы (размером 2 × 1 м), толщина ее 3—6 см, ориентирована по оси север — юг. Юго-восточная часть была разрушена в результате позднейшего захоронения. На галечной вымостке находились мелкие угольки; в юго-западной ее части лежали кости ног, подогнутые в коленях (рис. 31, 1), а в самом углу юго-восточной части, которая была разрушена, — лопаточная кость и несколько ребер. Это все, что сохранилось от костяка. Остальные кости, несомненно, были извлечены из

¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, № 100, 1961; он же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. — СА, 1963, № 3; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы. — КСИА, вып. 98, 1964; Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. — Сб. «Новое в археологии». М., 1965; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 45, 82; Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии. — СА, 1965, № 2, стр. 175—185.

² Работы проводились Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР при участии Р. М. Мунчаева, В. И. Сарияниди, В. И. Козенковой, С. Ш. Дукузова, А. У. Ганжуева, Х. Х. Исаева, П. Н. Родионова.

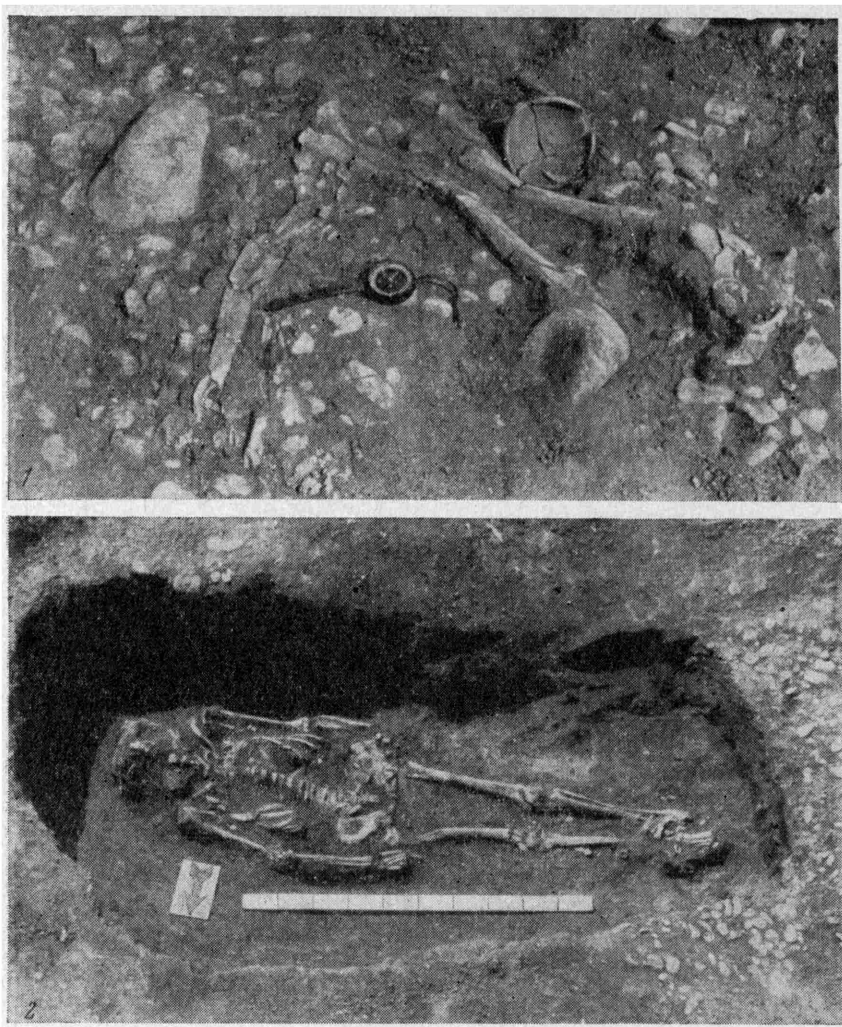

Рис. 31. С. Бамут. Курган 3

1 — погребение 12; 2 — погребение 16

могилы при совершении другого захоронения (погребения 16), на котором мы остановимся ниже. Судя по положению костей ног, погребенный лежал в скорченном положении, с подогнутыми в коленях ногами, на правом боку, головой на юго-восток. У костей ног лежала маленькая глиняная миска (рис. 32, 3), а примерно в 1,50 м, в северо-западном углу галечной вымостки, находился раздавленный красноглиняный сосуд, покрытый светло-коричневым ангобом (рис. 32, 2). Форма его уплощенно-шаровидная, с прямым коротким венчиком, отогнутым наружу; по тулову симметрично расположены миниатюрные ручки, между которыми располагается орнамент в виде ряда небольших продолговатых выпуклин — по четыре выпуклины над ручками и по пять между ними. Вблизи сосуда найдено бронзовое четырехгранное шило (рис. 33, 5).

Характер курганной насыпи, размеры и форма могилы, наличие галечной вымостки, положение и ориентировка погребенного и другие признаки указывают на то, что описанное погребение относится к майкопской культуре. Типичным для этой культуры является и найденный в погребении сосуд, а также бронзовое шило.

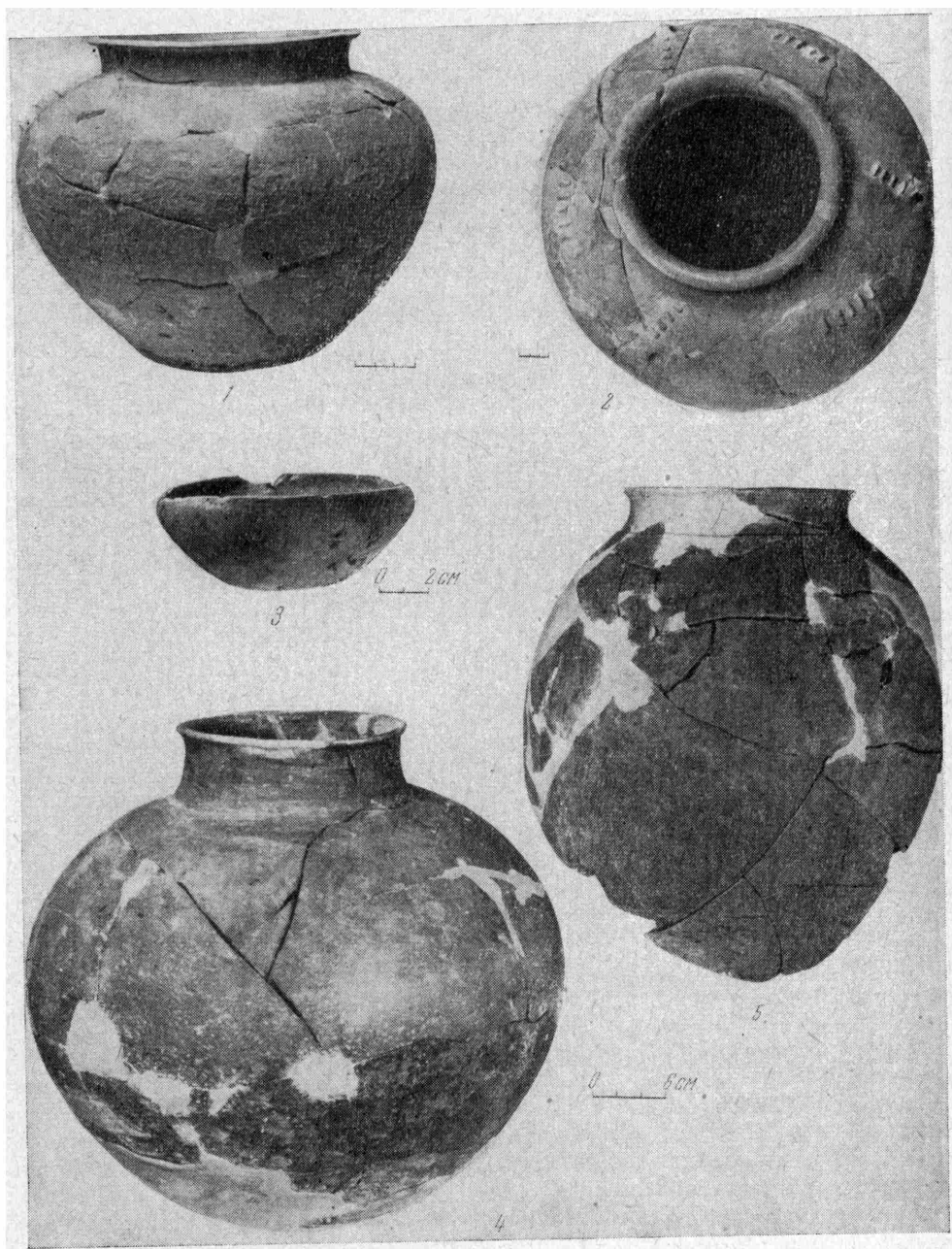

Рис. 32. С. Бамут. Глиняные сосуды из курганов 3 и 5.
 1 — погребение 2 в кургане 3; 2, 3 — погребение 12 в кургане 3; 4, 5 — погребение 21 в кургане 5

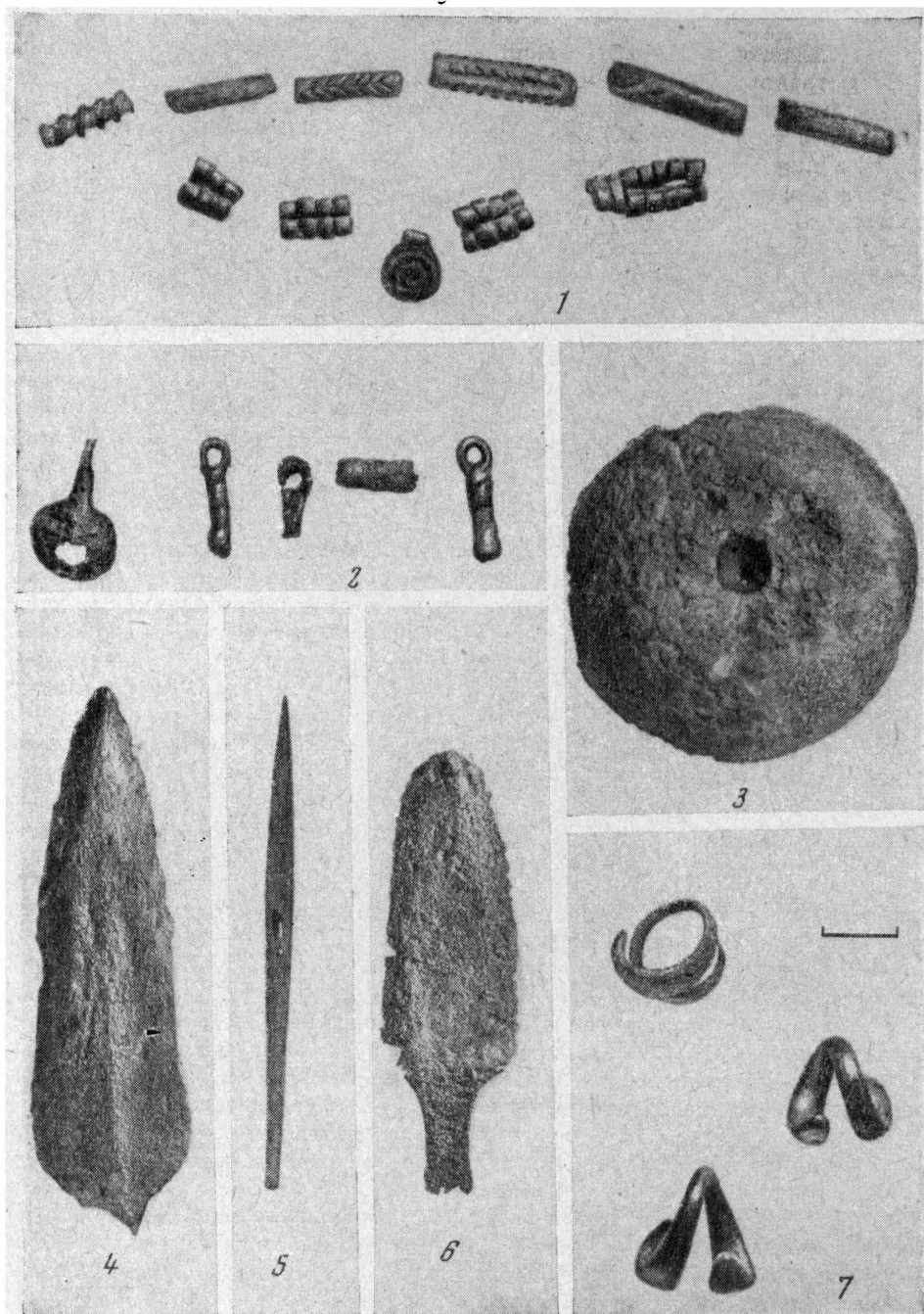

Рис. 33. Предметы из Бамутских курганов эпохи бронзы

Недалеко от описанного погребения был найден бронзовый нож-дротик (рис. 33, 6), аналогии которому известны в майкопских памятниках, в том числе и в Бамутских курганах³. Результаты спектрального анализа этого ножа-дротика показывают, что по составу он относится к высоконикелевой группе майкопского металла⁴. Поэтому можно предположить, что он связан с рассмотренным комплексом, т. е. с погребением 12.

К памятникам майкопской культуры относится и погребение 2. Оно находилось в 4,30 м к ЮЗЗ от центра кургана, на глубине 1,38 м. Костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Руки были согнуты в локтях и подтянуты к груди. В могиле обнаружен типичный для майкопской культуры красноохристый сосуд с шаровидным туловом и невысоким прямым венчиком (рис. 32, 1). Он находился у костей ног. Других вещей не было. Это захоронение, по всей вероятности, было совершено немного позднее, чем погребение 12.

Возможно, к майкопским относится и погребение 14. Оно находилось на уровне древнего горизонта (на глубине 1,85 м, недалеко от описанной галечной вымостки, в северо-восточном секторе кургана). Костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ЮВВ. У костей ног — немного красной охры. Отмеченные признаки характерны для погребального обряда майкопской культуры. Но тем не менее мы относим это погребение к майкопским предположительно, так как в нем отсутствует инвентарь и в частности керамика.

Костяки из большинства остальных погребений в исследованном кургане (10 из 13) были скорченными на левом боку, головой преимущественно на восток. Инвентарь беден и обнаружен не во всех погребениях. Это часто встречаемые в памятниках северокавказской культуры II тыс. до н. э. горшки, почти все без орнамента (рис. 34, 1—4, 6), и бронзовые украшения — разнообразные подвески и бусы (рис. 33, 1, 2, 7), составляющие иногда ожерелья, а также астрагалы мелкого рогатого скота. Кроме того, в насыпи этого кургана найден бронзовый нож-кинжал с обломанным черенком (рис. 33, 4). Он связан, по-видимому, с одним из погребений северокавказской культуры.

Особо следует остановиться на погребении 16. Оно находилось в неглубокой яме, вырытой под насыпью почти в самом центре кургана. Могила имела прямоугольную форму (2,10 × 0,85) и была ориентирована по оси запад — восток. Костяк лежал вытянуто на спине, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на восток (рис. 31, 2). Фаланги ног, особенно правой, были густо покрыты ярко-красной охрой. Остатки охры прослежены также на костях левой части грудной клетки. Инвентарь отсутствовал.

Четко прослеживалось, что эта могила перерезала описанное выше погребение 12 (рис. 31, 2), разрушив юго-восточную часть галечной вымостки. На это указывают и находки в насыпи данной могилы мелких костей человека, являющихся остатками погребения 12. Следовательно, погребение 16 моложе погребения 12 и, вероятно, погребений 2 и 14. Но оно безусловно старше остальных погребений в кургане: некоторые из этих погребений находились в насыпи непосредственно над могилой 16. Таким образом, стратиграфически четко устанавливается следующая последовательность рассмотренных погребений: древнейшими в кургане являются захоронения майкопской культуры (вторая половина III тыс. до н. э.), а самыми поздними — отмеченная выше группа скорченных погребений на левом боку (примерно середина II тыс. до н. э.). Промежуточное положение между первыми и последними занимает погребение 16 (начало II тыс. до н. э.). Установленная в данном случае последовательность погребений вполне согласуется с периодизацией древностей Северного Кавказа III—II тыс. до н. э.

³ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 195, рис. 11, 7, 2.

⁴ Анализ произведен Е. Н. Черных в лаборатории ИА АН СССР.

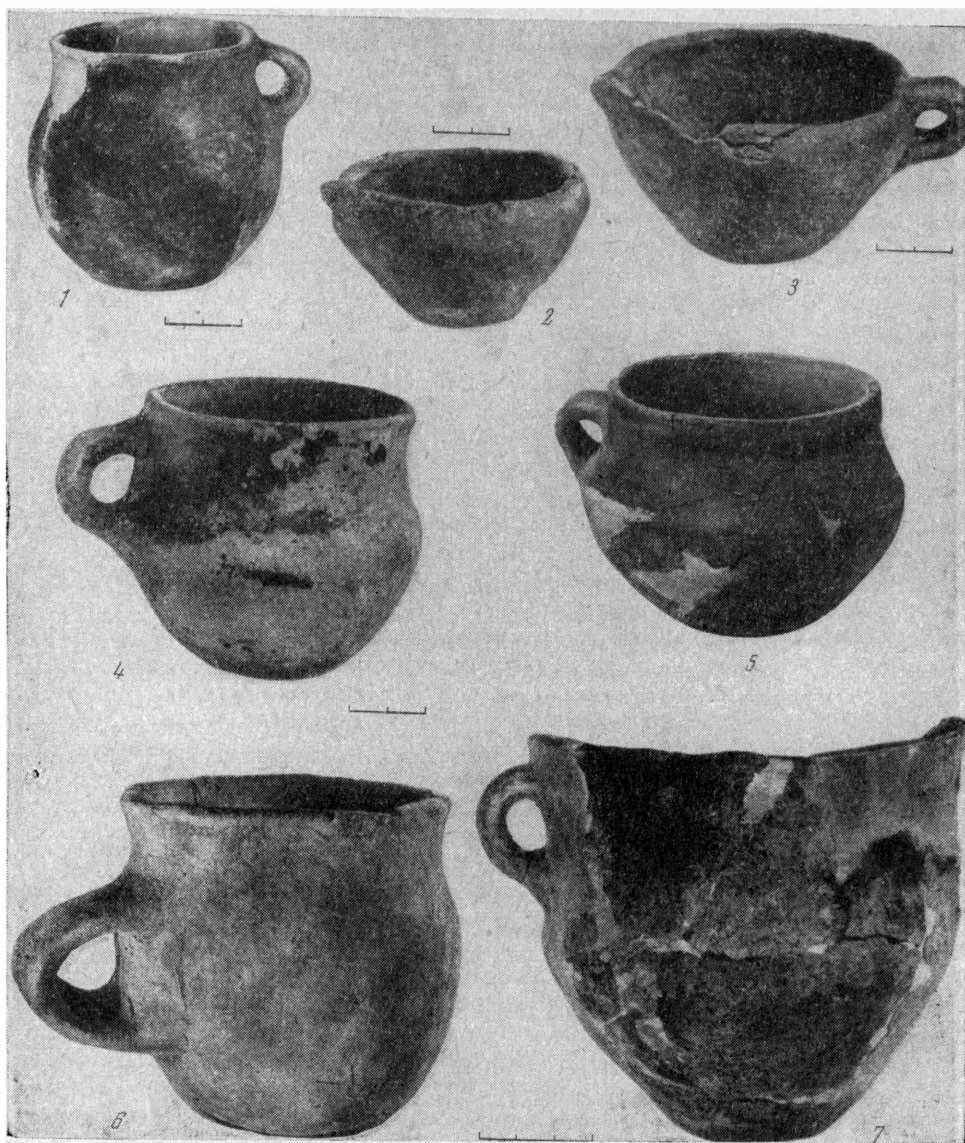

Рис. 34. Керамика из Бамутских курганов эпохи бронзы

Курган 5 находился в 1,5 км к северу от хут. Новый Аршти, недалеко от кургана 9. Округлый в плане курган, диаметром 40 м, имел высоту 3,75 м. Центральная часть его (в диаметре около 12 м) от основания до гумусного слоя была сложена из речных булыжников. В пределах каменной части насыпи открыты останки 21 захоронения.

Основным захоронением в кургане является погребение 21. Оно открыто под насыпью почти в самом центре кургана, на глубине 3,80 м, т. е. на уровне древнего горизонта. Могила прямоугольной формы отличалась значительными размерами: длина (С—Ю) около 3,5, ширина (З—В) — 2,0 м. Дно могилы, особенно ее северо-восточная часть, было выложено мелкой галькой. Костяк не сохранился. В нескольких местах встечены лишь отдельные полуистлевшие кости грудной клетки. Вдоль восточной «стенки» могилы, по оси север—юг, находились четыре раздавленных

больших глиняных сосуда: один в юго-восточном углу, остальные в северо-восточной части.

Форма и размеры могилы и галечная подстилка, а также керамика несомненно указывают на принадлежность этого погребения к майкопской культуре. Обращают на себя внимание крупные размеры сосудов, достигающих в высоту от 40 до 53 см (рис. 32, 4, 5). Такие большие сосуды до этого не были здесь обнаружены. Все они сделаны из прекрасно отмученной глины, почти лишенной примесей, и хорошо обожжены. Цвет преимущественно светло-коричневый. Почти на всех сосудах сохранились следы ангоба. Поверхность хорошо заглажена, иногда залощена до блеска. Один сосуд имеет обычное шаровидное тулово (рис. 32, 4), остальные — яйцевидное (рис. 32, 5). Последние аналогичны по форме соответствующим образцам керамики из Долинского поселения в Кабардино-Балкарии⁵, а также большому сосуду из самого Майкопского кургана⁶. Такие же яйцевидные сосуды встречены и в других памятниках майкопской культуры⁷. Особо следует отметить поразительное сходство (по форме и размерам) между большим сферическим сосудом (рис. 32, 4) из этого погребения и сосудом, найденным вместе с другими характерными формами майкопской керамики на полуострове Фонтан⁸.

подавляющее большинство остальных погребений, открытых в кургане 5, относится к северокавказской культуре и датируется суммарно II тыс. до н. э. Костяки в них находились преимущественно в скорченном положении, на левом боку, головой чаще на восток с отклонениями к югу или северу. В некоторых погребениях найдено по одному глиняному горшку (рис. 34, 7), несколько бронзовых и мергелевых бус, а также костяное пряслице (рис. 33, 3). Как видим, инвентарь этих погребений крайне беден. А в трех других погребениях (на спине, с подогнутыми ногами, головой соответственно на восток, север и СВВ), относящихся также к северокавказской культуре эпохи бронзы, инвентарь вообще отсутствовал.

Особую группу составляют шесть погребений (2, 4, 5, 9, 10 и 13), открытых в насыпи кургана. Особенности обряда захоронения и характер погребального инвентаря позволяют уверенно связывать их с сарматской культурой, более того, с одной из групп сарматских племен — сираками⁹.

В остальных трех курганах, раскопанных в 1963 г., открыты останки шести захоронений, большинство из которых, судя по керамике (рис. 34, 5), относится к северокавказской культуре.

Таким образом, раскопками бамутских курганов эпохи бронзы в 1963 г. добыт новый материал, доказывающий распространение в Чечено-Ингушетии майкопской культуры, а также характерных памятников северокавказской культуры II тыс. до н. э. Как устанавливается, древнейшие комплексы Бамутского курганного могильника содержат все типичные признаки майкопской культуры, особенно позднего этапа ее развития. Здесь, в частности, представлены почти все формы майкопской керамики с характерными ее особенностями. Нет сомнения в том, что полное исследование этого могильника позволит еще более расширить наши знания и представления о культурах Чечено-Ингушетии и всего Северного Кавказа III—II тыс. до н. э.

⁵ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика.— МИА, № 3, 1941, табл. VI.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 11, рис. 41.

⁷ Ю. С. Крушкoл. Археологические исследования древней Синдики экспедиция-ми Московского областного пед. института.— Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та, т. XXV, 1963, стр. 91, рис. 37.

⁸ М. М. Кубланов. К истории азиатского Боспора (новые археологические материалы с полуострова Фонтан).— СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 219, рис. 19, 3.

⁹ Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии, стр. 175—180.

В. И. КОЗЕНКОВА, Е. И. КРУПНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЖЕНЬ-ЮРТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(по раскопкам 1964 г.)

За 6 лет раскопок Сержень-Юртовского поселения¹, находящегося в Шалинском районе ЧИАССР (начиная с 1959 г.), 2-м отрядом Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА АН СССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и Республиканского музея краеведения в г. Грозном вскрыта площадь, равная почти 3000 кв. м, и добыт крупнейший и разнообразный вещевой материал из камня, кости, металла и глины².

В 1964 г. раскопки были продолжены на южной окраине и в восточной стороне холма, на котором расположено поселение 1. Вскрыта площадь в 550 кв. м. Средняя глубина культурного слоя поселения не превышала 0,8—1 м. Комковатый гумусированный суглинок в основном содержал материальные остатки от двух культурных слоев (отдельные находки других эпох не связываются с определенными отложениями).

Находки из разрушенного нижнего культурного слоя представлены кремневыми вкладышами для составных серпов (рис. 35, 1, 3—8), костяными проколками, роговыми орудиями, обломками красноглиняной керамики с пачкающей поверхностью майкопского типа — все это характерно для «энеолитической» эпохи Кавказа середины и конца III тыс. до н. э.³

Второй, основной слой, значительно лучше сохранившийся, относится к эпохе раннего железа. На южной стороне холма, на котором расположено поселение 1, было продолжено вскрытие ранее открытой древней дороги, вымощенной крупной галькой (раскоп III)⁴. Дорога расчищена еще на 10 м в направлении с северо-востока на юго-запад. Глубина ее залегания 0,70 см. Ширина вымостки 2,8—3 м; по краям она обложена крупным булыжником. В трех местах новый участок вымостки прорезан ямами более позднего времени. По обе стороны дороги сохранились беспорядочные завалы камней, вероятно от оснований стен жилища.

¹ Раскопки проводились ИА АН СССР, Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы и Республиканским музеем краеведения (г. Грозный). Нач. экспедиции — Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова — нач. отряда; К. А. Васильева — фотограф; Т. Г. Леонова и Э. И. Нечушкина — лаборанты, П. Н. Родионов — шофер и студенты Грозненского пединститута.

² Список опубликованных работ по раскопкам поселения Сержень-Юрт см.: В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. — КСИА, вып. 103, 1965, стр. 67.

³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, № 100, 1961, стр. 61, рис. 13.

⁴ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. — КСИА, вып. 98, 1964, стр. 75.

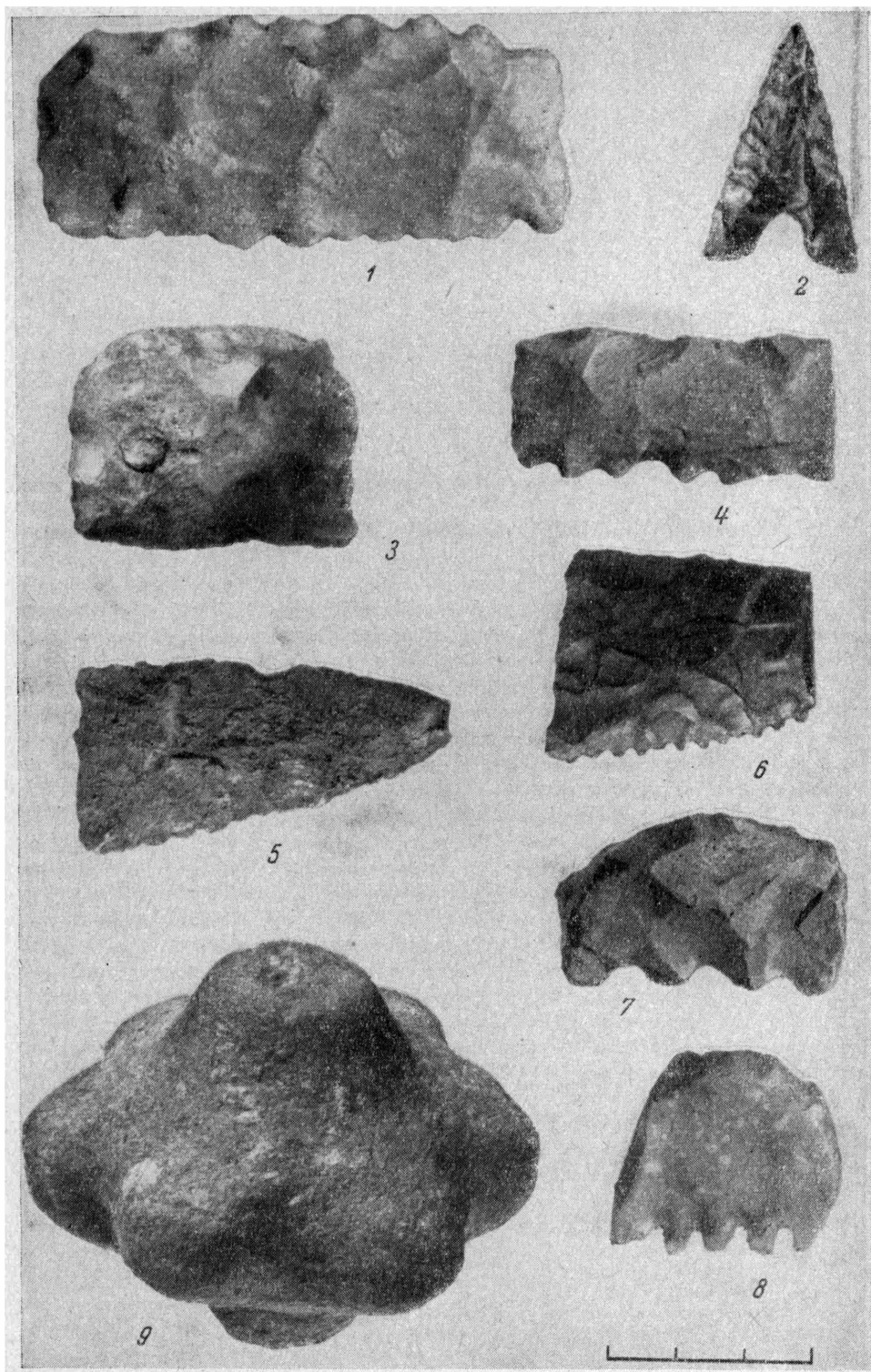

Рис. 35. Поселение Сержень-Юрт I. Предметы из камня
1, 3—8 — кремневые вкладыши серпов; 2 — кремневый наконечник стрелы; 9 — навершие булавы

К северу от указанной вымостки, в северо-восточной части раскопа V (1963 г.), прослежен развал большого здания. Сохранились скопления камней от основания здания и много обломков ярко-красной обожженной обмазки и обожженных блоков, шириной в 12—15 см. Среди предметов, найденных в границах этого развала, заслуживают внимания находки бронзолитейного производства: капли застывшей бронзы, два бронзовых наконечника стрел — «плошников» (рис. 36, 5—6) и половина песчаниковой формы для отливки трех черешковых наконечников стрел с опущенными крыльями так называемого закавказского типа (рис. 36, 10). Вблизи этих находок, в 5—6 м к северу от них, найден кусок обожженной обмазки с ошлакованной и оплавленной поверхностью, с включениями следов бронзы. В 1962 г. в раскопе IV вблизи развала и несколько юго-западнее были найдены предметы, очевидно, того же бронзолитейного производства⁵: капли застывшей бронзы, глиняные льячки, наконечники стрел с опущенными крыльями, сходные с теми, что вырезаны в описанной литейной форме.

Литейная форма, найденная в поселении Сержень-Юрт, наряду с другими находками бесспорно свидетельствует не только о местном металлопроизводстве, но и о том, что характерным типом наконечников стрел здесь были именно бронзовые черешковые стрелы так называемые закавказского типа, распространенные на Кавказе в самом конце II тыс. до н. э. и начале I тыс. до н. э.⁶ На Северном Кавказе⁷ и в Закавказье бронзовым наконечникам стрел предшествовали и сосуществовали с ними такие же костяные стрелы, что позволяет этот тип наконечников стрел признать характерным видом вооружения этого времени для всего Кавказа.

Вторым объектом раскопок явилась третья вымостка-дорожка, раскопанная к югу от развала описанного здания, на глубине 0,75 м. Направление ее почти параллельно первой дороге (раскоп III) и почти перпендикулярно второй вымостке из раскопок 1963 г.⁸ Вновь вскрытая дорога-вымостка, так же как и предыдущие, слегка углублена в землю: она сооружена почти на материке из одного слоя плотно пригнанных друг к другу крупных галек. Длина раскопанной части 12 м, ширина 2—2,5 м. Вымостку покрывал слой рыхлой волистой земли с большим количеством втоптаных костей животных, обломков сосудов и отдельных предметов (кусочки бронзовых шлаков, обломки костяных проколов, обломки антропоморфных глиняных статуэток и т. д.).

Каменные вымостки (древние дороги) — интересные и неизвестные до сих пор объекты на поселениях Кавказа начала I тыс. до н. э. Их существование доказывает знакомство жителей поселка с выработанной системой планировки и с элементами благоустройства древнего поселка. Очевидно, эти дороги сооружались для удобства передвижения жителей по поселку в период дождей, что при местных почвенных условиях вполне закономерно. Одновременно они могли служить и границами жилых массивов, объединявших несколько жилищ в виде так называемых турлучных, т. е. плетеных и обмазанных глиной саклей.

В восточной части раскопа найдено сильно поврежденное захоронение ребенка. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад; руки подняты к лицу; на Сержень-Юртовском поселении 1 это третье погребение.

Верхний слой, как наблюдалось и в предыдущие годы, был сильно изрыт многочисленными хозяйственными ямами. Расчищено 33 ямы конической и цилиндрической формы глубиной до 2 м. Заполнение их состояло

⁵ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 75.

⁶ А. М. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 210.

⁷ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докабанского периода. — МИА, № 23, 1951, стр. 61.

⁸ В. И. Козенкова. Указ. соч., стр. 69.

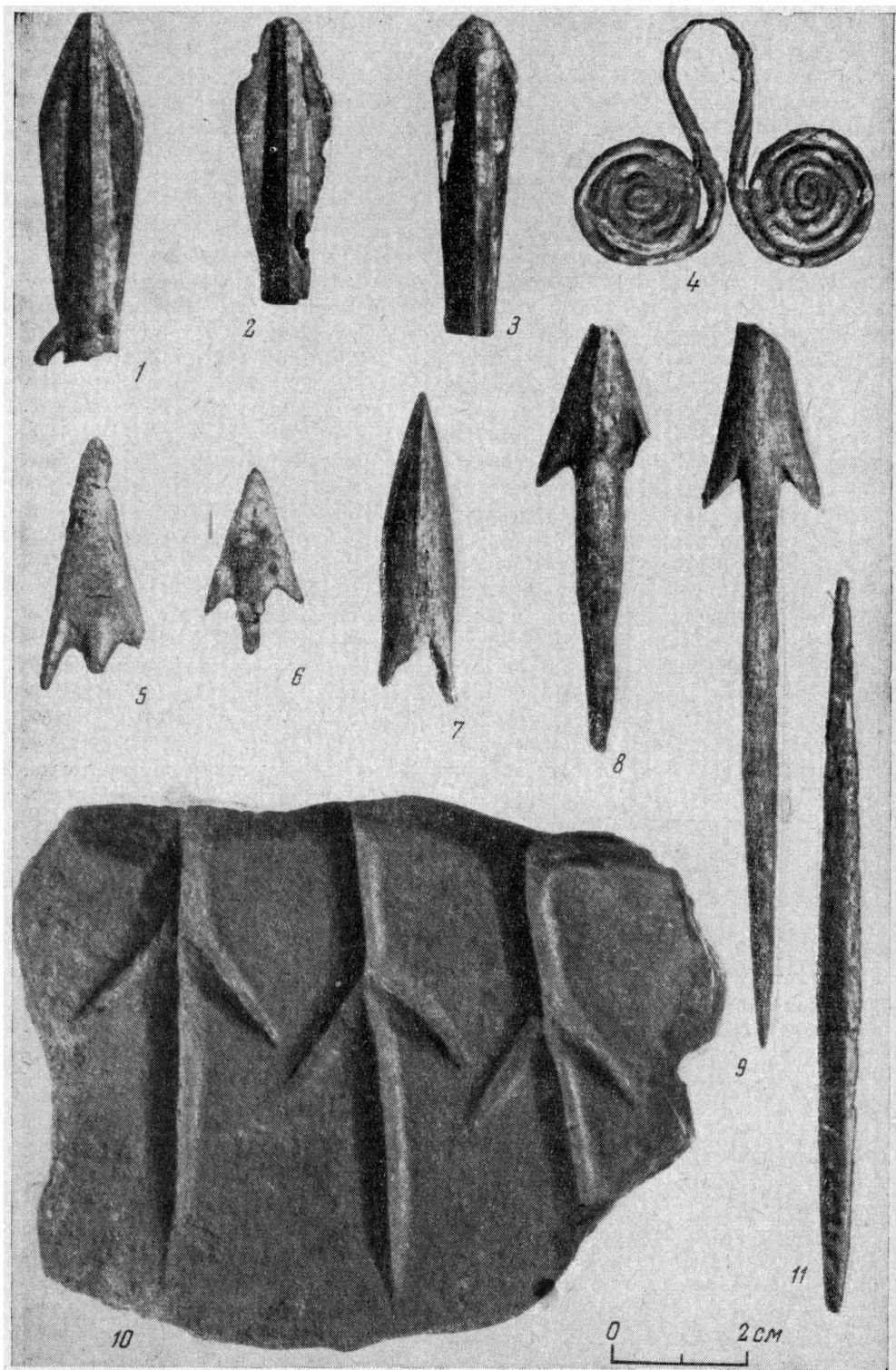

Рис. 36. Поселение Сержень-Юрт I. Находки из слоя IX—VIII вв. до н. э.
 1—3, 5, 6 — бронзовые наконечники стрел и бронзовая очковидная подвеска; 7—9 — костяные наконечники
 стрел; 10 — литейная форма; 11 — бронзовое шило

Рис. 37. Поселение Сержень-Юрт I. Керамические изделия

1—3 — зооморфные статуэтки; 4 — антропоморфная статуэтка; 5 — пинтадера; 6 — сосуд из нижнего слоя; 7—9 — керамика из верхнего слоя

из рыхлой золистой земли с угольками, кусков обмазки, большого количества костей животных и обломков керамики и предметов быта. Этими ямами почти уничтожен нижний культурный слой и сильно нарушена стратиграфия верхнего слоя.

В основном слое найдены две глиняные «пинтадеры» со спиральным орнаментом (рис. 37, 5), наверху каменной булавы из порфирита с шестью

выступами (рис. 1, 9), 14 антропоморфных и 116 зооморфных глиняных статуэток (рис. 37, 1—4).

Ранее высказанная нами датировка верхнего слоя Сержень-Юртовского поселения — IX—VII вв. до н. э. — подтверждается и уточняется новыми находками предметов, имеющих прямые аналогии в других памятниках Кавказа и юга Европейской части СССР. К ним относятся бронзовые ножи VIII—VII вв. до н. э.⁹, очковидная привеска (рис. 36, 4) — широко известный тип украшений в памятниках кобанской и синхронных с ней культур¹⁰, и особенно бронзовые наконечники стрел. Последние представлены тремя типами: бронзовыми черешковыми литыми (XI—VIII вв. до н. э.)¹¹; черешковыми — «площадками» (XI—VI вв. до н. э.¹² и, наконец, втульчатыми двулопастными (с шипом и без шипа) раннескифского типа (VIII—VII вв. до н. э.)¹³ (рис. 36, 1—3), которые особенно важны для датировки завершающего этапа жизни Сержень-Юртовского поселка. Всего за годы раскопок поселка найдено 24 бронзовых наконечника стрел, причем преобладающими и характерными для поселения являются черешковые стрелы кавказского типа: их 17 экземпляров, не считая таких же костяных (рис. 36, 7—9). Ранние же формы скифских наконечников стрел (всего 7 экз.), вероятно, занесены сюда в результате военного вторжения на Кавказ с севера степных племен в VII в. до н. э.

Вероятно, случайными в верхнем слое являются несколько стрел, костяных пулевидных и четырехгранных в сечении, а также один трехлопастной втульчатый наконечник стрелы с изображением зигзага на лопасти, относящийся к V в. до н. э.¹⁴

Для датировки поселения интересны результаты радиоуглеродного анализа древесного угля из верхнего слоя (по распаду углерода C¹⁴)¹⁵.

Были исследованы два образца угля. Анализ первого образца из третьего штыка верхнего слоя дал такие показатели — 2890 ± 75 лет, т. е. конец X в. до н. э.; анализ второго образца из второго штыка — 2620 ± 75 лет — середина VII в. до н. э. В пределах этих дат вполне укладывается и весь археологический материал поселения, типологически датированный с IX по VII в. до н. э. включительно.

Керамика, за редким исключением, представлена обломками сосудов бурого-серого цвета. Керамика хорошего качества, нередко со следами лощения. Формы и размеры различны: горшки, банки, кружки и миски (рис. 37, 6—9). Многие сосуды покрыты налепными валиками и шипковым орнаментом. Несколько фрагментов украшены нарезным геометрическим рисунком, характерным для посуды кобанской культуры. Есть отдельные элементы, типичные для каякентско-хорочаевской культуры.

В 1964 г. получены новые данные о земледелии — в двух ямах найдены остатки обгорелого зерна: пшеница двух сортов, просо, рожь, ячмень, семена дикого винограда и кизила¹⁶. По заключению палеоботаников, среди па-

⁹ Н. В. Анфимов. Протогеотский могильник с. Николаевского. — Сборник по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, табл. III, 7—8, стр. 119.

¹⁰ Труды V археологического съезда. М., 1887, рис. VII; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. I, табл. XXV; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 219; стр. 285, рис. 46, 24; табл. 57, 6.

¹¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 55.

¹² Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. — Сб. «Археологические раскопки в р-не Змейской в Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 32, рис. 9; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 70—71.

¹³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, табл. V А.

¹⁴ Там же, рис. 16, 13, 15—17.

¹⁵ Анализ произведен в Ленинградской радиоуглеродной лаборатории ИА АН СССР под руководством проф. С. И. Руденко.

¹⁶ Остатки зерна определены в агротехнической лаборатории ИА АН СССР А. В. Кирьяновым.

леоботанических остатков отмечено значительное число сорняковых растений, что свидетельствует о довольно развитом земледелии.

Костные остатки животных показали преобладание в стаде крупного рогатого скота, а также свиней¹⁷. Имеются кости лошади и собаки, а из диких животных — благородного оленя (много), косули, кабана, медведя, выдры, лисицы, зайца.

Материалы раскопок 1964 г. поселения Сержень-Юрт 1 дополнили представления о хозяйственной деятельности обитателей поселка. Основными формами хозяйства были земледелие и скотоводство.

Подсобное значение имела охота. Раскопки также показали значительный удельный вес местной металлообработки, гончарства и костерезного дела.

Новые материалы подтвердили принадлежность Сержень-Юртовского поселения к восточному локальному варианту кобанской культуры Северного Кавказа. Тесно соприкасаясь с племенами каякентско-хорочаевской культуры Восточной Чечни и Дагестана, имея общие черты с культурой древнего населения всего Центрального Кавказа и Закавказья, жители этого района сохраняли некоторую обособленность и самобытность в своей материальной культуре, что особенно наглядно прослеживается в керамике исследуемого памятника. Жизнь на поселении прекратилась в основном в VII в. до н. э. Основанием для этого вывода служат полевые наблюдения над топографией находок наконечников стрел и многочисленными следами пожарами и разрушением жилищ на всей территории поселка.

Любопытно, что все наконечники стрел раннескифского типа располагались на северной окраине холма, где находится поселение, и в особенности вблизи входа в поселок. Все наконечники стрел местного типа были обнаружены на всей площади поселка. Это позволяет связывать гибель поселка со штурмом холма скифами в VII в. до н. э., во время их походов в Переднюю Азию через Кавказ¹⁸.

¹⁷ Остеологический материал определен В. И. Цалкиным.

¹⁸ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 186.

В. П. Ш И Л О В

ПОГРЕБЕНИЕ ЛИТЕЙЩИКА КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Несмотря на длительный период полевых исследований, мы до сих пор почти ничего не знаем о наличии металлообработки у собственно катакомбных племен. По вопросу об источниках сырья для производства металлических изделий у этих племен существует несколько точек зрения. А. А. Иессен полагал, что основной базой добычи медной руды для катакомбных племен в первой половине II тысячелетия явился Северный Кавказ¹. В. А. Городцов на основании обследования древних рудников в бывшем Бахмутском у. высказал предположение, что катакомбные племена имели свою рудную базу в Донецком бассейне и были знакомы с выплавкой металла². Изучение металлических изделий катакомбной культуры Т. Б. Поповой позволило ей сделать вывод, что на ранних этапах развития этой культуры древнее население южнорусских степей получало готовые изделия от носителей майкопской и северокавказской культур. Благодаря этим связям катакомбные племена познакомились там с техникой добычи металла и где-то в середине II тысячелетия создали свой местный очаг добычи меди на базе отложений пермокарбонového возраста³.

К сожалению, мы не имеем твердых оснований для датировки обнаруженных В. А. Городцовым древних рудников. Как сообщает В. А. Городцов, здесь были обнаружены в одной из шахт покрытые окисью меди череп и кости человека. И что особенно досадно, найденные в другой шахте каменные орудия и бронзовые топоры, переданные, как сообщает В. А. Городцов, в музей Горного института в Петербург, бесследно исчезли для науки. Так что мы почти ничего не знаем о местной металлообработке у катакомбных племен. Несмотря на огромное количество исследованных памятников, формы для отливки металлических изделий у катакомбных племен неизвестны. В этом отношении чрезвычайный интерес представляет находка нового погребения литейщика, обнаруженного Астраханской археологической экспедицией в 1964 г. Погребение обнаружено в междуречье Волги и Дона, в курганном могильнике, расположенном в 5 км северо-восточнее райцентра Октябрьского (станция Жутово) Волгоградской обл., на правом берегу высокой террасы р. Аксая, левого притока р. Дона. Здесь под курганной насыпью, обложенной по поверхности мелким песчанником, выявлено в материке впускное погребение 3. Захоронение совершено в прямоугольной яме с сильно округленными углами, ориентированной длинной осью по линии ЮЗЗ—ССВ. Длина ямы 1,90 м, ширина 1,20 м,

¹ А. А. Иессен. Из истории металлургии Кавказа.— ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 32.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г.— Труды XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 246.

³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.— Труды ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 97; А. С. Федоровский. Доисторические разработки медных руд и металлургии из бронзового века в Донецком бассейне.— Воронежский историко-археологический вестник, вып. 2, 1921.

глубина 1,55 м от уровня древнего горизонта (рис. 38). На дне могилы на вымостке из плах дерева (рис. 38, 9), положенных поперек могилы и посыпанных красной охрой, лежал костяк мужчины, на спине, с поднятыми и согнутыми ногами, головой на СВВ. Череп лежал на левом боку, лицевыми костями к южной стенке могилы. Правая рука слегка согнута в локте, и кисть ее находилась на правой тазовой кости. Плечевая кость левой руки слегка отведена в сторону. Кости ног, согнутых в коленях, впоследствии упали влево.

Под черепом обнаружено квадратное в сечении шило с деревянной рукояткой (рис. 38, 1; рис. 39, 5). Возле левого плеча стоял раздавленный землей лепной горшок с выпуклыми боками и слегка отогнутым наружу краем (рис. 38, 2; рис. 39, 9). Возле левого локтя, с внутренней стороны, — кусок плитки светлого песчаника, одна из широких ее плоскостей, служившая, видимо, абразивным инструментом, сильно заполирована (рис. 38, 3; рис. 39, 4). Севернее правого колена лежали рядом еще две плитки песчаника: одна бесформенная, из светлого песчаника, со следами использования на одной из широких плоскостей (рис. 38, 4; 39, 8) и другая прямоугольная, из светлокоричневого песчаника, широкая плоскость которого имеет следы употребления в качестве абразивного инструмента (рис. 38, 4; 39, 6). Сверху лежало глиняное сопло (рис. 38, 5; рис. 39, 1). Рядом находились еще два глиняных сопла (рис. 38, 5; рис. 39, 2, 3). Сверху одного из них обнаружен овальный в сечении с уплощенной одной стороной пест из серой гальки (рис. 38, 4; рис. 39, 10). Под пестом находился отщеп серого кремня (рис. 38, 6; рис. 39, 7). У левого колена, с наружной стороны три кусочка красной охры (рис. 38, 8).

Захоронения в прямоугольных ямах, на спине, с подогнутыми ногами, с восточной ориентировкой погребенных при наличии обильного количества красной краски характерны как для полтавкинских, так и погребений маньчжо-астраханского варианта катакомбной культуры. Для обеих групп памятников свойственно также положение правой или левой руки на тазовых костях. Так что по обряду погребения невозможно определить, к полтавкинской или катакомбной культуре относится данное погребение.

Решающим моментом для ответа на поставленный вопрос является форма и орнаментация сосуда. Это лепной горшок с выпуклыми боками и слегка отогнутым наружу краем (рис. 39, 9). Наибольший диаметр проходит несколько выше середины высоты сосуда. Поверхность сосуда коричневая, с темными пятнами. Начиная от края вся поверхность украшена 25 круговыми рядами отисков веревочки. Все днище украшено скобковидными отисками веревочки, расположенными частично концентрическими

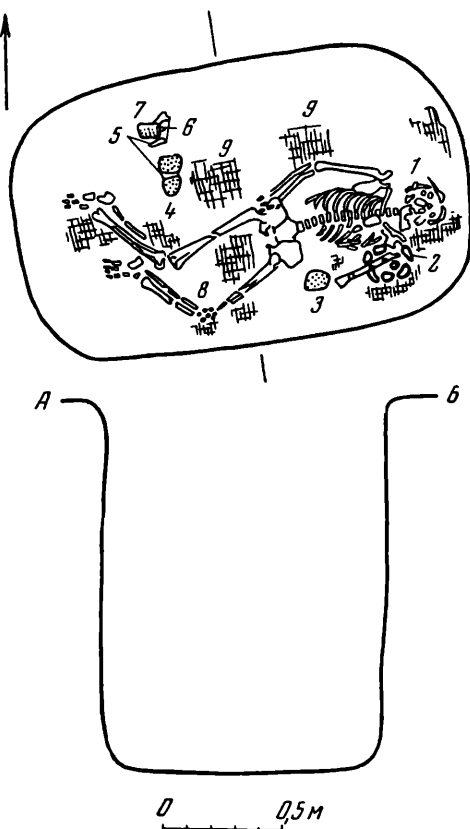

Рис. 38. План и разрез ямы погребения литейщика

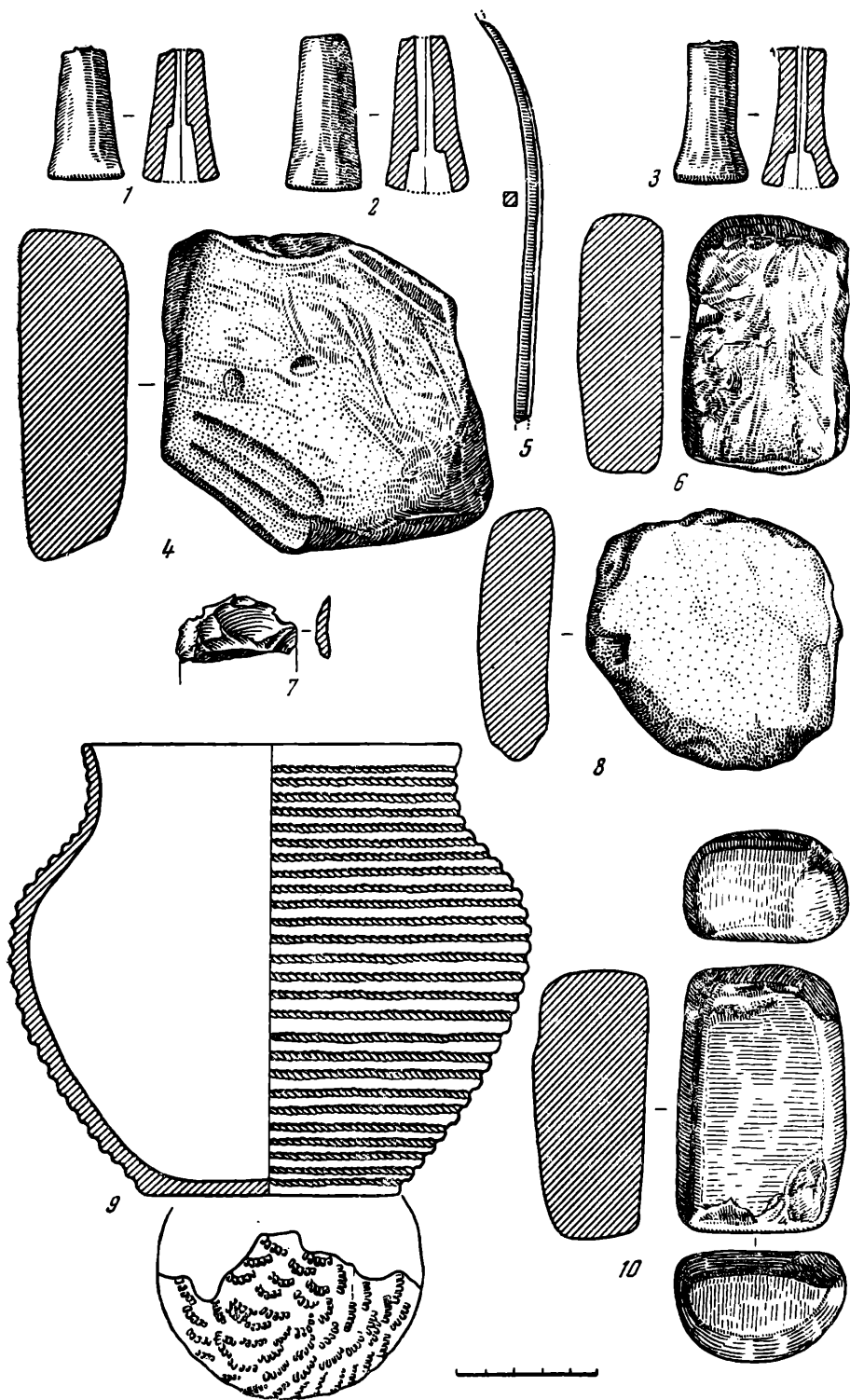

Рис. 39. Инвентарь погребения:

1—3 — глиняные сопла; 4, 6, 8 — абразивные плитки; 5 — бронзовое шило; 7 — кремневый отщеп; 9 — глиняный сосуд; 10 — каменный пест

кругами. В центре скобочки расположены беспорядочно, заполняя круг. Черепок в изломе черный, с включениями частиц извести.

Сосуды такой формы, вся наружная поверхность которых иногда украшена круговыми оттисками веревочки, характерны для катакомбных захоронений⁴. Не менее типичной является орнаментация дна сосуда оттисками веревочки, сложенной в виде округлых скобок, которая обычно встречается на таких ведущих формах катакомбной керамики, как курильницы, и не встречается на полтавкинских сосудах. Остальной инвентарь мало характерен и встречается как в полтавкинских, так и катакомбных захоронениях. Таким образом, данное захоронение следует связывать с катакомбной культурой.

Для выяснения абсолютной даты важное значение имеет орнаментация сосуда. Как отмечает Т. Б. Попова, круговые ряды оттисков веревочки на сосудах характерны для второго этапа развития катакомбной культуры, датированного ею второй четвертью II тыс. до н. э.⁵

Любопытно бронзовое квадратное в сечении шило с округло изогнутым рабочим концом (рис. 39, 5). Другой конец обломан и был вставлен в деревянную рукоятку длиной 9,5 см и диаметром 2 см. Длина шила 15,2 см; сечение 0,5 × 0,5 см. Крупные, квадратные в сечении шилья довольно часто встречаются в полтавкинских и катакомбных захоронениях; в Калиновском курганном могильнике в погребении литейщика примерно того же времени встречено аналогичное крупное округло изогнутое бронзовое шило⁶.

Все три конические сопла имеют сквозные продольные отверстия неодинакового диаметра. Несколько ближе к широкому основанию сопла в каждой отверстии уступчик. На ободке более широких оснований и внутри отверстий до уступчиков — нагар копоти. Поверхность всех трех сопел серовато-коричневая. Черепок в изломе черный с включениями частиц извести.

Наиболее близкими аналогиями нашим находкам являются глиняные сопла в двух погребениях литейщиков, обнаруженных в Калиновском могильнике, причем в продольных отверстиях двух из них имеется уступчик, как и на ныне публикуемых соплах⁷. Одно из этих погребений по обряду и инвентарю относится к раннему этапу развития полтавкинской культуры.

Не менее характерной является находка овального в сечении песта с одной уплощенной продольной рабочей частью; два конца и уплощенная широкая плоскость сильно заполированы. Размеры песта 9,8 × 6 × 4 см (рис. 39, 10). Этот пест, изготовленный из серой диабазовой гальки, видимо, использовался в качестве куранта. Следует отметить, что такой же пест, но несколько более крупных размеров был обнаружен также в одном из захоронений литейщиков Калиновского могильника⁸. В могилу положены абразивные инструменты: три плитки из серого и серовато-коричневого песчаника (рис. 39, 4, 6, 8) и отщеп кремня с ударным бугорком (рис. 39, 7).

Приведенные данные позволяют погребение литейщика, найденное в междуречье Волги и Дона, относить ко второй четверти II тыс. до н. э.

Находка этого погребения позволяет впервые говорить о наличии местной металлообработки у катакомбных племен маньчско-астраханского варианта, начиная со второй четверти II тыс. до н. э., хотя этим не снимается вопрос об огромной роли северокавказских центров в снабжении металлическими изделиями степных племен Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в первой половине II тыс. до н. э.

⁴ И. В. Синицын и У. Э. Эрднеев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея, вып. 1. Элиста, 1963, стр. 39, рис. 9, 1.

⁵ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 29.

⁶ В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.— МИА, № 60, 1959, стр. 15, стр. 2, 3.

⁷ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 15, рис. 4 и 5; стр. 17, рис. 6—9.

⁸ В. П. Шилов. Два погребения литейщиков-металлургов.— Сообщения Гос. Эрмитажа, 1959, стр. 44, рис. 3, 4.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ПОД НОВОЧЕРКАССКОМ В 1962 г.¹

В 1962 г. завершены исследования на территории Новочеркасской ГРЭС. Исследованные курганы эпохи бронзы (№ 5—7) расположены на правобережной надпойменной террасе Дона, на участке между г. Новочеркасском и станцией Бессергеновской; в курганах открыто 46 погребений эпохи бронзы (9 — древнеямной, 19 — катакомбной и 18 — срубной культур).

Раскопки производились с применением землеройно-транспортных механизмов (скреперов и бульдозеров), как и при работах Волго-Донской экспедиции².

Трехслойная насыпь кургана 5 (диаметр свыше 50 м, высота 1,1 м) очень сильно пострадала от многолетних распашек и значительно разрушена глубокими колеями проселочной дороги. При исследовании же кургана 6 (диаметр свыше 40 м, высота 1,0 м) оказалось, что захоронения катакомбной и срубной культур совершены в небольшой естественный холмик, а курганная насыпь возведена лишь после устройства сарматской могилы³. Наиболее результативным в плане выяснения стратиграфии явился курган 7, не имевший значительных повреждений насыпи. Внешне курган представлял собой земляной холм, с пологим южным и более крутым и коротким северным склонами, высотой 3,5 м, диаметром 60 м. В кургане открыто 15 могил. Удалось установить, что насыпь его возведена в четыре приема:

I. Первоначальная насыпь покрывала четыре основные древнеямные могилы (№ 4, 6, 13, 14), которые до ее возведения были перекрыты, каждая в отдельности, лишь перепланированными выкидами из могильных ям.

II. Повторное увеличение кургана произошло сразу же после впуска через насыпь еще одного материкового древнеямного захоронения (№ 7).

III. Третья досыпка последовала после впуска через древнеямный курган трех глубоких катакомбных могил (№ 3, 5, 8).

IV. Четвертое увеличение насыпи последовало после впуска через все три слоя насыпи еще трех катакомбных могил (№ 9, 10, 15). Мощные линзы выкидов из глубоких материковых катакомб 9 и 15 лежали на поверхности третьего слоя насыпи и частично перекрывали друг друга. Принад-

¹ Раскопки Новочеркасского отряда под руководством автора (Кобяковская экспедиция — начальник С. И. Капошина).

² А. Д. Столяр. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК СССР 1950—1951 гг. — КСИИМК, вып. 50, 1953; А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. — КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 79.

³ С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. — КСИИМК, вып. 103, 1964, стр. 51.

лежность к этому этапу погребения 10 неоспорна; есть основание считать его впускным с поверхности последнего, четвертого слоя насыпи.

Последующие впускные захоронения (катакомбной культуры — № 11 и 12, срубной — № 1) введены в курган с поверхности последнего слоя и не повлекли за собой нового увеличения насыпи.

Древнеямные погребения (курган 5, погребения 20, 25, 26, 30; курган 7; погребения 4, 6, 7, 13 и 14). Захоронения совершены в материковые прямоугольные ямы, перекрытые деревом и камышом. Погребенные покоились в скорченном положении на спине или на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами. На дне могил сохранились остатки подстилки в виде глена темного цвета. Все костяки интенсивно окрашены в буровато-коричневатый цвет. Краской посыпано и все дно могил, иногда довольно плотным слоем. Во впускном погребении 7/7 наряду с краской произведена и подсыпка мела⁴. В основной могиле 5/26 совершено неполное сожжение перекрытия; толстого слоя камыша, лежавшего на плахах или жердях. Две из могил коллективные: 5/26 — тройная, 5/30 — парная. Каждое из коллективных захоронений единовременное. Лишь в одной из могил умершие были положены головами на восток (5/30), во всех других захоронениях погребенные ориентированы на запад.

Погребальный инвентарь древнеямных могил представлен в основном яйцевидными горшками с небольшими плоскими или округло-коническими днищами. Горшки изготовлены в технике ленточной лепки из глины с незначительными органическими примесями и с очень небольшим содержанием мелкого кварцевого песка, известняка и толченой раковины (последняя в тесте сосудов из погребений 5/20, 7/4, 7/14). Наружная сторона горшков слегка залощена, на внутренней — вертикально-наклонные следы от заглаживания гребенчатым штампом. Обжиг слабый, неравномерный, пятнами. На всех сосудах небольшой нагар от употребления. Горшки украшены отрисками двухвиткового шнура, образующими по плечикам ряд треугольников вершинами вниз, основанием которых служит двойная круговая линия этого же шнура — 5/20, 7/4, 7/6 (рис. 40, 3) — или горизонтальными рядами ногтевых отпечатков и «отступающей лопаточки» — 7/13 и 7/14 (рис. 40, 4, 5). В верхней части нескольких сосудов располагается горизонтальный ряд глубоких цилиндрических ямок.

Горшки имеют сходство с керамикой из других древнеямных погребений как смежных, так и весьма отдаленных районов. По системе расположения орнамента и его элементам устанавливается некоторая близость их с керамикой из верхнего слоя Михайловского городища (группа Б)⁵. У трех сосудов наклоненный внутрь край сосуда слегка закруглен и рельефно отчленяется от плечиков неглубоким круговым желобком. Ближайшую аналогию сосуды этого типа как по профилировке верхней части горшка, так и по орнаментации находят на соседней территории — в Саркельском курганном могильнике⁶, курган 51/19, погребение 5. Наиболее богатый инвентарь сопровождал погребенного в могиле 6, располагавшейся в центральной части кургана 7. Захоронение основное: на погребенной почве вокруг ямы лежал выкид суглинки. Могила — прямоугольная яма размером 1,7×1,3 м, глубиной 1,5 м. В заполнении могилы встречены обломки истлевшего деревянного перекрытия. На дне могилы — костяк взрослого человека, на спине, с сильно согнутыми ногами, лежавшими на правой стороне. Ориентирован головой на ЗСЗ (рис. 41, 1). Весь скелет и дно ямы интенсивно окрашены в буровато-коричневатый цвет. За спиной погребенного, у северной

⁴ Здесь и далее в тексте числитель дроби обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайловське поселення. Київ, 1962, стр. 103—105.

⁶ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 64, рис. 29, 2; А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.—МИА, № 62, т. I, стр. 409, рис. 47, 1.

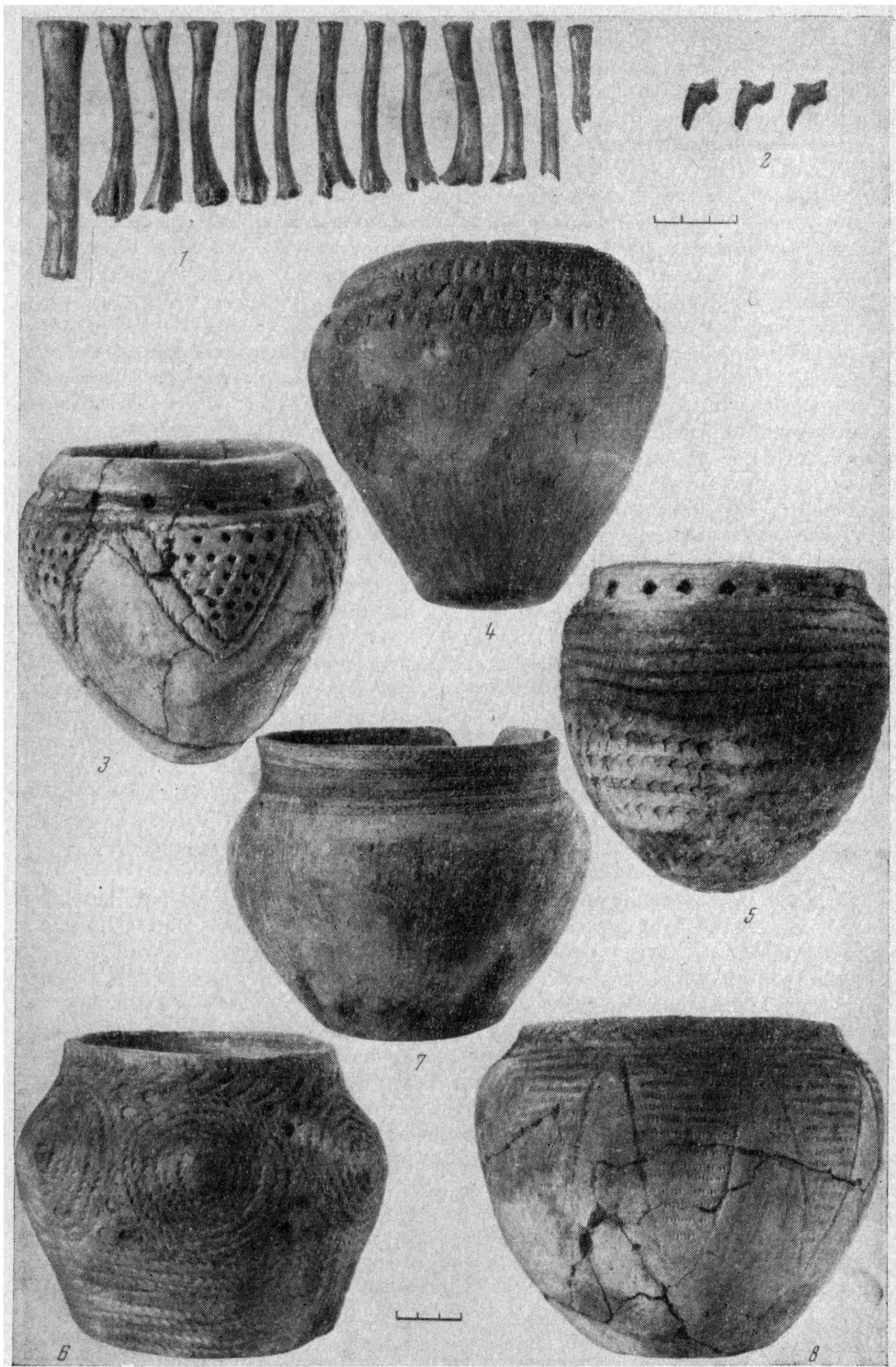

Рис. 40. Инвентарь из погребений курганов под Новочеркасском

1 — кости птиц из погребения 7/6; 2 — когти волка из погребения 7/6; 3—8 — горшки из кургана 7 (3 — погребение 11; 4 — погребение 13; 5 — погребение 14; 6, 8 — погребение 15; 7 — погребение 10)

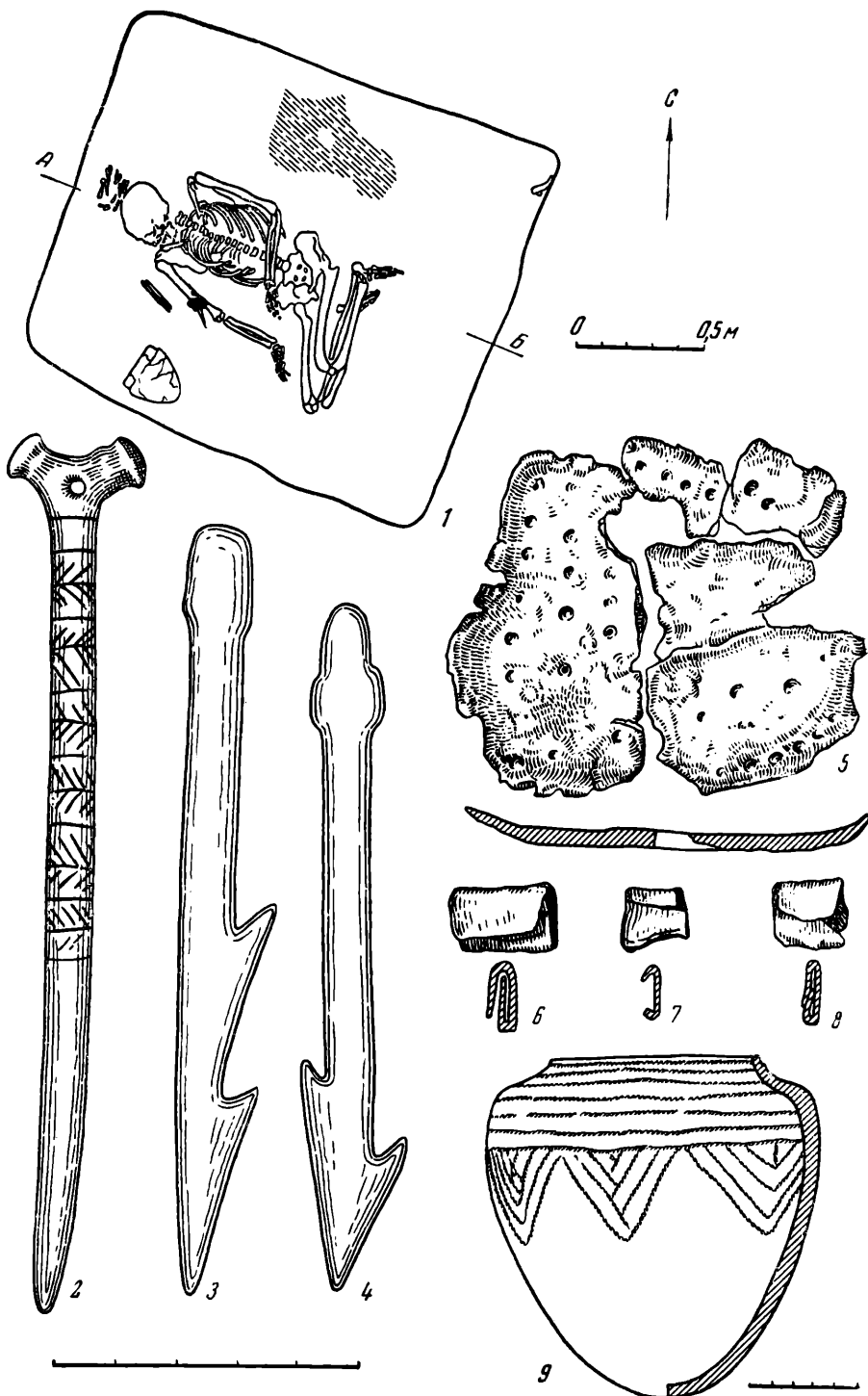

Рис. 41. 1 — план погребения 7/6; 2—9 — вещи из погребения 7/6

стенки ямы, краска лежала сплошным слоем. Под костяком сохранились остатки подстилки в виде рыхловатого тлена темного цвета. У юго-западной стенки находился яйцевидный орнаментированный горшок (рис. 41, 9). За головой погребенного лежали 13 птичьих обработанных костей, четыре когтя волка или крупной собаки и отщеп кремня. На черепе, ниже левой височной кости серебряная (?) спиралевидная подвеска (в 1,5 оборота). Около правого плеча — два костяных гарпуна. У правой плечевой кости находилась роговая орнаментированная молоточковидная булавка, на верхней части которой лежала бронзовая бляха украшенная пунсонным орнаментом. На внутренней стороне плечевой кости сохранились *in situ* три бронзовые бляшки — обоймицы. Расположение бляшек сохраняет, по-видимому, направление истлевшего ремешка (или тесьмы), на котором подвешивалась булавка с бляхой (рис. 41, 5). Кости птиц (рис. 40, 1) по характеру подбора, размерам и обработке (отпилен нижний эпифиз и обломана верхняя часть кости) наиболее сходны с набором птичьих костей из погребения у с. Скатовки в Поволжье, определенным И. В. Синицыным как музыкальный инструмент типа «флейта пана»⁷.

Предварительное лабораторное исследование нашей находки не позволяет по ряду признаков считать ее духовым инструментом. Губчатое вещество не удалено из канала ствола. Кости не скреплялись в жесткую систему, обычную для инструмента типа сиринги, — об этом свидетельствует их беспорядочное положение в могиле и ровная круговая заполированность каждой кости в результате продолжительного употребления. Отпадает и предположение о «заготовке» духового инструмента — на крае спилов находятся следы заглаженности этого же происхождения. Нет оснований считать кости и макетом флейты, специально изготовленным для положения в могилу. Изломы костей как акт преднамеренной порчи инструмента в этом случае не должны, разумеется, иметь следов затертостей.

Следует отметить и факт трепанации черепа, впервые зафиксированный в древнемном захоронении нижнего Дона. На черепной коробке одного из погребенных в могиле 5/30, в области затылочной и теменной костей имеется искусственное отверстие. Сравнение с трепанированными черепами из II Бережновского могильника устанавливает чрезвычайно близкое сходство в характере обработки краев отверстия, размере и месте его на черепной коробке⁸. Аналогичное искусственное отверстие имеется и на черепе, известном по раскопкам А. А. Городцова на Северском Донце⁹. Трепанация черепа из наших раскопок произведена, вероятно, в целях излечения. Хирургическое вмешательство не явилось непосредственной причиной смерти — диплоэ в месте отверстия успело к этому времени полностью закрыться; по-видимому, здесь имела место прижизненная операция. Сходным приемом произведена трепанация черепов двух погребенных в Одесском кургане — могилы 16 и 26¹⁰. При этом на одном из черепов имеются явные следы зарастания трепанационного отверстия¹¹.

Представляет интерес и редчайший случай отпечатка на костях скелета детали орнамента, украшавшего обувь погребенного. На правой берцовой кости погребенного (к сожалению, сильно фрагментированной) в могиле 7/7

⁷ И. В. С и н и ц ы н. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции.—КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 78—79, рис. 33; он же. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).—МИА, № 60, 1959, стр. 162, 184, рис. 56.

⁸ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники в низовьях Ерусалана.—МИА, № 78, 1960, стр. 15, 145.

⁹ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г.—Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 209, табл. XII, 5.

¹⁰ А. В. Д о б р о в о л ь с к и й. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка Романовка.—ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915.

¹¹ Д. К. Т р е т ь я к о в. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке Романовке.—ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 29.

сохранился слабый отпечаток орнамента. Вероятно, на кости отложилась краска, которой были расписаны сапоги, надетые на покойном. Геометрический орнамент — узор в виде диагонально разделенных ромбов — образован пересекающимися полосами, состоящими из четырех параллельных линий.

Погребения катакомбной культуры (курган 5, погребения 11, 13, 15; 19; 21, 22, 24, 29; курган 6, погребения 6, 11; курган 7, погребения 3, 5, 7—12, 15). Все могилы впускные (в кургане 6 — в естественный холмик). Два захоронения совершены в прямоугольные ямы — 5/11 и 7/12; все остальные — в катакомбные камеры. Преобладает радиальное расположение могил по периферии кургана, камерой в сторону вершины. Погребенные в камерах лежали в основном на правом боку в скорченном положении, лицевой частью черепа в сторону входа в катакомбу, ориентировка зависит лишь от места могилы в кургане. Погребенные лежали на подстилке. Охра обнаружена во всех могилах. Полностью окрашены костяки в более ранних катакомбах; в стратиграфически более поздних могилах охры очень мало — слабо окрашены лишь кости голеней или стоп и черепа. Семь могил коллективные: 5/15, 5/19, 5/21 — парные, 5/24, 7/9, 7/11 и 7/12 — тройные. В одной из них (катакомбе 7/9) последнее захоронение совершено после значительного перерыва.

Стратиграфическое взаиморасположение могил свидетельствует об отнесенности позднем этапе захоронений, произведенных в прямоугольные ямы. На сосудах из этих могил и стратиграфически поздних катакомбных захоронений нанесены оттиски плетеной тесемочки (рис. 40, 7) и мелкозубчатого штампа, образующие елочный остроугольный узор. Могил с типичной керамикой донецкого облика немного. Наиболее выраженные элементы орнамента керамики донецкого варианта имеет горшок из катакомбы 7/15 (рис. 40, 6), почти тождественный сосудам из погребений Северского Донца¹². Могилам этого типа (донецкого варианта) стратиграфически предшествуют несколько катакомбных захоронений, которые возможно выделить в отдельную группу (5/24, 6/6, 6/11, 7/5, 7/8, 7/9). Они отличаются четкой выработанностью форм глубоких материковых катакомб, обилием охры и наличием в инвентаре лишь «жаровен» из крупных фрагментов больших сосудов. Обращает внимание некоторая необычность орнаментального узора, выполненного оттисками веревочки и в одном случае — «отступающей лопаточки».

Кроме посуды, найдены каменные предметы (шлифованный топор — погребение 5/29, навершие булавы — погребение 5/21 и цилиндрический пест — погребение 6/6), бронзовые ножи и украшения из кости и металла.

Погребения срубной культуры (курган 5, погребения 1—6, 8, 12; 14; 16; курган 6, погребения 1—3, 5, 8, 9 и курган 7, погребение 1). Все могилы впускные в насыпи (в кургане 6 — в естественный холмик). Погребения одиночные, произведены в небольшие прямоугольные ямы без перекрытий. Погребенные лежали на левом, реже на правом боку, с сильно согнутыми руками и ногами, головой на северо-восток.

Инвентарь погребений состоит только из посуды: простых горшков баночной формы, с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Выделяется один остроредерный горшок биконической формы с небольшим отогнутым венчиком (5/16). По плечикам сосуда нанесен крупнозубчатым штампом орнамент: две параллельные линии с зигзагом между ними.

Предварительный анализ материалов раскопок позволяет сделать некоторые выводы. Открытые захоронения древнеямной культуры по устройству могил, основным чертам ритуала и погребальному инвентарю имеют много общего с аналогичными памятниками как смежных, так и территориально отдаленных районов ареала древнеямной культурной области. Но при об-

¹² А. В. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. — Труды XIII АС, т. I. М., 1907, табл. XIII, рис. 2, 5.

шем сходстве основных черт погребального обряда обращает на себя внимание одна характерная особенность ритуала — западная ориентировка погребенных, что является полной антитезой «традиционному» древнеямному положению умерших головами на восток или северо-восток. Раскопки последних лет показали стабильность западной ориентировки, доминирующей в захоронениях Нижнего Подонья¹³.

Следует отметить, что на нижнем Дону западная ориентировка погребенных характерна как для основных могил с архаическими чертами обряда, так и для относительно поздних впускных захоронений. В связи с этим мнение А. И. Тереножкина о западной ориентировке как позднем хронологическом признаке, основанное на учете сравнительно большего количества металла в этих могилах, приемлемо лишь для определенной серии захоронений Молочанской группы памятников Приазовья¹⁴.

При рассмотрении захоронений катакомбной культуры обращает на себя внимание, что погребения в прямоугольных ямах являются стратиграфически наиболее поздними. Это пока единственное наблюдение позволяет с большей осторожностью подходить к определению этой группы могил на территории Нижнего Подонья как группы захоронений ямно-катакомбного типа, сочетающих элементы обряда древнеямной и катакомбной культуры¹⁵.

---

¹³ С. И. Капашина. Памятники эпохи бронзы и сарматского времени на нижнем Дону (по итогам работ Кобяковской экспедиции).— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 40—41; А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье.— КСИА, вып. 103, 1964.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 71.

¹⁵ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 63.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ

СЛОЙ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
БОЛГРАДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ(по раскопкам 1961—1963 гг.)¹

В последние годы на территории южной части междуречья Дуная и Днестра обнаружено значительное количество памятников эпохи поздней бронзы, которые имеют важное значение для изучения истории Северо-Западного Причерноморья².

Один из самых западных памятников — Болградское поселение — расположен на северо-западной окраине г. Болград Одесской обл., на мысу второй террасы восточного берега оз. Ялпух³. Мыс образован впадающим в озеро ручьем. Высота над уровнем озера 14 м. Длина поселения около 500 м, ширина 50—70 м. Для изучения характера культурного слоя поселения в 1961—1963 гг. были проведены раскопки у края берега: над обрывом (раскоп 1) и в средней части поселения (раскоп 2 и разведочная траншея). За три года раскопано около 500 кв. м площади поселения. Установлено, что поселение многослойное: самый нижний слой принадлежит впервые открытой на территории СССР энеолитической культуре Гумельницы, над которым выше залегают слои эпохи поздней бронзы, античного и славянского времени. Для нас в данном случае особый интерес представляет слой эпохи поздней бронзы, лежащий на глубине от 25 до 90 см. Различные находки и комплексы, связанные с этим слоем, обнаружены в раскопах 1 и 2. В северо-западной части раскопа 1 на глубине 0,31—0,57 м открыты остатки прямоугольной каменной постройки, размером 7 × 4 м (рис. 42). Основание постройки составляли крупные плоские камни известняка (30 × 20 см), стены сложены из более мелких камней (15 × 20 см). В некоторых местах кладка сохранилась в два-три ряда. В южном углу сооружения находилась хозяйственная яма диаметром 1,7 м, глубиной 1,55 м. Южнее каменной постройки I, в 3 м, находилась еще одна яма (Г) хозяйственного назначения. В каменной постройке I и хозяйственных ямах обнаружены обломки более 15 сосудов баночной формы, горшков с отогнутым наружу венчиком, сосудов, украшенных под венчиками налепными валиками и

¹ Переработанный доклад, прочитанный на секции энеолита и бронзы сессии Института археологии АН СССР и Института этнографии АН СССР 2 апреля 1964 г. в г. Москве.

² А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г.—КСИИМК, вып. 84, 1961, стр. 116—122; И. Т. Черняков. Новые находки памятников сабатиновского типа в северо-западном Причерноморье.—КСИА, вып. 102, 1964.

³ Раскопки на Болградском поселении проведены Молдавской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Институтом истории АН МССР под руководством Т. С. Пассек (Е. К. Черныш. Многослойное поселение у г. Болград Одесской обл.—КСОПИ, Одесса, 1964, стр. 24—30). Слой эпохи поздней бронзы в значительной мере разрушен хозяйственной деятельностью человека в более поздние эпохи.

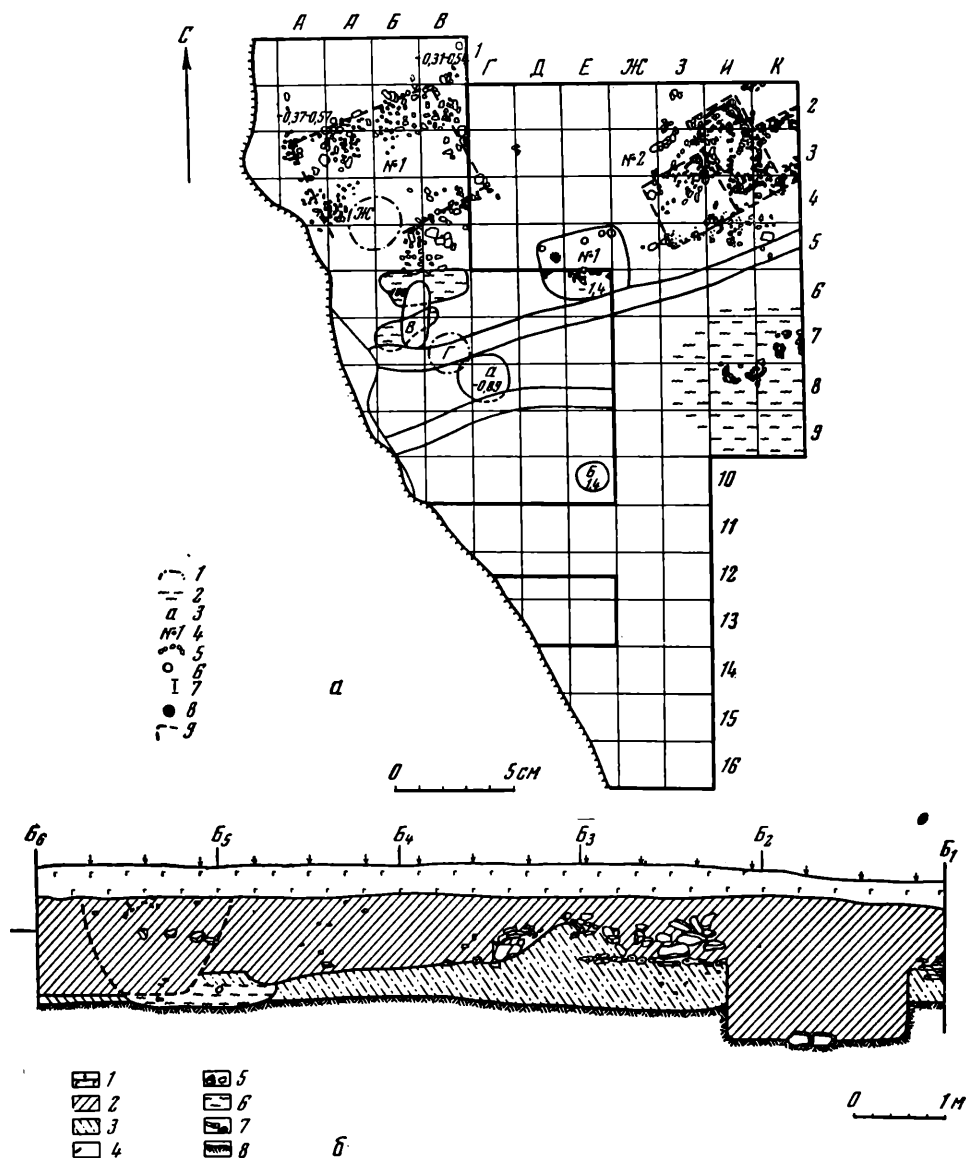

Рис. 42. Болград. Раскоп 1

- а) план: 1 — ямы бронзового века; 2 — зола; 3 — граница ямы; 4 — славянская землянка; 5 — каменные основания стен построек бронзового века; 6 — ямы от столбовой землянки; 7 — жилище бронзового века; 8 — очаг; 9 — контуры жилищ бронзового века;
- б) разрез по линии Б: 1 — дерн; 2 — культурный слой эпохи бронзы; 3 — культурный слой Гумельниц; 4 — кости; 5 — камни; 6 — зола; 7 — глиняная обмазка; 8 — материк (супесь)

«расчесами» мелкозубчатого штампа (рис. 43, 3, 13, 14; рис. 44, 6, 8, 10, 12, 13).

Лучше сохранился каменный фундамент и развалы стен постройки II⁴, расположенной в 8 м восточнее каменной постройки I, на глубине 0,03—0,53 м. Прямоугольная постройка была трехкамерной; длина всей постройки 6,5 м, ширина крайних камер 2,8 м, средней — 3,8 м; общая площадь постройки — около 20 кв. м. Каменная постройка II по длинной оси ориенти-

⁴ Сооружение полностью не раскрыто, его восточный угол уходит в борт раскопа.

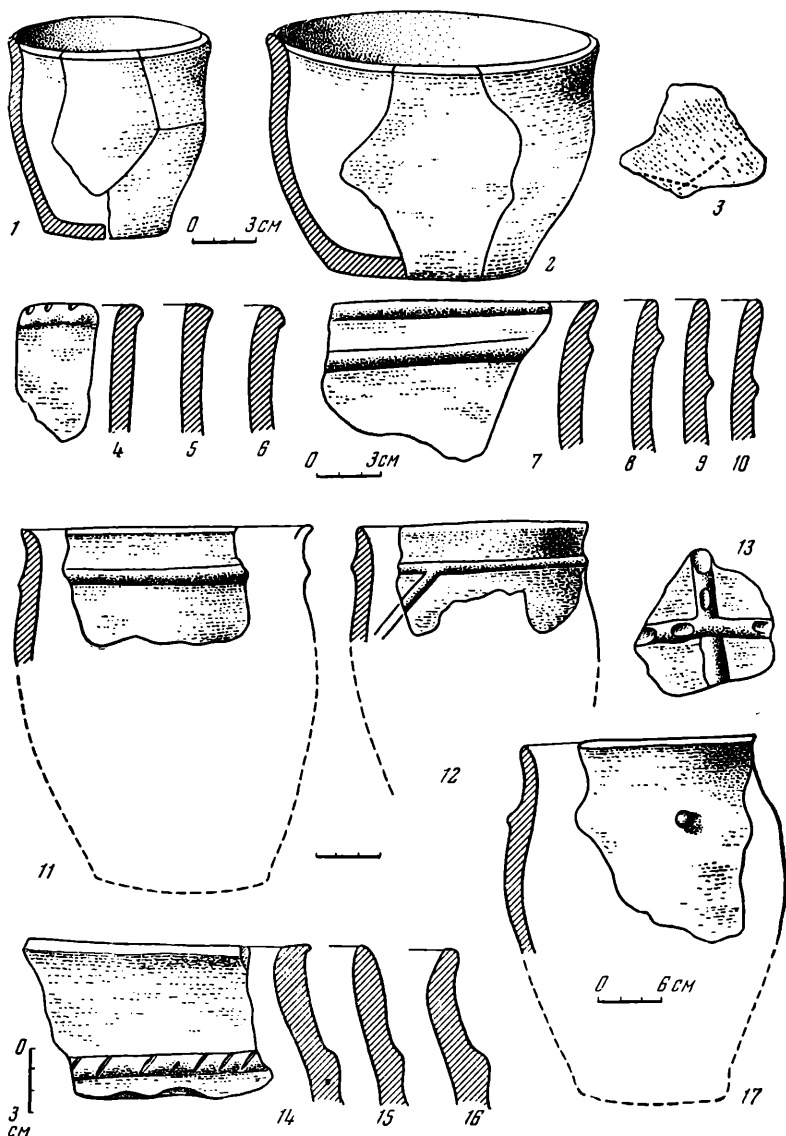

Рис. 43. Болград. Керамика из слоя эпохи поздней бронзы

рована так же, как и строение I, с юго-запада на северо-восток. Нижние камни фундамента постройки были положены в ряд в специально вырытую для фундамента траншею. Кладка производилась, вероятно, на земляном растворе. Наиболее крупные камни ($0,30 \times 0,40$ м) составляли фундамент, из мелких ($0,15 \times 0,25$ м) сложены стены каменного сооружения; камни для постройки добывали рядом с поселением (в 300—500 м), где имеются выходы известняка на поверхность. Возможно, у древней постройки из камня были выложены только фундамент и нижняя часть стены. Постройки, судя по их небольшим размерам и площади, были невысокими. В юго-западной камере, в ее северо-восточном углу, были обнаружены остатки овального в плане пода очага ($0,80-0,45$ м), выложенного из небольших каменных плиток, перекрытых слоем мелкого окатанного гравия (толщина около 3—5 см), над гравием — тонкий слой глиняной обмазки (около

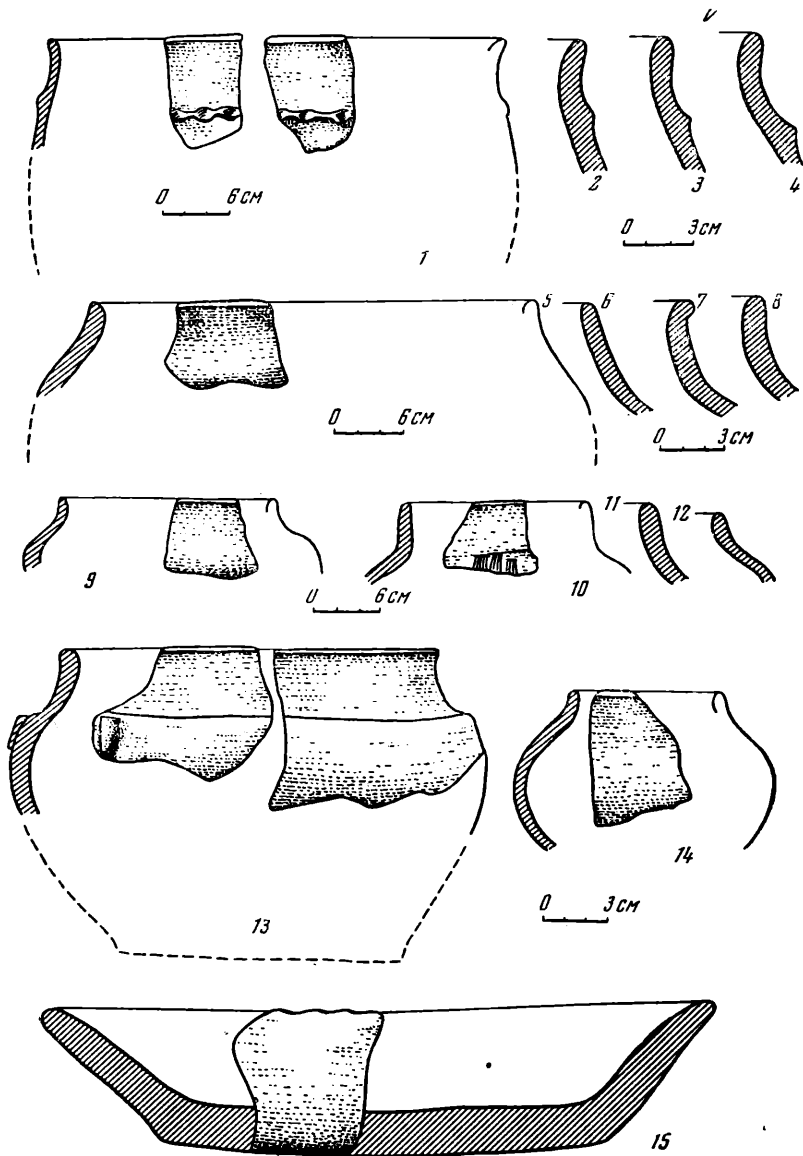

Рис. 44. Болград. Керамика из слоя эпохи поздней бронзы

2,5 см). Недалеко от очага найден обломок глиняной миски (сковородки) (рис. 44, 15). Других находок в жилище не обнаружено.

В 3—4 м к югу от постройки II был открыт зольник диаметром 7—8 м⁵, толщина слоя в центре 0,50—0,60 м. В зольнике обнаружено большое количество крупных обломков керамики (около 25 сосудов) и кости животных. Среди керамики — обломки двух горшков, обломки больших глиняных пифосообразных сосудов с двумя-тремя валиками, обломки горшков с нешироким горлом (рис. 44, 9—14), обломки сосудов баночной формы, под венчиками которых наклеплен валик (рис. 43, 7, 11, 12). Основная масса находок была сосредоточена в центре зольника.

⁵ Зольник нарушен более поздней траншеей, проходящей с востока на запад.

Остатки сильно разрушенной кладки были обнаружены и на раскопе 2, расположенном к северо-востоку от раскопа 1.

По форме сосудов керамику из слоя поздней бронзы Болградского поселения условно можно разбить на шесть групп. Первая группа — небольшие сосуды баночной формы (рис. 43, 4—6) или со слабовыраженным ребром (рис. 43, 1, 2). Венчик слегка отогнут наружу, край венчика скошен внутрь либо срезан под прямым углом. В одном случае по краю венчика нанесены вдавления палочкой (рис. 43, 4). Диаметр сосудов 8—15 см, высота 8—10 см. Тесто с примесью толченого известняка или шамота. Поверхность гладкая, в некоторых случаях обработана мелкозубчатым штампом. Обжиг неравномерный и слабый: черепки в изломе темные, поверхность черепков желтоватого или красноватого оттенков.

Вторая группа — большие сосуды (корчаги) банкообразной формы со слегка раздутыми боками и немного суженным дном (рис. 43, 7—17). Венчик отогнут наружу, под венчиком на расстоянии 3—5 см — налипной ребристый валик. Венчики сосудов разнообразной формы: со скошенными внутрь краями (рис. 43, 7—12), закруглены (рис. 43, 15), прямые (рис. 43, 14), с выемкой изнутри (рис. 43, 16). Валик чаще всего гладкий (рис. 43, 7—11), иногда украшен насечками (рис. 43, 14) или пальцевыми вдавлениями (рис. 44, 1). Один из обломков стенки сосуда украшен расчлененными крестообразно пересекающимися валиками (рис. 43, 13), второй — валиком, от которого вниз под острым углом по тулову сосуда спускается еще один валик (рис. 43, 12). Интересен фрагмент сосуда второй группы, украшенный небольшим соскообразным налетом на плечике сосуда. Диаметр горла сосудов 20—57 см. Стенки сосудов гладкие или обработаны мелкозубчатым штампом, отпечаток которого сохранился на одном из обломков стенки сосуда. Штамп состоял из 11—12 зубчиков, имеющих ширину около 1 мм (рис. 43, 3). Масса с примесью шамота, излом — черный, поверхность розоватого или желтоватого цвета.

Третья группа — обломки горшков с узким горлом (рис. 44, 5—11). Края венчиков прямые или слегка отогнуты наружу. Поверхность гладкая, в редких случаях залощена (рис. 44, 13, 14) или обработана мелкозубчатым штампом (рис. 44, 10). К этой же группе примыкают и совсем миниатюрные сосуды с лощеной поверхностью (рис. 44, 14). У некоторых сосудов при переходе от шейки к бокам имеется уступ, под которым расположен вертикальный налет. Диаметр венчиков сосудов от 6 до 40 см. Масса плотная, без заметных примесей, излом серого или желтоватого цвета.

Четвертая группа представлена обломками двух черпаков с поднятыми вверх плоскими ручками (возможно, они были двуручными), с круглым дном, в центре едва заметные небольшие углубления. Поверхность залощена. Масса без заметных примесей, излом серого цвета. Диаметр венчиков 12—13 см, высота 5—6,5 см.

Пятая группа — обломок глиняной массивной миски (или сковородки) со скошенными во внутрь краями, по краю пальцевые вдавления (рис. 44, 15). Масса грубая, с примесью известняка и шамота, обжиг слабый.

Шестая группа — обломки больших пифосообразных сосудов, стенки которых украшены двумя-тремя массивными валиками. Под венчиком одного из таких сосудов находился расчлененный валик. Диаметр сосудов около 80—120 см, толщина стенок 2—2,5 см. В глине растительные примеси, толченый известняк, шамот.

Особый интерес представляет обломок доньшка сосуда с отпечатками тонкой ткани.

Керамика первой группы Болградского поселения аналогична керамике из скорченных погребений эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье (курганы в бассейне южного Прута, в Молдавии⁶, у с. Киселово под

⁶ Коллекции хранятся в Археологическом музее Академии наук МССР в Кишиневе.

Одессой⁷, погребения на Никопольском курганном поле⁸). Подобные формы сосудов широко распространены в памятниках срубной культуры от Волги до Дуная⁹. Керамика второй группы характерна для памятников сабастиновского типа срубной культуры в Северо-Западном Причерноморье (Сабатиновка, нижний слой Ушколки¹⁰, Пересадовское поселение¹¹) и имеет аналогии в керамике культуры Ноа в Румынии, лесостепной Молдавии и Западной Украине¹². Аналогичный обломок сосуда с валиком, от которого на плечики спускается косой валик, найден на поселении Сабатиновка¹³, Анатольевка-Клуна¹⁴. Обломки керамики, украшенные перекрещивающимися отпечатками мелкозубчатого штампа, известны на поселении Васьицево на Дону, а украшения в виде соскообразных налепов на плечиках сосуда — на поселении Кобяково¹⁵.

Керамика третьей, четвертой и пятой групп более характерна для памятников белозерского этапа срубной культуры (Тудорово¹⁶, Бабино IV¹⁷; верхний слой Ушколки, поселение на Белозерском лимане¹⁸). Довольно редкую находку представляют обломки пифосообразных сосудов, найденные на Болградском поселении (шестая группа). Они известны на немногих поселениях сабастиновского типа: Кирово на Керченском полуострове¹⁹, Табаки, расположенное в 4 км севернее г. Болграда, где производил разведки Л. С. Субботин. Керамика слоя эпохи поздней бронзы Болградского поселения имеет аналогии в керамике и сабастиновского, и белозерского этапов. Различные группы керамики, выделенные нами, имеют различное хозяйственно-бытовое назначение и встречаются все вместе, например в зольнике. Поэтому можно, вероятно, слой эпохи поздней бронзы Болградского поселения отнести к самому концу сабастиновского этапа, ко времени перехода к белозерскому этапу.

Остатки каменного домостроительства, подобного постройкам Болградского поселения, известны на Сабатиновском²⁰, Волошском²¹, Пересадовском²², Змиевском²³, Черевичном²⁴ поселениях. Особенно близки к бол-

⁷ Фонды ОГАМ, № 62493, 62492.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, стр. 51, рис. 14, 2, 4, 5.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, стр. 29, рис. 3, 1—4; стр. 93, рис. 20, 1а, 1б, рис. 21, 2а, 2б, 2в и др.

¹⁰ Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я.— Археологія, т. XII, 1961, стр. 3—15.

¹¹ Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле.— СА, 1960, № 4, стр. 76—90.

¹² Ср. Andrian Florescu. Contribuții la cunoașterea culturii noua.— Arheologia Moldovei, II—III, 1964, стр. 149, рис. 2, 8; стр. 151, рис. 4, 2.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 125, рис. 28, 15.

¹⁴ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской обл.— КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 78, рис. 28, 7.

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 93, рис. 20, 8; стр. 105, рис. 24, 7, 8.

¹⁶ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 116—122.

¹⁷ В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино.— КСИИМК, № 5, 1955, стр. 20 и сл.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане.— КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 74 и сл.

¹⁹ Материалы из раскопок А. М. Лескова хранятся в фондах Института археологии в Киеве.

²⁰ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення.— АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 84 сл.

²¹ А. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр.— АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 165.

²² Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 76.

²³ А. В. Бураков. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївка.— АП, т. X, Київ, 1961, стр. 33.

²⁴ М. С. Синицын. Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману.— МАПП, вып. 2. Одесса, 1959, стр. 135—150.

градским остатками построек, обнаруженные на Змиевском поселении, которые А. В. Бураков относит также ко времени между Сабатиновкой и Бабино IV. Большой интерес представляет трехкамерная постройка (жилище II) Болградского поселения. Каждая из камер, наверное, имела свое особое хозяйственное назначение. Одна из камер, возможно, использовалась только для кухни, в ней одной только обнаружены остатки пода очага. Своеобразным является близкое расположение к жилищу II зольника, насыщенного большим количеством обломков костей и керамики. Зольники наиболее характерны для памятников поздней бронзы лесостепной Молдавии, входивших в ареал культуры Ноа²⁵. Происхождение зольника на Болградском поселении связано с существованием жилища II. Он возник в результате выбрасывания на одно и то же место очажной золы, обломков разбитой посуды и другого бытового мусора.

Изучение слоя поздней бронзы Болградского поселения должно быть продолжено. Оно несомненно прольет свет на недостаточно изученную до сих пор историю Нижнего Придунавья и всего Северо-Западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы, связанную с фрако-киммерийской проблемой.

---

²⁵ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, № 96, 1961, стр. 6.

Г. И. АНДРЕЕВ, Ю. М. ФОМИН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА р. ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА

В результате полевых работ 1961—1963 гг., носивших разведывательный характер, в среднем течении р. Подкаменной Тунгуски были открыты первые археологические памятники¹.

В 1964 г. обследован бассейн нижнего течения р. Подкаменная Тунгуска. Дополнительные сборы материалов на поселении в пункте № 1 у поселка Байкит в среднем течении р. Подкаменная Тунгуска наряду с уже известной керамикой, украшенной отпечатками отступающей лопаточки в виде противопоставленных треугольных зон, обнаружили фрагменты сосудов, покрытых узорами, выполненными гребенчатым штампом (рис. 45, 6, 7, 9). Как вновь обнаруженные, так и ранее известные фрагменты совершенно тождественны обломкам посуды на поселении в Чадобце на средней Ангаре.

В 1964 г. было обследовано поселение у поселка Полигус², которое находится в 120 км ниже по течению р. Подкаменная Тунгуска от поселка Байкит, на правом берегу реки на террасе высотой около 10 м, сложенной внизу из суглинков бурого-серого цвета, мощностью около 4 м. Выше этих суглинков лежит примерно такой же толщины слой супеси бурого и желтого цвета. Все это прикрыто сверху 1—1,5-метровыми отложениями болотного типа с корневищами. Поскольку в высокую воду терраса эта заливается, а берег сложен из довольно рыхлых пород, здесь наблюдается очень быстрое разрушение террасы: за последние десятилетия размыто около 30—40 м в глубину террасы, общая ширина которой в настоящее время достигает в различных местах Полигуса от 30 до 150—200 м.

В 1963 г. здесь были собраны лишь отщепы и пластины, а в 1964 г. обнаружено довольно много различных предметов из камня и обломки керамики.

Среди каменных изделий довольно много ножей. Один из них большой, листовидный, напоминающий каменные кинжалы из серовских могил³, поломан. Сделан он из кремнистого сланца очень плохого качества и грубо обработан.

¹ Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски.—СА, 1965, № 3; Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска.—КСИА, вып. 101, 1964, стр. 94—98; Г. И. Андреев, П. П. Пашкин. Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни.—Там же, стр. 99—101.

² Поселение открыто в 1963 г. охотником Т. И. Старкопфом, собранный им материал передан в ИА АН СССР.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II.—МИА, № 18, 1950, рис. 63.

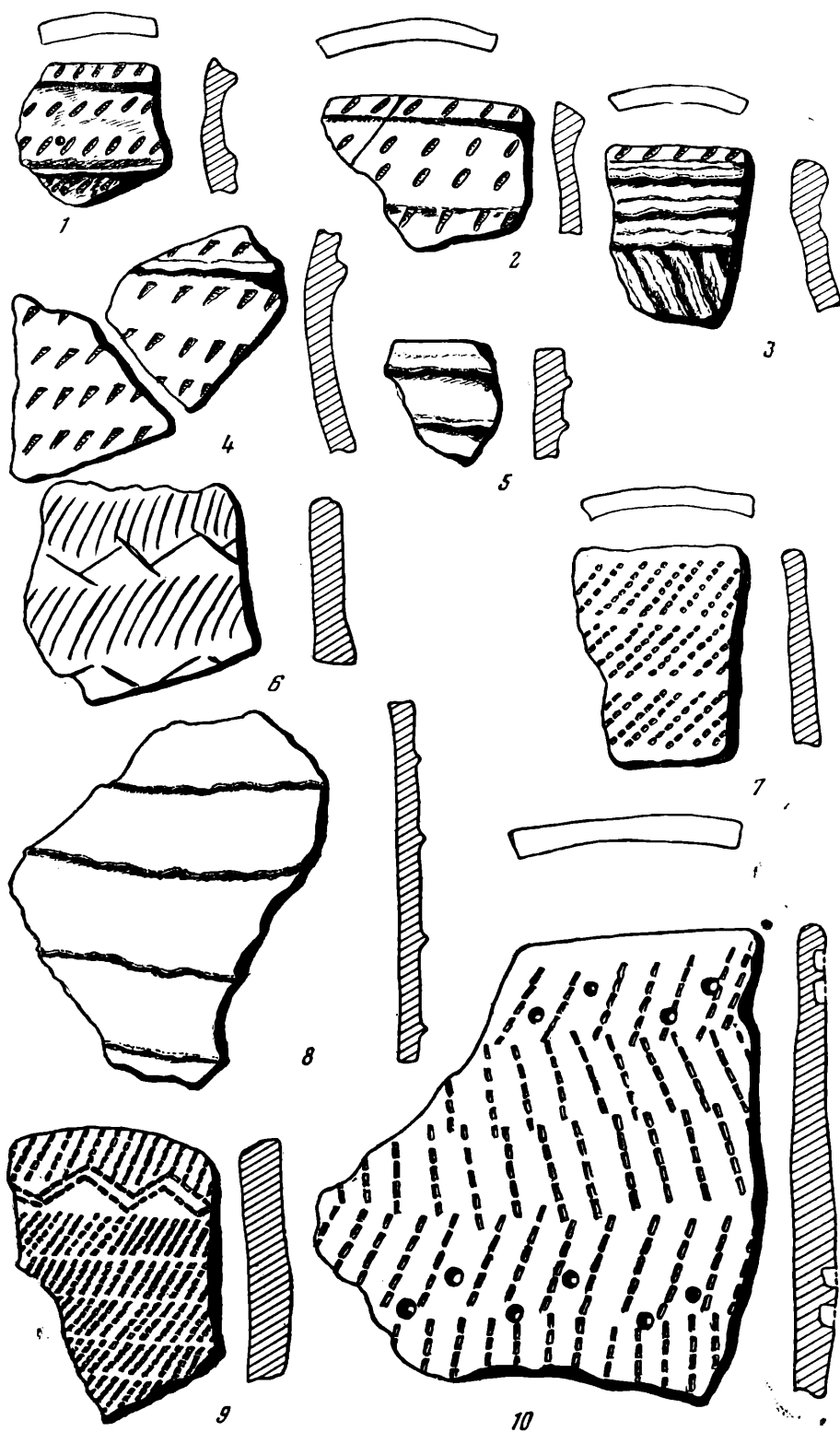

Рис. 45. Керамика из Байкита, Полигуса, Коченята и Подкаменной Тунгуски
 1, 2, 4, 5, 8 — Коченята; 3 — Полигус; 6, 7, 9 — Байкит; 10 — Подкаменная Тунгуска

Два других ножа были значительно меньших размеров. Они близки одному из серовских ножей, обнаруженных в погребении 2 в Серово⁴. Лезвия одного из них отретушированы пильчатой ретушью. Найдены и другие орудия, по-видимому, незаконченные. Одно из них — грубый остроконечник — предназначался, видимо, для изготовления крупного наконечника стрелы или дротика; другое, более массивное, служило заготовкой односторонне-выпуклого тесла, подтреугольного в сечении.

Обнаружены также два небольших конических нуклеуса, пластины и отщепы, точильный или шлифовальный камень. Из одной пластины темной ороговикованной породы сделан вкладыш. Сторона его, вставлявшаяся, видимо, в костяную обойму, покрыта притупляющей ретушью. Рабочий край не обработан, покрыт мелкими заломами и зашлифован в результате работы. Здесь найдены также небольшие обломки орудий с хорошей заполировкой.

Керамика, собранная на поселении, хотя и немногочисленна, но разнообразна. Прежде всего, это обломки сосудов, наружная поверхность которых напоминает поверхность сосудов из погребений исаковских или серовских могильников. Поверхность их покрыта сетчатыми отпечатками⁵.

Имеются фрагменты, покрытые ложнотекстильными отпечатками. Эта керамика, видимо, близка керамике из Фофановского могильника на Селенге⁶, а также ленской керамике, обнаруженной на оз. Ымыляхтаах⁷ или на р. Куллаты⁸.

Очень своеобразна керамика, украшенная узкими зашипными валиками, расположенными под углом друг к другу (рис. 45, 3). Подобный узор на других поселениях Подкаменной Тунгуски нам пока неизвестен, но такая керамика известна на Ангаре⁹. Обломки сосудов, украшенные зашипными валиками, обнаруженные в 1963 г. в Байките, отличаются тем, что там зашипные валики расположены горизонтальными рядами один под другим¹⁰.

Следующим пунктом, где в 1964 г. производилось обследование, был поселок Коченята, расположенный километрах в 50 ниже по течению Подкаменной Тунгуски, на левом берегу реки. Остатки поселения обнаружены чуть ниже устья р. Дягдагли, на высокой террасе (до 10—11 м), заливаемой в большую воду.

Культурный слой с остатками обожженного песка и угольками залегал в слое однородной серовато-бурой супеси на глубине около 1,7 м¹¹; довольно беден находками. В нем найдены лишь обломки керамики двух типов. Одни фрагменты украшены подтреугольными отпечатками гребенчатого штампа. Оттиски эти расположены довольно далеко друг от друга (рис. 45, 4). Венчики от этих сосудов скошены наружу и украшены оттисками мелкой гребенки, поставленной наискось по отношению к краю венчика. Другие обломки (часть их принадлежала, видимо, одному сосуду) украшены овальными

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II.—МИА, № 18, 1950, стр. 197, рис. 40, нижний ряд, слева.

⁵ А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 20, 21, 48, 49.

⁶ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III.—МИА, № 43, 1955, стр. 199, рис. 89.

⁷ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству. М.—Л., 1955, стр. 95, рис. 27.

⁸ Там же, стр. 147, рис. 46.

⁹ А. П. Окладников. Погребение бронзового века в Ангарской тайге.—КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 109.

¹⁰ Г. И. Андреев и Ю. М. Фомин. Указ. соч., стр. 96, рис. 27, 3, 8.

¹¹ Очень интересно, что в Байките, в пункте 3, где были зафиксированы остатки культурных слоев *in situ*, они также располагались на глубине 1,75 м. Что это — случайное совпадение или определенная закономерность? (см. Г. А. Андреев и Ю. М. Фомин. Указ. соч., стр. 95).

отпечатками гребенчатого штампа. Вся керамика из Коченят довольно тонкостенна и хорошо обожжена.

Керамика второго типа представлена обломками сосудов, орнаментированных невысокими защитными валиками, располагавшимися на сосуде горизонтально один под другим (рис. 45, 5, 8). Орнамент этот был широко распространен в Прибайкалье¹², на Лене¹³ и верхнем Вилюе¹⁴ в эпоху поздней бронзы и раннего железного века.

Керамика первого типа близка, видимо, одной из групп керамики из поселения Сургутиха, расположенного выше устья реки того же наименования (левого притока Енисея)¹⁵, а также керамике, найденной у Жиганска на Лене¹⁶.

В 1964 г. было произведено обследование еще одного поселения, расположенного в устье Подкаменной Тунгуски, на правом берегу реки, близ поселка того же наименования¹⁷.

Поселение расположено на террасе высотой около 9 м, которая имеет здесь примерно то же строение, что и в Коченятах. Поселение сравнительно хорошей сохранности, оно не разрушается так быстро, как в Усть-Камо, Байките или Полигусе. Это создает возможности для его дальнейших раскопок. Сравнительно небольшое количество находок, видимо, объясняется слабой разрушенностью берега.

Из каменных орудий заслуживают внимания небольшое подчетыреугольное в сечении тесло из серого кремнистого сланца и конический одноплощадочный нуклеус; найдены также пластины и отщепы.

Керамика, собранная в 1964 г., значительно отличается от керамики, обнаруженной здесь в 1958 г. Р. В. Николаевым.

В 1964 г. совершенно не найдено фрагментов с прочерченными узорами¹⁸, а также сосудов с «личиночным» орнаментом¹⁹. Зато здесь обнаружены фрагменты сосудов, поверхность которых покрыта сетчатыми отпечатками. Эта керамика совершенно тождественна одной из групп керамики Полигуса. Кроме того, имеются обломки сосуда с прямым венчиком, украшенного гребенчатым орнаментом и небольшими, попарно расположенными неглубокими ямками (рис. 45, 10). Такой орнамент нам неизвестен пока ни на одном из поселений Подкаменной Тунгуски.

Находки 1961—1964 гг., обнаруженные на различных поселениях Подкаменной Тунгуски, позволяют уже теперь высказать некоторые предварительные соображения.

Прежде всего они свидетельствуют об определенном сходстве в чертах материальной культуры племен, населявших бассейн р. Подкаменная Тунгуска, с населением, жившим южнее, т. е. в бассейне среднего течения Ангары. Об этом говорит тождественность ряда материалов из поселения в Байките (пункт № 1) на Подкаменной Тунгуске и материалов из поселка Чадобец на средней Ангаре.

¹² А. П. Окладников. Погребение бронзового века в Ангарской тайге, стр. 109.

¹³ А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946, табл. XVI, 5; табл. XX, 8.

¹⁴ С. А. Федосеева. Древние культуры Верхнего Вилюя. Автореферат канд. дисс. Новосибирск, 1965, стр. 20.

¹⁵ Р. В. Николаев. Материалы к археологической карте севера Красноярского края.— Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, стр. 127, 128, табл. 1; стр. 129, табл. 3, 1, 6.

¹⁶ А. П. Окладников. Якутия до присоединения..., стр. 117, рис. 34, 11; Р. В. Николаев. Указ. соч., стр. 130. Однако материалы этих сборов не идентичны нашему.

¹⁷ Возможно, это поселение обследовалось ранее А. Я. Тугариновым и Р. В. Николаевым.

¹⁸ Р. В. Николаев. Указ. соч., табл. 4, рис. 9, 10.

¹⁹ По терминологии Р. В. Николаева. Видимо, речь идет об узоре, характерном для первого типа керамики из Коченят.

То же можно сказать при сравнении с материалами из Прибайкалья и Лены. Об этом свидетельствуют фрагменты сосудов с зашипными валиками в Байките, Полигусе, Коченятах, керамика с ложнотекстильным узором в Полигусе и Байките и ряд общих черт в каменном инвентаре этих областей.

Пока, к сожалению, еще не известны погребения племен, живших на Подкаменной Тунгуске. Это в значительной степени затрудняет решение вопроса об антропологическом типе населения.

Следует указать, что в настоящее время уже назрела необходимость от случайных сборов и разведок переходить к систематическому изучению бассейна р. Подкаменная Тунгуска и других притоков Енисея, впадающих в него справа (Ангара, Нижняя Тунгуска, Курейка и др.).

Г. И. АНДРЕЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ОКОЛО ПОСЕЛКА КРАСКИНО

В 1958 г. во время разведок в Хасанском районе Приморского края был открыт памятник, до сих пор остающийся загадкой в археологическом отношении¹.

Он расположен в 3 км к западу от поселка Краскино, справа от дороги в Хасан, на очень высоком мысу, далеко от моря. В настоящее время внизу у мыса располагаются заливные луга; их подстилают галечники, значит, недавно здесь было море. К 1958 г. значительная часть мыса была вспахана под огороды, частично разрушена дождевыми водами и карьерами для добычи глины; нетронутые участки покрыты высокой густой травой и порослью мелкого дубняка. В 1958—1959 гг. на мысу было собрано большое число отщепов кремневого туфа. Законченных орудий при сборах почти не было, а керамика была представлена единичными фрагментами. Складывалось впечатление, что это остатки мастерской, где первоначально обрабатывались желваки кремневого туфа, выходы которого хорошо прослеживаются здесь же на мысу в карьерах для добычи глины. Для проверки этого предположения в центральной части мыса был заложен разведывательный шурф (№ 1) площадью 8 кв. м (4 × 2). В слое дерна обнаружено много отщепов. Изучение профилей шурфа (до глубины 0,75 м) и стенок разрушающихся участков показало, что культурного слоя с керамикой и орудиями в данной части мыса нет. К северо-востоку от шурфа № 1 был заложен другой шурф (№ 2), который в дальнейшем был превращен в раскоп, общей площадью 48 кв. м. Как и в шурфе № 1, находки были только в первом штыке, многие из них представляют собой законченные орудия. Здесь найдено шесть тщательно отшлифованных тесел вытянуто-треугольной в плане формы, односторонне-выпуклых в сечении (рис. 46, 5), скребок из обсидиана (рис. 46, 1), нож, сделанный на массивном отщепе, лощитель древков стрел из песчаника, обычный для памятников типа Зайсановки 1² (Гладкой 1) или Валентина-перешейка, обсидиановый наконечник дротика или нож лавролистной формы и орудие из обсидиана, назначение которого не совсем ясно. Вполне возможно, что последняя находка является лишь подготовкой какого-то орудия, отчего оно и не имеет законченной формы. Обращает на себя внимание уникальная находка совершенно целого, прекрасно отретушированного наконечника копья с закругленным основанием, сделанного из серого кремневого туфа (рис. 47, 3).

¹ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г.—КСИА, вып. 88, 1962, стр. 95—96.

² Г. И. Андреев. Поселение Зайсановки I в Приморье.—СА, 1957, № 2, стр. 124, рис. 3.

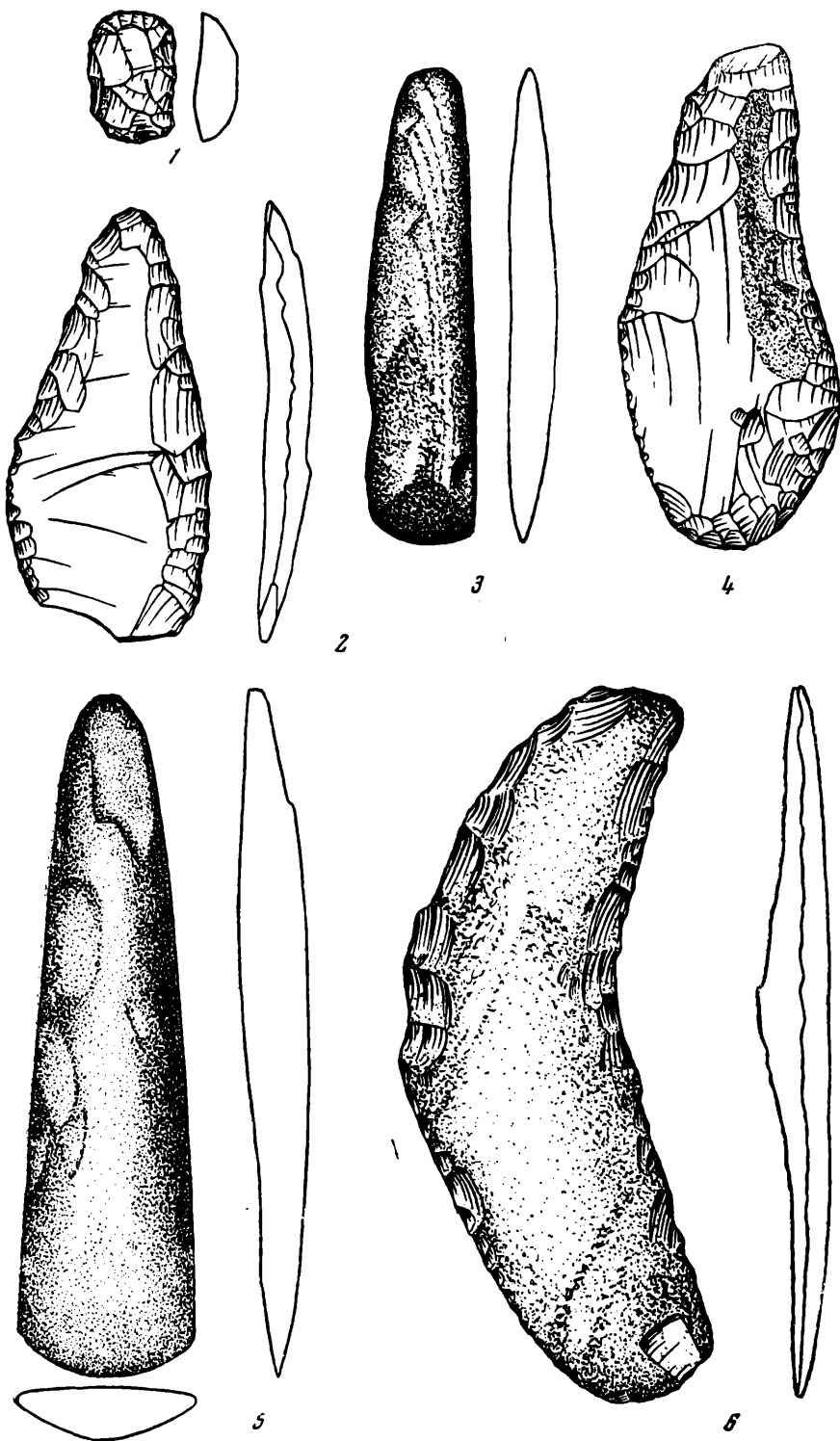

Рис. 46. Находки у пос. Краскино

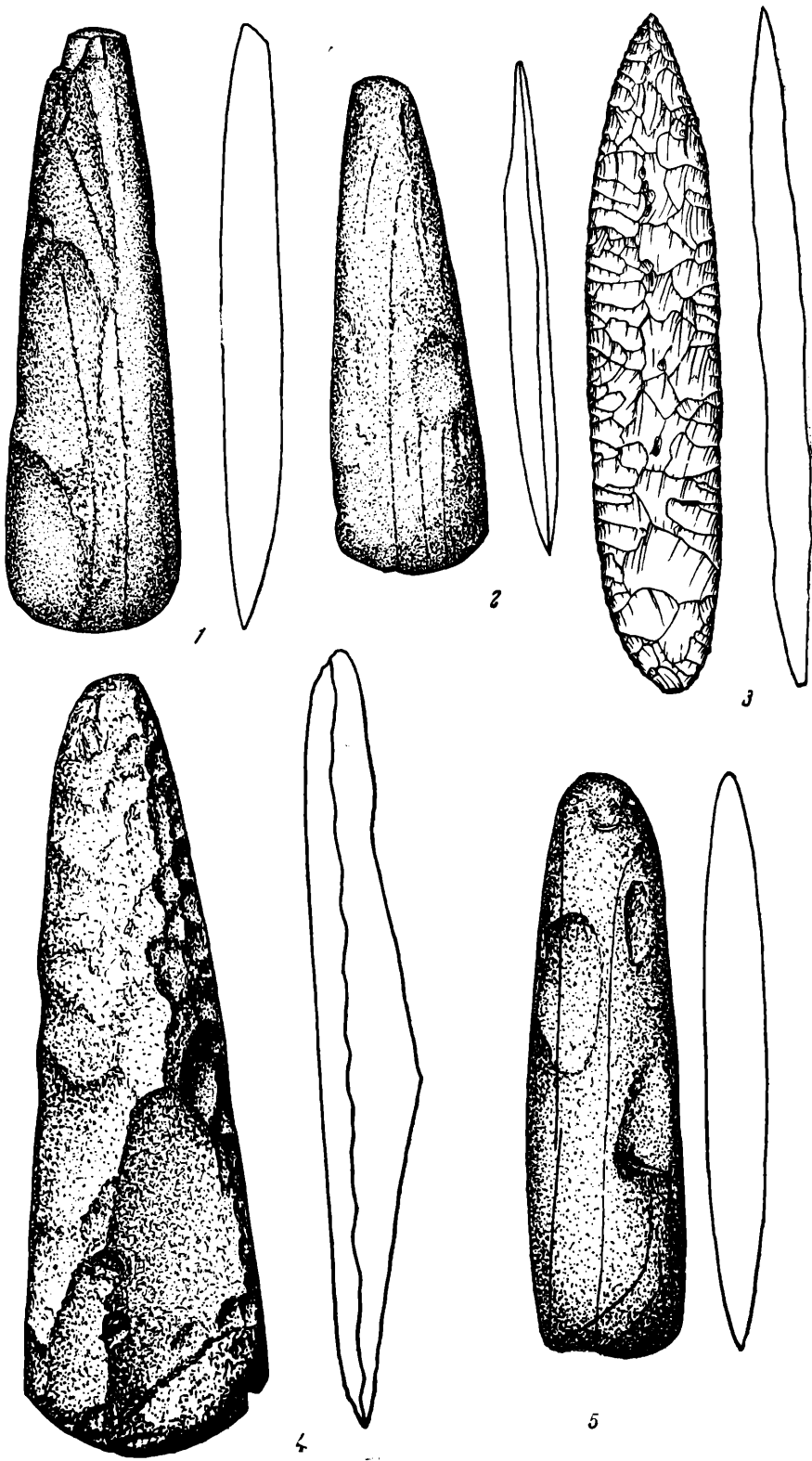

Рис. 47. Находки у пос. Краскино

Очень своеобразен (рис. 46, б) коленчатый нож, изготовленный из расколотой гальки. Обработаны оба лезвия ножа, и выпуклое, и вогнутое. Одно колено ножа несколько длиннее другого. Аналогичные ножи в Приморье мне неизвестны.

На площадке раскопа почти нет отщепов и совершенно нет керамики. Отсутствие керамики и концентрация такого большого числа находок из камня на сравнительно малой площади ставят перед нами вопрос о характере этого памятника: мастерская это или поселение? Решение его зависит от дальнейших раскопок. Интересен этот памятник прежде всего сочетанием найденных здесь орудий: тесла найдены вместе с орудиями из обсидиана. Все обнаруженные тесла относятся к одному совершенно определенному типу односторонне-выпуклых тесел. Они различаются лишь своими размерами и различной степенью обработанности. Некоторые орудия отшлифованы очень хорошо (рис. 46, 5), другие — только начали шлифоваться (рис. 47, 4).

В комплексе имеется лощитель древков стрел. Подобное сочетание известно нам на поселении Зайсановка 1³ (Гладкой 1, по А. П. Окладникову).

Здесь найдены также наконечник копья и коленчатый нож, неизвестные пока в других памятниках Приморья.

А. П. Окладников полагает, что тесла, односторонне-выпуклые в сечении, сопровождают наиболее ранние памятники типа Гладкой 1⁴. Материалы поселений в Заречье 1, Ханси 1, в поселке Кировском подтверждают это мнение. Следовательно, находки близ Краскино принадлежат, видимо, к раннему этапу зайсановской культуры и должны быть отнесены к первой половине II тыс. до н. э.

---

³ Г. И. Андреев. Указ. соч.

⁴ А. П. Окладников. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг.— Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, стр. 22.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА НЕОЛИТА
И БРОНЗЫ В 1964 г.

В 1964 г. сектор неолита и бронзы продолжал разработку ряда проблем, связанных с выполнением общей задачи — изучение закономерностей развития первобытнообщинного строя и процесса сложения этнических общностей на территории СССР.

Внимание сектора было уделено также вопросам древнейших идеологических представлений и первобытного искусства. Продолжалась работа и по подготовке к изданию выпусков «Свода археологических источников СССР».

За прошедший год сектором неолита и бронзы было проведено 31 заседание. Тематика докладов отличалась значительным разнообразием. Наибольшее число докладов было посвящено археологии Европейской части СССР.

Памятникам изобразительного искусства и их интерпретации были посвящены доклады О. Н. Бадера, Б. А. Рыбакова и А. А. Формозова. Темой доклада О. Н. Бадера послужили наскальные изображения «Каменной Могилы» — памятника, исследовавшегося им еще в предвоенные годы. Докладчик рассмотрел последовательность нанесения изображений и выделил среди них древнейший комплекс реалистических рисунков. Доклад вызвал оживленное обсуждение, в ходе которого была отмечена сложность проблемы и необходимость всестороннего изучения этого уникального комплекса.

Идеологическим представлениям по керамике трипольской культуры был посвящен доклад Б. А. Рыбакова. Докладчик, привлекая широкий круг аналогий как из области керамической орнаментации, так и из древнейших слоев индоевропейского фольклора, объяснил ряд композиций, рассмотрев общие идеологические представления древнейших земледельческих племен нашей страны. Выступавшие по докладу (Т. С. Пассек, Е. К. Черныш, Б. В. Горнунг и др.) отметили интерес и своевременность постановки этих вопросов и признали необходимым более широкое изучение семантики древних сюжетов в связи с возрастающими материалами по искусству и идеологии древних земледельцев.

А. А. Формозов в докладе «Наскальные изображения Зараут Сая» рассмотрел мало еще известные до сих пор рисунки этого грота. Как считает докладчик, древнейшие изображения Зараут Сая, возможно, относятся к мезолиту.

Особое место в работе сектора занимали вопросы изучения древней металлургии и металлообработки. С докладами по этой тематике выступали В. А. Пазухин, Е. Е. Кузьмина, Я. И. Сунчугашев, А. М. Лесков, М. Н. Поребова и Е. Н. Черных.

В. А. Пазухин в докладе «Медные чаши Карагузского клада и их место в древней металлургии лесного Зауралья» проанализировал основные процессы металлургического производства эпохи поздней бронзы. Высказано было пожелание В. А. Пазухину подготовить и издать общую работу по древней металлургии меди.

Два доклада Я. И. Сунчугашева («Горное дело и металлургия древней Тувы» и «Ранние сыродутные горны в Туве»), являющиеся частями его диссертационной работы, вводят в научный оборот новые и важные материалы по древней металлургии.

Е. Е. Кузьмина доложила об итогах своей работы по изучению металлических орудий Средней Азии.

В докладе Е. Н. Черных «О древнейших мышьяковистых бронзах Восточной Европы» с технологическим обоснованием был рассмотрен кавказский материал III—II тыс. до н. э.

Б. Г. Тихонов в завершенной плановой работе («Памятники энеолита и бронзы Центрально-Черноземной полосы РСФСР») систематизировал археологический материал из малоизученных памятников указанной области.

Несколько докладов было связано с изучением мезолитических и неолитических культур на территории СССР. Проблемам изучения мезолита и неолита Башкирии были посвящены три сообщения Г. Н. Матюшина (диссертационная работа).

Об изучении мезолитических памятников Волго-Окского междуречья по раскопкам последних лет доложил Л. В. Кольцов.

Вопросам периодизации неолитических памятников Свердловской и Тюменской областей был посвящен доклад В. Н. Чернецова «Неолит Зауралья». На основании тщательно проведенного типологического анализа докладчик обосновал выделение трех этапов в истории развития неолитических племен Зауралья.

Изучению каменного века Средней Азии были посвящены доклады В. А. Ранова («Новые работы по каменному веку Таджикистана») и Г. Е. Маркова («Раскопки грота Дам Дам Чашме II в Туркмении»).

А. Л. Никитин доложил о раскопках поселения и могильника «Диқари-ха» в 1961 г.

Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока нашли свое отражение в ряде докладов и сообщений. Так, Г. И. Андреев в докладе о раннеземледельческих поселениях побережья Восточного и Южного Приморья подвел итоги своих многолетних исследований этого района. Сектор признал основные положения докладчика обоснованными, а плановую работу завершённой.

В. Х. Шамсутдинов (Чита) выступил с предварительным сообщением об итогах исследований в долине рек Аги, Нерчи, Витима.

Ж. В. Андреева сообщила о результатах полевых работ в Приморье в 1963 г.

М. Ф. Косарев сообщил сектору о завершении плановой темы «Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья». Широко обсуждались на секторе доклады Э. А. Новгородовой («Локальные варианты карасукской культуры»), М. А. Дэвлет («Большая Боярская писаница») и Н. Л. Членовой («Происхождение и ранняя история тагарских племен Южной Сибири»).

Е. И. Крупнов доложил об итогах XXVI Международного конгресса востоковедов в Дели и поделился своими впечатлениями о поездке по Индии.

На заседаниях сектора регулярно заслушивались информации о результатах полевых исследований, проведенных сотрудниками сектора в 1963—1964 гг.

В 1964 г. сотрудниками сектора был успешно защищен ряд кандидатских диссертаций. О. Н. Евтюхова защитила диссертацию на тему «Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье»; Г. Н. Матюшин — «Мезо-

лит и неолит Башкирии»; Я. И. Сунчугашев — «Горное дело и металлургия в древней Туве». О. Н. Бадер защитил докторскую диссертацию на тему «Древнейшая история Прикамья».

За освещение древних связей Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока в 1964 г. Е. И. Крупнов получил премию известного арабского поэта и общественного деятеля Саида Акля (Ливан).

Ряду сотрудников сектора на ближайшие годы утверждены новые плановые темы: В. В. Волков — «Древнее искусство Монголии»; О. Н. Евтюхова — «Памятники срубной культуры Днепро-Донского междуречья»; М. Ф. Косарев — «Древние культуры Обь-Енисейского междуречья»; Д. А. Крайнов — «Фатьяновская культура»; Н. Я. Мерперт — «Культура племен Юго-Восточной Болгарии в бронзовом веке»; В. И. Сарияниди — «Древнейшие погребальные комплексы Южной Туркмении и их историческое место»; А. А. Формозов — «Памятники первобытного искусства на территории СССР».

Многие сотрудники сектора участвовали в работе Сессии ООН АН СССР и Пленума ИА АН СССР в апреле 1964 г., где ими были сделаны доклады на секциях и пленарных заседаниях: Д. А. Крайнов — «Итоги работы Верхневолжской экспедиции и некоторые спорные вопросы древнейшей истории Верхнего Поволжья», Н. Я. Мерперт — «Бронзовый век севера Балканского полуострова в свете работ Болгаро-Советской археологической экспедиции» и др.

Большое участие приняли сотрудники сектора в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, состоявшегося в Москве в августе 1964 г. С докладами на конгрессе выступили: Т. С. Пассек, Е. К. Черныш, В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, Н. О. Бадер, О. Н. Бадер, А. А. Формозов.

Как и в прошлые годы, сотрудники сектора проводили полевые исследования во многих районах СССР. В результате получен большой вещественный материал, охватывающий период от мезолита до эпохи поздней бронзы. Н. Я. Мерперт принимал участие в работах совместной Советско-Болгарской экспедиции. В. В. Волков проводил полевые исследования на территории Монгольской Народной Республики.

Сотрудниками сектора неолита и бронзы в 1964 г. сдано в печать свыше 100 научных работ; опубликовано в 1964 г. около 70 статей и монографий.

В порядке популяризации археологии сотрудники сектора, выступая в самых различных аудиториях, сделали ряд докладов и сообщений (Д. А. Крайнов, Е. И. Крупнов, Е. К. Черныш и др.).

В. И. Сарияниди, П. М. Кожин

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ
ПО ВОПРОСАМ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С 21 по 24 декабря 1964 г. в Ленинграде в ЛОИА проходило Всесоюзное совещание во вопросам андроновской культуры. В совещании приняли участие специалисты по бронзовому веку Сибири и Казахстана из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Уфы, Сыктывкара. К совещанию в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа была подготовлена выставка, на которой были представлены наиболее важные материалы по андроновской культуре, хранящиеся в Эрмитаже, а также материалы из вновь раскопанных памятников Алтая и Минусинской котловины.

Открывая совещание, заведующий ЛОИА М. К. Каргер и председательствующий на первом заседании заведующий сектором неолита и бронзы Института Археологии АН СССР Е. И. Крупнов отметили важность проблем, связанных с изучением андроновской культуры, — одной из крупнейших археологических общностей Старого света, охватившей колоссальную территорию и сыгравшей значительную роль в истории ряда народов нашей страны.

Многочисленные полевые открытия последних лет требуют систематизации накопленного материала и постановки ряда общих вопросов, таких, как формирование и характер андроновской общности, ее хронология, конкретные андроновские группы, их происхождение и взаимоотношения, исторические судьбы андроновцев и пр.

Совещание должно подвести итог работе, проделанной в этом направлении различными коллективами и исследователями, и наметить пути дальнейшей разработки андроновской проблематики.

В докладе С. С. Черникова «Место андроновской культуры в истории Западной Сибири» была дана оценка основных спорных вопросов, возникших в процессе исследования андроновской культуры. Главный упор был сделан на исследование периодизации, хронологии, локальных вариантов, происхождения и расселения андроновского населения. Этим обобщающим докладом были намечены все основные направления развернувшейся в ходе совещания дискуссии.

М. П. Грязнов в докладе «Границы андроновской культуры», опираясь на определение андроновских памятников, данное С. А. Теплоуховым, очертил гигантскую территорию единой, по мнению докладчика, андроновской культуры от Приуралья до Енисея, включив в нее и тазабагъябские памятники Средней Азии, дал хронологическую оценку всех выделенных к настоящему времени локальных вариантов, указал на отсутствие смешений андроновского населения на всех границах, исключая западную и северо-западную, где жили родственные андроновцам племена. Верхней хронологиче-

ской границей андроновской культуры является период распространения по степным пространствам многочисленных памятников скотоводческой культуры дындыбайско-замараевского типа, подробно охарактеризованных докладчиком.

П. М. Кожин в докладе «О границах андроновской общности» указал, что полицентрический, прерывистый андроновский ареал может быть охарактеризован как культурная общность, но не как единая культура. Единство общности поддерживалось передвижениями отдельных групп, благодаря чему нивелировались местные особенности в культурном развитии локальных вариантов. На западной, северной и восточной границах общности возникали разнообразные контакты с инокультурными группами.

В докладе В. В. Гинзбурга «Антропологическая характеристика андроновцев на основании антропологических материалов из андроновских памятников» поднимались вопросы о формировании, связях и исчезновении андроновского антропологического типа.

Г. А. Максименков в докладе «Андроновская культура восточных районов», основываясь на значительных новых материалах по андроновской культуре из раскопок Красноярской экспедиции ИА АН СССР, сделал вывод об отсутствии генетических связей между афанасьевской, окуневской и андроновской культурами. В виде иллюстрации приведена таблица М. Н. Комаровой¹, дополненная новыми цифровыми данными. Местных корней в Минусинской котловине, по мнению докладчика, андроновская культура не имела. Докладчик видит в андроновской культуре генетическую предшественницу карасукской.

С. Рахимов доложил о новых раскопках самого восточного памятника андроновской культуры — стоянки и курганов на р. Сыда в Красноярском крае.

К. В. Сальников в докладе «Об этапах и локальных особенностях западного варианта андроновской культуры» пересмотрел предложенные им ранее положения о хронологической классификации андроновских памятников на одной из основных их территорий. Он выделил между федоровским и алакульским этапами промежуточный этап переходного характера — кожумбердынский, имеющий генетические связи и с предшествующим, и с последующим.

В докладе Е. Е. Кузьминой было обращено особое внимание на необходимость изучения микрорайонов андроновской культуры. Докладчик рассмотрела материалы поселений и относительную хронологию памятников Еленовского микрорайона. На основании статистической обработки материала здесь были выявлены три хронологических этапа, совпадающие, как выяснилось в ходе обсуждения, с новой периодизацией К. В. Сальникова.

А. М. Орозбаев, докладывая о новых раскопках памятников эпохи поздней бронзы в Северном и Центральном Казахстане, остановился на значительных комплексах поселений дындыбайско-бегазинского (Центральный Казахстан) и замараевского (Северный Казахстан) типов. Хозяйственная структура, производственные навыки и быт населявших их групп настолько отличаются от культурных явлений предшествующих этапов, что памятники поздней бронзы могут быть выделены в особую культуру.

Доклад К. А. Акишева «Некоторые вопросы социальной структуры и исторических судеб андроновских племен Казахстана» был посвящен опыту интерпретации социальных отношений у дындыбайско-бегазинских племен Центрального Казахстана. По мнению докладчика, в X—IX вв. до н. э. у этих племен произошел переход к новой форме хозяйства — кочевому скотоводству, что повлекло за собою быстрый рост имущественной и социальной дифференциации, получивший определенное археологическое выражение. Докладчик дал также общую оценку андроновского ареала, который,

¹ М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса.— СА, IX, 1947, стр. 53.

по его мнению, складывался из трех обособленных областей, наметил основные пути расселения андроновских племен и рассмотрел вопрос об участии андроновского населения в сложении культуры сакских племен.

Э. А. Федорова-Давыдова в докладе «Вопросы происхождения и хронологии андроновской культуры Южного Приуралья по материалам Оренбургской экспедиции» сообщила о раскопках нового могильника Герасимовка I, где наметились возможности синхронизации алакульского и федоровского типов памятников как между собой, так и с полтавкинской культурой Поволжья. Предшествующая этим группам подоснова — памятники ямной культуры, что позволяет ставить вопрос об участии древнейших племен в процессе формирования андроновской культуры Южного Приуралья.

В. С. Стоколос доложил о раскопках курганного могильника Черняки II и селища Черняки I в Челябинской обл. Эти памятники также приводят к выводу о возможности синхронизации между федоровским и алакульским типами.

Л. П. Хлобыстин в докладе «Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья» изложил материалы из раскопок этого интересного памятника, свидетельствующие о том, что андроновские племена вступали в культурные контакты с местным неолитическим населением Приуралья. Это сыграло определенную роль в освоении последней земледелия и скотоводства. Аналогичные явления происходили и на других частях северной периферии андроновского ареала (сузгунская культура и др.).

В докладе Я. А. Шера «К методике изучения структуры андроновского орнамента» были предложены методы математической обработки элементов андроновского орнамента. Выяснение структуры орнамента и направлений ее изменений может способствовать выявлению семантических элементов орнаментации, установлению более дробной хронологии и происхождения андроновского орнаментального комплекса. Представленные докладчиком среднестатистические орнаментальные схемы резко отличаются от реальных схем на андроновской керамике. Это свидетельствует о еще недостаточной проработке в археологической литературе вопроса об элементах андроновской орнаментации.

В широко развернувшемся обсуждении были затронуты все важнейшие проблемы исследования андроновской культуры: о характере, происхождении и возможностях этнической интерпретации андроновской общности (Б. Б. Пиотровский, Н. Я. Мерперт), о значении различий в хозяйственной структуре андроновской и тазабагъябской культур (М. А. Итина, Б. Б. Пиотровский), о времени появления и значении жочевого скотоводства (Б. Б. Пиотровский, К. А. Акишев, В. П. Шилов), о прерывистом ареале, локальных вариантах, хронологии, возможностях синхронизации федоровского и алакульского типов (этапов) (В. С. Сорокин, П. М. Кожин, Э. А. Федорова-Давыдова, В. А. Сафронов, Е. Е. Кузьмина, С. С. Черников и др.), о замараевской и дындыбайско-бегазинской культурах (М. П. Грязнов, К. А. Акишев и др.) и другие вопросы.

В заключение совещания была принята резолюция, в которой признается большая важность проводившихся до сих пор работ, подводятся итоги дискуссии на совещании и отмечается необходимость концентрации основных сил археологов на разработке общих, принципиально важных вопросов андроновской проблемы (происхождение, хронология, локальные группы и пр.).

П. М. Кожин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
БАН — Болгарская Академия наук
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОПИ — Краткие сообщения Одесского педагогического института
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАПП — Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОГАМ — Одесский Государственный археологический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
УЗТПИ — Ученые записки Томского педагогического института
УЗТУ — Ученые записки Томского университета

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

Г. Ил. Георгиев. Многослойное поселение Азмашка могила близ Старой Загоры (Болгария)	3
В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье	11
О. С. Гадзьяцкая. Костяные изделия стоянки Сахтыш II.	16
М. Ф. Косарев. Орнаменты на днищах сосудов бронзового века в низовьях р. Томи	27

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Гурина. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии	31
И. И. Артеменко, И. М. Тюрин. Неолитическое поселение в урочище Стрелица (раскопки 1963—1964 гг.)	38
В. Ф. Генинг, Л. Я. Крижевская. Новые неолитические памятники на р. Ишиме	44
Л. П. Хлобыстин, Я. А. Шер. Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее	51
Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры	55
Е. Н. Черных. Первые спектральные исследования меди днепро-донецкой культуры	66
Т. Н. Чубинишвили. Некоторые итоги раскопок Амиранис-Гора (Южная Грузия)	69
Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г.	74
В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.)	81
В. П. Шилов. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье	88
А. Н. Мелентьев. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г.	92
И. Т. Черняков. Слой поздней бронзы Болградского поселения (по раскопкам 1961—1963 гг.)	99
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска	106
Г. И. Андреев. Археологические находки около поселка Краскино	111

III. ХРОНИКА

Работа сектора неолита и бронзы в 1964 г.	115
Всесоюзное совещание по вопросам андроновской культуры	118
Список сокращений	121

**Археологические памятники
эпохи неолита и бронзы**
КСИА № 106

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

*Редактор Э. А. Новгородова
Редактор издательства Г. В. Моисенко
Технический редактор В. И. Зудина*

Сдано в набор 28/X-1965 г. Подписано к печати 7/1-1966 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 10,85
Уч.-изд. л. 9,8. Т-01712. Тираж 1500 экз.
Изд. № 633/66. Тип. зак. 3081

Цена 62 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10